

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

*К 50-летию
Центрального экономико-математического института РАН*

ПО ТУ СТОРОНУ ЛИСТА МЕБИУСА

Юбилейный ненаучный сборник

Книга вторая
(литературное приложение)

МОСКВА
2013

По ту сторону листа Мебиуса. Юбилейный ненаучный сборник.
Книга вторая (литературное приложение). – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – 243 с.

Все данные в сборнике приводятся по состоянию на середину 2012 г. (если не указано иное). Краткие персональные сведения даны в сносках (по ходу изложения) или в Книге 1.

Редколлегия:

Ответственный редактор:

зам. директора ЦЭМИ РАН, д.э.н. **В.Г. Гребенников** (составитель и соавтор сборника «Под крылом Пегаса», добровольный консультант сборника «Парнас про нас», соавтор сборника «Под листом Мёбиуса» и данного сборника).

Менее ответственные члены редколлегии (строго по алфавиту):

Зам. директора ЦЭМИ РАН, д.ф.-м.н. **С.А. Айвазян**: консультант-теоретик, автор практически нереализуемой, но красивой идеи проблемно-ориентированной структуры сборника (а также профессор и капитан футбольной команды выпускников мехмата МГУ, ставших цэмистами и оставшихся футболистами, участниками традиционных матчей).

Научный сотрудник, к.м.с. **И.А. Зверкина**: мехматянка с нетрадиционным (литературно- и нелитературно-критическим) взглядом, а также соавтор научных и «ненаучных» сборников, в том числе данного.

Зав. лабораторией ЦЭМИ РАН, д.э.н. **Р.М. Качалов**: редактор, радатель, добροжелатель и джентльмен-издатель научных и «ненаучных» трудов цэмистов.

Зам. директора ЦЭМИ РАН, чл.-корр. РАН **Г.Б. Клейнер**: критик-интеллигент (посему деликатно воздерживается от критики), а также соавтор научных и «ненаучных» сборников, в т.ч. данного.

Ведущий научный сотрудник, к.э.н. **Н.А. Тарасова**: традиционно собиратель, составитель и редактор сборника (а также соавтор и составитель сборников «Под листом Мёбиуса», «Парнас про нас» и данного).

Безответственный (но активнейший!) член редколлегии:

Председатель профкома, д.э.н. **С.А. Смоляк**: суровый, но остроумный критик, а также соавтор ненаучных сборников.

Оригинал-макет: *О.А. Плетененко, О.Н. Королькова, С.Е. Корольков.*

ISBN 978-5-8211-0641-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центральный экономико-математический институт РАН, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА 2 (ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ)

I. ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МОДЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ	11
Александр Аронов	11
Четыре урока ночью	11
«Остановиться, оглянуться...»	12
Обратный счет	12
Наум Коржавин	19
Отрывки из интервью поэта Наума Коржавина	19
Из поэмы Н. Коржавина об Афганистане «Причастность» (1982 г.)	20
Николай Ланцов	21
Весна	21
Вечер	21
Николай Петраков. Трагедия пушкинской дуэли	22
1. Из интервью Н.Я. Петракова	22
2. Из книги Н.Я. Петракова «Александр Пушкин: загадка ухода»	23
Александр Хорт	26
Новая надежда (подражание Б. Окуджаве)	26
Сказка о разводе	26
Мечты сбываются	27
Варя и Барбара	28
Боевая ничья	29
Стихотворение Бернса (рассказ)	29
II. Вениамин Лившиц. НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ	38
Вместо введения: Рассказывают	38
Часть 1. Остап Бендер областного масштаба (повесть о Евгении Редькине)	40
1. Выселение немцев из Челябинской области	41
2. «Дело» об убийстве	41
3. Рассказ начальника электротяги	42
Часть 2. Министр и мастер	45
Часть 3. Несостоявшийся узник	47
Часть 4. Игрок	48
Часть 5. Шутки диссертационные	53
Часть 6. Мои «университеты»	59
Повесть первая: Жизнь в китайском общежитии АН СССР	60
Повесть вторая: Как я впервые чуть не выехал за рубеж	68
Повесть третья: Как я таки впервые выехал за рубеж	71
Повесть четвертая: Поездка в Эквадор	76
III. МНОГОГОЛОСИЕ	81
Евгений Баянов	81
«Ночь. Тишина. Световое пятно...»	81
Евгений Винокуров	82
Монолог тренера по фехтованию	82
Юрий Геронимус	83
А не вести ли	83
Валерий Гребенников	83
Колыбельная Валерику Гребенникову	83
Владислав Дадаян	84
Моему знакомому историку	84
«Ну, пусть мне лучший друг изменит...»	84
Сынок	85

Три картины	85
1. Дорога	85
2. Последний взгляд	85
3. Связь	86
«Торопясь, догоняя, падая...»	86
«Мне не звонит мой друг по вечерам...»	86
Сон	86
«Зачем надежды все посеребрили...»	87
«На листьях – каштанов свечи...»	87
«Пришел январь. А мне – звенят апрели...»	87
«Зачем поешь ты, музыка моя?...»	88
«Какая старость на пороге?...»	88
«Я – капля...»	88
«Предатель – ученик...»	88
На ТВ передачу «Кто вы, тореадор?»	89
«К кому все это можно обратить...»	89
Летние сны	90
Станция Ржев	90
«Мне скоро уходить...»	91
Декабрь 1990	91
Ночная звезда	91
«Я помню: ландыш вздрогнул и поник «	91
К окончанию школы, после которого прошло тридцать лет	92
«Одно прикосновенье, но какое «	92
У твоего окна	93
Владимир Дыбовский	93
«Земля, качнувшись, снова встала...»	93
«В синеву озер нескладно...»	93
«Проснуться в ночь под Рождество...»	94
«Девичья фамилия – пачка фотографий...»	94
Песочные часы	95
Заклятье против чар	95
Елена Егорова	97
Духовная аллергия или Шучу всерьез	97
Полевые цветы	97
Поздняя осень	98
Проводы зимы	98
Сад расцвел	99
Источник вдохновенья	99
Ромашки	100
Последний лист	101
На Машуке	101
Елена Каретникова, Николай Полукеев	102
Реальная виртуальность	102
Георгий Клейнер	104
К году 1992 при его наступлении	104
Владимир Козырев	104
Владимиру Высоцкому	105
Обращение	106
Достоинство	106
«Читаю: “Ночью выпал снег”...»	107
Печальная история	107
Для детей	108
Майское	109
Заповедь	110

«Когда иссушит вены страсть...»	110
«Все-таки под небом...»	110
Молитва	111
«Я покидаю сферу изысканий...»	112
«Мы затаились, словно на картине...»	112
Ад	113
«Ленивое лето, зеленые луны...»	113
За стеклом	114
«Жизнь возвратилась в майских снах...»	114
В оправдание	115
Жене	115
Мессия	116
«Я не пишу банально и понятно...»	116
«Неведомый остров доселе, отсюда...»	117
«Снег, сумерки за окном...»	117
Людмила Крюкова	118
Божественная литургия	118
После причастия	118
Прощеное воскресенье	119
«Все алтари открыты...»	119
Собирающим милостыню у церковной ограды	120
Молитва нищенствующего	120
Станислав Панов	121
Золотые купола	121
Русь-двойка	121
Подснежники и хокку	122
Зарождение хокку	123
Сон, полный печального оптимизма	123
«Время дрогнет и качнется...»	124
«В начале и на склоне дня...»	124
Виктор Полтерович. Из цикла «Досуг»	125
Баллада о Зге	125
«На божественные ноги...»	125
Николай Полукеев	126
Ивы	126
Руслан Рабиза. Из дембельского альбома	126
1. В январе	127
2. Апрельское	127
3. Апрельское – после приказа	127
Владимир Русаков	128
1. «Нет не сердце, а что-то другое...»	128
2. «Когда умирать придется...»	128
3. «Как Маркса вылившись трудом...»	128
4. «Родина – это дом под трубой...»	129
Сергей Смоляк	129
По Лоркиным местам (из переписки в чате)	129
Исаак Сонин	133
Краткая история жизни Исаака Михайловича С-нина в восьми костюмах, двух пиджаках и четырех других предметах верхней одежды, рассказанная им самим	133
Отступление 1. Бушлат	133
Пиджак 1. Немецкий, серый	135
Пиджак 2. Вельветовый	135
Маша Тарасова	136
«С научной точки зрения...»	136

Лягушка.....	136
Интернет.....	137
1. «Мы снова вместе, господа...».....	137
2. «Между вымыслом и явью...».....	137
3. «Мы присутствуем в гостях...».....	138
4. «Эти взрослые дети...».....	138
«Стихи писали при свечах...».....	138
Чат.....	139
Противо-за-ЧАТное.....	139
1. «Все вокруг давно уснули...».....	139
2. «Пора прекратить извержение слов...».....	139
«Имел я с детства вредную привычку...».....	139
Песенка по результатам теста на зависимость от Интернета.....	140
О встречах виртуальных.....	140
1. «Ты себя еле-еле разбудишь...».....	140
2. «Называется, связаны узами...».....	141
3. Пожелание ко дню рождения.....	141
Виртуальные романы.....	142
«Прекрасен выбор мужиков...».....	142
«Виртуальные романы...».....	142
Любовь по Интернету.....	142
1. Любовь по Интернету.....	142
2. Неутолённый доступ.....	144
3. Дурная связь.....	144
4. Всю ночь у монитора.....	145
5. Мыльный роман-с.....	145
Не путайте!.....	145
«Этот суетный мир...».....	146
Сентиментальный романс.....	146
Старинный Интернет.....	146
Дмитрий Чаусов.....	147
Мартовский Марат.....	147
«Озверела вдруг природа...».....	148
«Иду по Крымскому мосту...».....	149
«Цветастый спрут московского метро...».....	150
Богиня юности.....	151
Очищающая пощечина.....	151
Осенняя шутка.....	152
«Когда не нравятся стихи...».....	152
«Который день уже подряд...».....	153
Увлечение горными лыжами.....	153
«Неба ветхий зонтик только троньте...».....	154
Юрий Хмелевский.....	154
Футбол на Северном полюсе (из очерка «Мой Северный полюс»).....	154
СТИХИ О НАС.....	156
Марат Картмазов.....	156
«Разве муза – не женщина...».....	156
«Дай бог счастья тебе и мне, дай бог счастья...».....	156
Евгений Ремез.....	156
Владимир Ромм.....	157
Акростих.....	157
Бессонница (акростих).....	158
Нине.....	158
Юлия Яновская.....	159
Наталья – золотая рыбка!.....	159

<i>Валерия Проколова</i>	159
О моей внучке Анечке	159
IV. Наталия Слатина. ПРЯМАЯ ЛИНИЯ	161
Вместо предисловия.....	161
А. Из периодики	161
«А где моя трава...»	161
«Ее взгромоздить на плечи свои...»	162
Зеленые деревья.....	162
Крылья.....	163
«Восхитительно пели лягушки...»	163
Победителю	164
У порога	164
«И ближнего не сотри во прах...»	164
Эхо	165
У Кремля	165
«Мой поезд мчит с размеренным стараньем...»	166
«На дом детей твоих...»	166
Отчуждение.....	166
Воспоминание.....	167
Моя добрая, добрая бабушка.....	167
Детский вопрос.....	168
«Где звуки слишком гулки...»	168
Вологодский разговор.....	169
Святая Софья	169
Самоцветы.....	170
Добрый вечер, мои соседи!	170
«Ты, плевавший в колодец...»	171
Музыка	171
«Ведь есть же на свете счастливые мамы...»	172
Папа и зонтик.....	172
Б. Из сборника «Неустойчивая земля», 1993	172
«Как долго, как долго, как долго...»	172
«Что толку побивать...»	173
Неустойчивая земля	173
Праведная ложь	174
«Чувство долга и чувство вины...»	174
Путь	174
«Между мной и вечностью...».....	175
Успенское.....	176
Воскресение	177
Семидесятые	178
1. «Берегите мужчин! – говорят...»	178
2. «Для начала – для начала...».....	179
3. «Будем в сказочке распрекрасной...».....	179
4. «Будет серо и сыро...»	179
5. «Да сколько можно – «застой», «застой»...».....	179
6. «Дурака работа любит...»	180
«Девочкам можно спрашивать...».....	180
«Может быть, все-таки...»	181
У пражских костелов	181
«Перед тем, как упасть...»	181
Перед одиночеством	182
Весна – 1989.....	183
Январское видение	183
«Парят над землею творения рук...».....	183

«Симфоническая поэма» Листа	184
Вечерний концерт.....	184
Звезды и город	185
Сумерки.....	185
Пробуждение	186
«Пройти спокойно по Вселенной...».....	186
Бессонница	186
Где же твоя ладонь?	187
«Эх, рассыпаться по белым по снегам...».....	187
Ворожея.....	188
«Но я была сотворена...».....	188
«Почему-то не пишет дочка...»	188
«Если сорок – это срок...».....	189
Дело принцессы.....	189
«Благодарю вас...»	189
«Если б я ненароком поверила в Бога...»	189
Спокойная зима	190
Гадание	190
История женщины (триптих)	191
1. «Влюбился – словно бы молился...».....	191
2. «Что говорить! Любовница...»	191
3. «А была она нежна...»	192
«Что нужно для счастья...»	192
Дни рассвета.....	192
Июльское утро	193
«Люблю летать на помеле...»	193
Поэту.....	193
«В пространстве жеста замерло движение...»	194
День памяти Высоцкого.....	194
1. «Это счастье – я не знаменита...».....	194
2. «Едва поэт надежно в землю спрятан...».....	195
От великого до смешного	195
1. «Что могут поэты...».....	195
2. Приговор.....	195
3. «Настоящий поэт – он пишет о всех...»	195
4. «Стесняясь мир обременять...»	196
5. Читая антологию	196
«Конечно...»	196
Веселая работа	196
Неряха.....	197
Аллергия.....	197
Про киску	197
Умная Собака.....	198
Бедный гном!	198
Помощница	199
1. Доктор	199
2. Помощница	199
3. Добытчица	199
Кто скорее?.....	199
Сонная песенка	200
Где иголки?	200
Внучата-погодки.....	201
<u>В. Из юбилейных «ненаучных» сборников ЦЭМИ РАН и прочее</u>	201
История.....	201
1. Усы на Олимпе	201
2. Октябрь – 1993.....	202

3. Тихий час в октябре	202
4. Почти монолог.....	203
5. Витки спирали.....	204
«Не факт, что я умру...»	204
«Не торопите похороны зря...»	204
Правка памяти	205
«Кто придумал этот чертовый закат...».....	205
«Когда, бессонницу любя...»	206
История воды.....	206
«Я полюбила тишину...».....	207
Контрасты – 2011 (память о «ледяном дожде»).....	208
«Ну что же, граждане, похоже, что пора...».....	208
Интеллектуальная тень	209
«Мы брели по ночному Таллину...»	209
Дорожная.....	210
90-е годы	210
1. «Жизнь – не сахар и не мед...»	210
2. «Всем известен этот старый анекдот...».....	211
Д.э.н. А.Е. Варшавскому, игравшему Шопена.....	211
О миллениуме.....	212
В полосе отчуждения	213
Сентябрь на Балтике	213
Спор	214
Позиция	214
«Я не люблю тебя, цифирь...»	215
Наедине	215
«Я с таким аппетитом...»	216
А голос звучал...	216
Молитва.....	217
Хорал Баха «Украшь душу светлую» (на концерте «Орган + симфонический оркестр») ..	218
«Когда на Земле не останется Бога...».....	218
Старому другу	218
Слушая Розенбаума.....	219
Дети выросли	219
Первая обувка	220
«Расцвел прабабушкин цветок...».....	220
«Это правда, граждане, а не ложь...».....	220
Люди на дорогах.....	221
Звенигородские мотивы.....	221
В королевстве моем.....	222
Успенское – 1997.....	223
Картина.....	223
Утоли мои печали.....	223
Леший.....	224
Прогулка.....	224
Снежинки	225
Конец зиме!	226
К солнцу	226
1. «Скучая, Вы ждали людей, Ваша Светлость...»	226
2. «Привет, светило...».....	227
Закат.....	227
1. «А небо остается небесами...».....	227
2. «Ну что ж, осталось пять минут...»	228
В Успенском ночь	228
Предчувствие зимы	229

Мотивы года.....	229
<i>Краски зимы</i>	229
1. Церковь в Успенском	229
2. Сумерки	230
<i>Рассодия весны</i>	230
1. «Сегодня объявился март...».....	230
2. «Звенит воробьиный бездонный восторг...».....	230
3. Апрельский вальс	230
4. Апрельский снег	231
5. «Спели песни капли...»	231
6. «Неуверенное тепло...».....	232
7. «Сметают мусор со двора...»	232
8. На волю!	232
<i>Рассодия лета</i>	232
1. Пастораль	232
2. Июньская гроза	232
3. И хорошо... ..	233
4. Ливень.....	233
<i>Рассодия осени</i>	233
1. Бабье лето	233
2. Ноябрьский свет.....	234
3. «Предзимье. Солнце. Ели...».....	234
Мемориал	235
1. <i>Уральское детство</i>	235
2. <i>Моим родителям</i>	235
3. <i>Поэт и бабы (памяти наших мам)</i>	236
4. <i>Варенье</i>	237
5. <i>Песни</i>	237
6. « <i>В Красные книги внесите, пожалуйста...</i> »	238
7. <i>Челябинск</i>	238
8. <i>Бабушки-ветераны</i>	238
Стихия слова	239
<i>Срок</i>	239
<i>Спор о литературной премии</i>	239
« <i>Мне говорили – искра Божия...</i> »	240
« <i>Косноязычием жива...</i> »	240
<i>Чужие стихи</i>	240
<i>О художественности</i>	241
<i>О стихотворной вольности</i>	241
<i>Беда незваная</i>	242
<i>Эпоха и поэт</i>	242
« <i>...Но неизменно, который год...</i> »	243

I. ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МОДЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ¹

Александр Аронов²

(1934–2001)

Четыре урока ночью

Учитель Слон твердит, трубя
И топая ногой по фразе:
– Ритм

представляет из себя
Догадку о всеобщей связи.

Учитель Крокодил, на мель
Вползя, диктует над рекою:
– Элементарную модель
Вселенной

назовем строкою.

¹ «Профи» (по терминологии «Литературной газеты», т.е. профессионалы пера) и о них.

² Настоящий поэт и журналист, философ, до «Московского комсомольца» он работал в ЦЭМИ АН СССР: «Жил на свете поэт Аронов. Если можете – так поверьте, Не был званием коронован, А не верите – бросьте взгляд Гонорарами не богат... (Хоть ненадолго, между делом), Но живет он и после смерти. Что в поэзии он наделал Без скандалов и без наград.» *Н. Слатина*

Из статьи *Александра Минкина* «Три пророка» (Московский комсомолец. 2010. 22 окт.):

«Уходит цивилизация. Она была прекрасна, ужасна, что-то мы успели понять, а что-то нет. Уходит цивилизация книги, цивилизация читателей. На смену идут, уже пришли, пользователи.

... Имя Пушкина в 1826-м у всех на устах – чудом не попал на Сенатскую, а оттуда – на виселицу. А когда его с жандармом (под конвоем, но «не в виде арестанта») доставили в Зимний к царю, «Пророк» лежал у поэта во внутреннем кармане. Не сжёг, не выбросил. А ведь не знал, куда везут – в каземат? на ка-торгу?.. Кто хорошо учился, те, может быть, помнят, что за «Пророком» Пушкина следует «Пророк» Лермонтова... кто-то перед смертью водил его рукою. «Пророк» – последнее стихотворение Лермонтова. Третий «Пророк» почти неизвестен... Он написан Александром Ароновым во второй половине XX века – спустя сто с лишним лет после тех. У Пушкина – Преображение (создание пророка) и Задание. У Лермонтова – начало миссии, предательство, бегство. У Аронова – народ, наблюдающий пророка.

Прочтите внимательно (лучше всего вслух) и, может быть, похолодеете, когда стихотворение колдовским манером отразится в зеркале центральной строки, само повернется в обратную сторону и покажет добродушного обывателя-благотетеля во всей красе.

«Он жил без хлеба и пощады.	Но вот зеркальное стекло:
Но в наше заходя село,	А мы и вправду были рады,
Встречал он, как само тепло,	И много легче время шло,
Улыбки добрые и взгляды,	Улыбки добрые и взгляды
И много легче время шло,	Встречал он, как само тепло,
А мы и вправду были рады,	Но в наше заходя село,
	Он жил без хлеба и пощады».

Не изменилось ничего – ни строки, ни слова, ни буквы. Ничего, кроме смысла.

В литературе нет более наглядного изображения: так оборачивается привычная картина мира, так оборачивается привычная красивая ложь...

Почему это гениальное русское стихотворение осталось неизвестным, почему не вошло в учебники – понять нельзя; судьба...

Умер Аронов 19 октября – в день Лицейской годовщины.»

Учитель Дождь вошел из тьмы,
Уже с порога повествуя:
– Боль есть свидетельство, что мы
На самом деле существуем.

И говорит Учитель Свет,
Перстом тебя касаясь строго:
– Пиши: «Для нас возврата нет.
И нам осталось
 так немного...»

* * *

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!

Согласен вдаль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

Обратный счет

Дорогой САША! Сегодня у тебя день рождения.
Тебе исполнился 61 год. Ты бесповоротно, увы,
вступил в седьмой десяток. Но мы знаем, что в
душе тебе всего 25 лет поэта и журналиста. Мы
тебя любим и с удовольствием читаем. Пиши,
пиши, пиши!

Коллектив «МК»³

Раз, два, три, четыре, пять
Девять, восемь, семь, шесть, пять –
Все равно всегда выходит
Этот зайчик погулять.

Сообщено В. Аграновским

100, 99, 98 ...

В зеркале тоже кто-то живет,
Цикает зубом, что-то жует.

³ Газета «Московский комсомолец».

Где-то над полом невидимым реет.
Надо сказать, потихоньку стареет.
То вдруг он глянет из-за обреза
С неодобреньем – не без интереса,
То напевает порой по уграм:
«Трам-тара-ритам – трам-тара-рам»,

однако все сроки прошли. Когда уже, – если ты, конечно, порядочный человек, – полагалось дать дуба, ты все жил и жил. Все как один, порядочные давно уже работали покойниками.

Время несло тебя, как щепку. Иногда ты делал слабенские попытки удержать его.
Да что толку.

Ты дошел до многого.

До того себе не нравлюсь –
Даже бриться не хочу,

– сказал Владимир Соколов. Но ты его понял, даже, может быть, лучше, чем он себя. Таков резонанс настоящих строчек.

Уже и седина пробилась в бороду, а беса в ребре – даже жалкого бесенка – что-то не слышно.

А как ты надеялся!

Выходит, зря.

* * *

84, 83, 82...

В конце концов не то, куда и как с разлета,
Потребности поджав и ночи сократив,
Попал ты,
И зачем, имеет смысл,
И кто ты, –
А смог ли удержать свой простенький мотив.
Ты вышел из дверей.
Постой перед народом.
Тебе зачем спешить, толкаясь и грубя, –
Тех двух десятков встреч
с таинственным исходом,
По-видимому, все. Не будет у тебя.

Ты, конечно, никакой не пророк, но предсказатель из тебя неплохой.

Это ты написал, еще когда желал (и, что немаловажно, мог) увести чужую жену.

Вот это, доложу я вам, была женщина.

Это ты написал именно для того, чтобы не уводить ее у мужа.

И смотрите, пожалуйста, через пять-шесть лет ты уже не мог бы украсть и курицу.

Впрочем, это все едино.

Что осла его, что вола его, что жены его – сказано «не пожелай».

Муж ее обожал. А ты себя уговаривал – и уговорил-таки.

* * *

79, 78, 77...

Ты – летом! – вспоминал строчки Олега Чухонцева:

И свистуны по мерзлым улицам
Брели, куда глаза глядели.

Олега ты очень любишь. Казалось бы, это делается просто: берешь поговорку «Свистунов на мороз!» и делаешь из нее поэзию... А поди-ка попробуй.

Тут добавлен целый ряд тонких примечаний. Во-первых, ощущение полной безнадёжности, во-вторых, сочувствие и, в-третьих, уже из этого рождается надежда.

* * *

72, 71, 70...

Родился –
Шла Столетняя война.
Женился –
Шла Столетняя война.
Жил, думал –
Вот скоро кончится она, –
А умер –
Шла Столетняя война.

Так что – даже не беспокойся, как говорил ныне покойный хороший русский актер Носик в какой-то сравнительно недавней невеселой комедии («Американский дедушка»).

Помни, что другим – не чета тебе – было куда хуже.

Моцарт, веселый человек, в блеске славы, умер молодым, неизвестно где похоронен. Юрий Смирнов так написал о нем:

Плотнее закрывались двери.
Гремел не очень сильный гром.
За гробом шел один Сальери –
И под дождем стоял потом.

А что? Очень даже может быть. Профессионалов всегда мало. Уж кто-кто, а Сальери знал толк в настоящем искусстве.

Ты, положим, страдал от неразделенной любви. Разделенная, любовь тут же выбивается из темы стихов, переходя в другие, не менее, а может, и более существенные объекты: секс, брак, адюльтер, измена, СПИД, смерть.

Но ты свою боль мог как-то вырвать – и на бумагу.

И нет свободы,
И волк в степи –
Просто на самой
 Большой цепи.
И когда, уйдя в свою степь,
Он садится выть на луну –
На что он жалуется?
 На цепь –
Или на ее длину?

А что бы ты сказал о других людях, которые терпят все то, что приходится, – но сжав зубы, молча?

Не правда ли, это выглядит достойнее? Чем плакаться в жилетку всему роду людскому, а если не можешь, надоедать нытьем сердобольным друзьям и соседям?

* * *

10, 9, 8...

Грешен в этом. Глубоко раскаиваюсь. Кажется, разорви меня страсть и старость в клочки – рта не разомкну.

Впрочем, заслуживаю снисхождения. У нас в доме как-то никто не держал собак. Теперь-то я думаю: эх, мне бы тогда мою Катю! На одном плоту все моря переплывем...

От одиночества спиваешься. С другой стороны, в одиночку пить не хочется. Шатаешься по гостям. А у гостей – болтовня, что называется, достает.

Последнее время сложилась какая-то легенда об интеллигентских кухнях. Они, мол, были главным очагом сопротивления режиму.

Было всякое, и под окном стояние...

Как говаривал лирический поэт Маяковский.

Конечно, сопротивление тоже было. Правда, больше словесно-сочувственное. Все ненавидели ворвавшийся в Прагу советский вермахт. Но вышла на Красную площадь крошечная группка интеллигентов, я бы сказал, соринка в глазу СССР.

Но мне вспоминается почему-то совсем не это. Много героев не бывает. Иначе героизм инфлировал бы, подобно рублю – или листве в стихотворении Сережи Чудакова об осени.

Стихотворение, вероятно, было подлиннее, но я запомнил одну строчку:

Инфляция листвы.

Евгений Евтушенко собрал «Строфы века».

Я бы, наверное, уложился бы в пять–десять страничек. Составить бы антологию стихов! (Не стихотворений: стихом называется строка). Кстати, давайте составим вместе: шлите ваши пожелания. Ловких авторов одностий просят не беспокоиться.

Сережин листопад туда бы попал наверняка.

Да, так я начал о гостях.

Значки на пиджаках. Портреты на обоях,
И снежный человек уже промчался мимо.
И йога – телепат приводит за собою.
Пришельцы, наконец. Почти невыносимо.
Давайте создадим гипотезу ушельцев.
Оглянемся: ведь нам чего-то не хватает.
Касанья чьих-то рук. Собачьей теплой шерсти.
И взгляда дальнего, что тянется и тает.
А что? Ведь только так понятна
наша тайна.
Все очень сходится. И будет объяснимо,
И почему мы здесь, так вздорно и случайно.
И семьи не у всех. И негде брать любимых.

Потомки да не будут ни чрезмерно поносить нас, ни сверх меры восторгаться нами. Большинство из нас были слабыми, подпадали под все поветрия, легенды и сплетни. Но среди нас были и Алик Гинзбург, и Наташа Горбаневская, и Вадим Черняк, и Булат Окуджава. Певцы и герои эпохи часто перепутывались, как – Рылеев.

* * *

9, 8, 7...

Оказывается, всегда я только и писал, что о собаках.

Когда у вас нет собаки,
Ее не отравит сосед...

Эта песенка попала в «Иронию судьбы» и после 2–3 новогодий (исключая рубку лозы и тщетную борьбу с «пьянством и алкоголизмом», как это называлось) стала довольно популярной. Это на ней Микаэл Таривердиев решал тему метели.

Напиши-ка повесть о том, как человек всю свою жизнь мечтал, оказывается, завести собаку – и не догадывался, что может это сделать.

Котов у нас с женой перебывало немало. Но больше всего мне памятен интеллигентный, дружелюбный Яська, обладавший ярко выраженными способностями к экстра-сенсорике. Чумаку и Кашпировскому я не верю. Я верил в Яську. Он ложился как раз туда, где я испытывал дискомфорт – на печенку, страдающую от перегрузок, на сердце...

Он всеми силами понижал мне давление. И черт меня дернул написать стихи от его имени. Я воображал себя таким мужественным стойком – как Марк Аврелий какой-нибудь. И вот накаркал.

Они владеют колдовством двери.
Колдовством пищи, искусством игры.
Но мы все равно не особенно верим,
Когда они с нами нежны и добры.
Он счастлив, когда он приходит вечером
И видит, что меня не украл никто.
И прижимает меня, и шепчет,
Когда я вспрыгну к нему на пальто.
Но если я соскочу с подоконника,
И упаду, и меня убьют –
Он себе заведет другого котенка,
Чтобы опять создавал уют.

Это гордые стихи. Наглые. Здесь я, будь я проклят, выступаю для Яськи в роли Самого, как сказал бы Иосиф Бродский.

А никто не должен выступать в этой роли.

Кто-то меня наказал – тот же Яська пал, чем-то отравившись.

А у меня одной привязанностью стало меньше.

* * *

5, 4, 3...

Я не хочу, чтобы про меня сказали:

Во дни кровопролития в Чечне, во времена инфляции слов, обещаний и в последнюю очередь – денег, когда, взяв направление вроде бы в сторону рынка, сразу принялись загонять доллар в старорусовскую мышеловку, – так вот, в эти самые времена был такой, с позволения сказать, умник, который рассказывал о каких-то котах собачьих.

Просто я хотел бы, для сравнения, изобразить вещи в масштабе одна человеко-Вселенная. Чтобы не сложилось впечатления, будто мы все были один к одному, как мачтовый лес. Дуболомы.

Что значат городские ночи?
Здесь, плотно выстроившись в ряд,
Пространства бывших одиночеств,
Как стекла в ящике, стоят.
И между знаков Зодиака,
Захлебываясь и дрожа,
Не потому ль скулит собака
С тринадцатого этажа?

За то, что вы меня дочитали до этого места, я вам расскажу, как я отруливаю от обрывов.

День опустел, а все не кончится,
Нет транспорта на остановке.
Что делать, если жить не хочется?
Учиться точности рифмовки.

Все распадается, все рушится
Пусть так. Подумаешь, досада.
Размер предполагает мужество:
Ведь строчку-то доделать надо.

Я, стало быть, заимствую поддержку – не у поэзии («Я не поэт. Да и разве бывают живые поэты?» Евгений Бунимович), а попросту у ремесла. Блажен, кто хорошо что-нибудь делает. Или строит. Или охраняет. Или разносит почту. Или даже плачет (но это более к лицу дамам).

Вот только стрелять профессионально я бы не хотел.

* * *

4, 3, 2...

Так, глядишь, я и доберусь до рождения.

Я происхожу из славного рода белорусских бараночников и тестомесов. Они были люди неслабые. Сохранилась, как водится, легенда: Хаим-Лейб Аронов, мой прапрадедушка, вставал в косяке окна. Ему за спину захлестывали вожжу от тройки мельниковых коней, славных на весь городок Сенно. И стегали их.

Он удерживал коней – или они вырывали его из окна вместе с косяком.

* * *

1. Пуск...

Гуляю по морю пешком.
Стучу о море посошком.
Вокруг стихия с трех сторон.
А с берега кричат: «Силен!»
Они завидуют тому,
Что я иду и не тону.

Во всем этом нет еще ни грамма поэзии. Одно сплошное хвастовство.

Кстати, вещь не новая. Еще в Греции некто выступает с заявочками, как он, дескать, славно прыгал на острове Родос. Ему ответили: «Хик Родос, хик сальта». Что, вероятно, в переводе должно было значить: здесь тоже Родос. Сила притяжения тут практически такая же – здесь и прыгай, видали мы твою маму. И он все же таким хитрым макармом достиг искомого бессмертия.

Что хотел сказать я? Что зависть – неполная осведомленность. Поэтому продолжаю:

А я зато на берегу.
Сидеть, как люди, не могу.

Это и называется «поворотом». Они употребимы не только в стихах. Но и рассказах, в трагедиях и комедиях, длинных романах – и коротких, как ножевой удар, детективах. Иначе все будет скучным.

Если вы чувствуете необходимость сюжетного поворота – вы достаточно вооружены для написания бестселлеров. А остальное – дело наблюдательности, усидчивости, наличия бумаги. Словом, техники. Ну и малая толика таланта не повредит. Только смотрите, не переусердствуйте с этим самым талантом. Талант хорош для создания того, что будут задавать на дом в школах. А здесь он – помеха. Лучше бы побольше ловкости, умелости и умения, не отрывая зада от кресла, просиживать с утра до вечера.

Согласитесь, каждому, не только мне, нужен в судьбе поворот.

Если бы так и было сделано – там хоть трава не расти.

Мы, кто менее, кто более, чего-то добиваемся. А зато трава у нас расти не хочет...

* * *

– 200

Тут недавно показывали фильм о Паттоне. Кто не знает – был такой американец, воевал в Африке с Роммелем. Фильм своего рода удовольствие. Но – своего. Тут такой соцреализм – похлеще советского. Паттон изображен позером, графоманом, страдающим тяжелой формой мании величия.

Впрочем, страдает не он. Страдают его солдаты.

Начинается так: некто в генеральской форме. Задник – звездно-полосатый флаг. Идет даже не агитка, а вообще черт знает что такое. Назидание рядовым, офицерам, армии, народу. Впечатление такое: сукин сын – но наш. Уж он-то Роммелю задаст.

Я долго не выдержал всех этих батальных сцен. Чьи убийцы лучше, талантливее.

Но что-то прилипло. Значит, в чем-то правы и коммунисты: те – тоже не сахар. Паттон не был бы самим собой, не обругай он всю американскую литературу: «Сатердей ивнинг пост», всех писателей, кто с этим делом связан: Фицджеральда, Хемингуэя, должно быть, Фолкнера...

Победи Паттоны – немного было бы радости.

Что это такое, демократия? Каким образом она балансирует над всеми обрывами – и почти не плюхается в них? Я этого дела не понимаю.

Поговорим уж лучше о поэзии. В поэзии я, правда, тоже не смыслю ни аза, но все-таки по-другому.

Я когда-то был эстетиком.

Я так и не понял, чем отличались природники от общественников (две тогдашних партии в этом деле), но все-таки...

Мой друг Юрий Смирнов надо мной подшучивал: «Эстетика – это такая штука...»

Я, надеюсь, не раздражался. Каждому его занятие кажется стоящим. А иначе – это какой-нибудь глубоко несчастный дуралей. Я иногда таким себя чувствую.

Паттон говорит, что жил всегда, сражался на стороне римлян против Карфагена.

И вот тут я ему в чем-то сочувствую.

Я сам удивляюсь: почему, скажем, не я написал то-то и то-то?

Оставьте мне эти стихи. Пусть они будут моими тоже. От классиков ни унции не убудет.

Решено: для себя – я не написать таких строчек просто не мог. Если меня кто-то опередил – я присоединяюсь.

Итак, дыханье затая:

И с отвращением читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная.

И горько жалуясь, и горько слезы лью,

Но строк печальных не смываю.

Александр Сергеевич! Возьмите меня!

Я вот тоже. Именно что с отвращением. Только что слова нужного не подберу.

Позвольте вместе с Вами отчаиваться. С таким, как Вы, мне ничто не страшно.

Позвольте ухватиться за Вашу лодочку. Вы жили, должно быть, труднее. Но вы не смываете печальных строк своей жизни. Как будто знаете: это послужит утешением многим.

За сим остаюсь

Вашего высокоблагородия

покорным слугой –

Александр Аронов

Наум Коржавин

Отрывки из интервью поэта Наума Коржавина⁴

Завтра выходит в свет двухтомник воспоминаний поэта, классика самиздата Наума Коржавина «В соблазнах кровавой эпохи». В Москву на презентацию книги Наум Коржавин приехал из Бостона, где живет последние тридцать лет...

– Как вы могли бы определить жанр ваших мемуаров?

Наум Коржавин: Я начал писать их очень давно, примерно в 1980 г. Книга о том, что было с душами людей, со мной, с моим развитием. Сейчас говорят, что было 70 лет коммунизма. Это не так. В одной из статей у меня есть формулировка: «Под русским

⁴ (Комсомольская правда. 2005. 23 нояб. С. 13). См. «О докладе поэта Наума Коржавина...» в Части 3 Книги 1.

коммунизмом я понимаю власть коммунистической партии, существовавшей в России с середины 1917 г. по середину 1935-го». А сталинщина – это результат коммунизма. Коммунизм – это было заблуждение, а в сталинщине заблуждения не было, был полный отказ людей от самих себя.

– Когда вас арестовали в 1947-м, что вы почувствовали?

Я не ждал, но надо мной нависало, я это чувствовал. Хотя тогда меня сажать было не за что. Даже мои стихи про Лубянку, про Сталина нигде не печатали.

– Вернувшись в Москву, вы заканчивали Литинститут уже в эпоху шестидесятиничества, были другие настроения, другая эстетика. Вам удалось влиться в эту среду?

С этим поколением я был не очень близок. Моими друзьями были Слуцкий, Самойлов, Наровчатов. Но для серьезной поэзии эпоха начиналась очень трудно. Если бы у меня были деньги и силы, я бы издал антологию «поэты военного поколения».

– То есть вы себя не относите к шестидесятникам? Ведь ваш сборник вышел в начале 1960-х.

Нет, да и Булат не шестидесятник. Это поколение начиналось еще до войны.

– Когда вам стало ясно, что оттепель кончилась, что жить в этой стране больше нельзя – нужно уезжать?

После того как на письмо Солженицына отреагировали так, как отреагировали, я понял, что власть не контактна и делать больше нечего. Я уехал в состоянии пессимизма, а не от того, что меня не печатали. Я подписывал письма, которые считал верными, но меня не увлекала диссидентская деятельность. Я не мог все время думать о том, что сказал Брежнев, и на это реагировать. Я уехал, потому что перестало хватать воздуха.

Из поэмы Н. Коржавина об Афганистане «Причастность» (1982 г.)⁵

...Что там мальчики наши!
Мы сильнее виноваты!...
Мы – кто делал карьеру
И кто брезговал этим,
Мы – кто жаждал не сдаться,
В дух свой веря упорно...
Все равно допустили,
Все равно дотерпели...
Как приходится сыну,
Если предки такие,
Так за все наши вины
Отвечает Россия.

⁵ Прочитана автором после его доклада в ЦЭМИ РАН.

Николай Ланцов⁶

Весна

Пусты еще в садах скворешни.
И низко виснут облака.
Но светятся водою вешней
Сугробов синие бока.
Дымятся талые тропинки.
Бегут раскосые ручьи.
В полях на белые овчинки
Садятся черные грачи.
А выйдет солнце молодое
В лазурь, где светят купола,
И пчелы лапкой золотою
Качнут цветов колокола...

Вечер

Виснет небо на красных ремнях.
Сизый мрак продирается к речке.
Кобылицей в раздольных полях
Скачет ветер без шпор и уздечки.
Виснет гирями день на ногах.
И заря рассыпается в брызгах.
Тонут в дымке грачи на стогах
И друг к другу сдвигаются избы.
Пронеслись к тишине поезда,
Сотрясая небесные створки.
С голубыми глазами звезда
Закачалась цветком на пригорке.
По земле предвечерняя дрожь
Перекачивается волнами.
Золотая дорога, как рожь,
Повернула к луне за скирдами.
По лугам до родного плетня
Гонят сумерки нашу корову.
В догорающем пламени дня
Созревает зовущее слово...
Танцуют звезды на окошке,
А ветер стынет на лугу.
И тень мохнатая, как кошка,
Облизывается на снегу.
И в серебре раздольной ночи
Застыли, вздрогнув, паруса.
И только медленно ворочаются
Часов бесстыжие глаза...

⁶ Ранее работал в ЦЭМИ АН СССР. Член Союза писателей СССР (умер в 2009 г.).

Николай Петраков⁷

Трагедия пушкинской дуэли

1. Из интервью Н.Я. Петракова

«Имя Николая Петракова, академика РАН, экономиста, ученого с мировым именем, директора Института проблем рынка Российской академии наук со дня его основания в сентябре 1990 г., хорошо известно в Отечестве. Его перу принадлежат свыше 200 публикаций, включая монографии... В последние годы ученый выпустил несколько книг, посвященных судьбе Пушкина, которые вызвали волнение в нашей пушкинистике. Накануне Дня памяти Пушкина мы не обошли эту тему.

– *Николай Яковлевич, в последнее время о Вас заговорили как о писателе, авторе очень интересного исследования, посвященного жизни и смерти А.С.Пушкина...*

Да, в 2003 г. вышла моя книга «Последняя игра Александра Пушкина», а в 2005 – ее продолжение «Александр Пушкин: загадка ухода».

– *Какова ваша концепция истинных причин гибели поэта?*

Пушкина и о Пушкине я читаю всю жизнь. И всегда ждал, что появится наконец исследование, в котором будет внятно объяснено, как так могло случиться, что гений, величайший из русских умов XIX в., не только поэт, но и мыслитель, разбиравшийся в политике, общественных отношениях, в последний год своей жизни мог, словно овца на заклание, быть ведом ничтожными людьми, интриганами, сплетниками?

Александр Сергеевич оставил две главные загадки своей гибели: дрался ли Пушкин на дуэли с истинным виновником своего унижения и кто был автором и распространителем анонимного пасквиля, явившегося катализатором бунта поэта? Официальная версия пушкинистики общеизвестна: Дантес откровенно и демонстративно ухаживал за супругой поэта. Поэт получает анонимное письмо с намеком на то, что он рогоносец, и мгновенно прозревает, причем сразу в двух направлениях – замечает оскорбительный для него и его жены характер поведения Дантеса и одновременно вычисляет автора анонимки (приемного отца Дантеса). Далее следует вызов на дуэль «без объяснения причин», дабы защитить честь то ли самого поэта, то ли его супруги, то ли того и другой вместе.

Вся беда в том, что «железность» логики такой конструкции рассыпается уже в момент ее создания. Почему ревнивому и любящему свою жену поэту требуется дожидаться анонимного пасквиля, чтобы возмутиться поведением Дантеса? Что за слепота непревзойденного знатока взаимоотношений между мужчиной и женщиной? Да и ровня ли Дантес Пушкину? Зачем Геккернам (старшему и младшему) писать анонимные пасквили? Они оба делают свою карьеру в России, им противопоказан скандал. Откуда такая мгновенная уверенность Пушкина в авторстве анонимного послания (получено 4 ноября, вызов на дуэль послан Дантесу 5 ноября)? Анонимщик прозрачно намекает совсем на другого «воятеля рогов» поэта, но последний этого якобы не замечает. Почему? Никакого Дантеса как предмета ревности для Пушкина просто не существовало. Дантес был подставной фи-

⁷ Н.Я. Петраков – академик, директор ИПР РАН, был Советником Президента РФ.

гурой, ширмой в великосветской интриге. Обе столицы сплетничали об «особых отношениях» государя с женой поэта.

Трагизм ситуации состоял в том, что оскорбителем стал сам император. Сначала Пушкину приходит мысль спровоцировать любую дуэль (без кровавого исхода) и в качестве неминуемого наказания за сам факт дуэли получить столь желанную высылку из столицы. Но этот план оказывается неудачным. Тогда поэт решается на тщательную мистификацию с анонимным письмом – ведь ему важно было не драться с Дантесом, а вызвать замешательство в стане Романовых–Нессельроде и выйти в конце концов на прямое объяснение с императором. Но весь его план игры с коронованной особой рушился. В борьбе за честь семьи Пушкин изначально оказался в одиночестве.

– Вторая ваша книга затрагивает и такой щекотливый для пушкинистов вопрос, как отношение Пушкина к дому Романовых, к идее самодержавия.

Конечно, Пушкин был сторонником просвещенного абсолютизма. Он формулирует свои требования к власти: власть обязана уважать своих подданных, а подданные должны поддерживать власть, сохраняя свое гражданское достоинство, не впадая в холопство. Династия Романовых в глазах Пушкина выглядела весьма удручающе. Но при этом Пушкин был противником революционных преобразований. Не думаю, что у него были иллюзии насчет просвещенности российского абсолютизма. И он плохо относился к фаворитизму как явлению русской жизни.

– Увидит ли наш читатель продолжение вашего труда?

Я очень на это надеюсь. По-прежнему продолжаю работать над этой волнующей меня темой.

2. Из книги Н.Я. Петракова «Александр Пушкин: загадка ухода»

В 2003 г. была опубликована первая часть этой работы «Последняя игра Александра Пушкина» (изд-во «Экономика»). Она вызвала довольно широкий интерес читателей, научной и литературной общественности.

...Творчество Александра Сергеевича Пушкина исследовано с помощью компьютерной техники лингвистами, препарировано филологами, пережевано литературными эстетам.

...Обсуждать те или иные события, относящиеся к определенной исторической эпохе, следует, исключительно оставаясь в рамках быта, морали, этики этой эпохи. Иначе мы ничего не поймем, скатимся в мифотворчество, заведомую предвзятость.

...Александр Сергеевич Пушкин окружил свой уход из жизни ореолом загадочности, уравнением со многими неизвестными не только для подавляющего числа читателей (а может быть, и пушкиноведов) по сей день.

...И те, кто, путая Татьяну Ларину с Натальей Гончаровой, настаивает на незыблемости супружеской верности последней, и те, кто обвиняет ее в интимной связи с царем или Дантесом, – все скопом, иногда даже не замечая этого, лезут с ногами в супружескую постель поэта. Зачем?

...Так кто же должен вступить в игру, вызвать огонь на себя, устроить грандиозный скандал, поставив на карту собственную жизнь, и в результате разрубить унижительный ситуационный узел? Конечно, только сам Александр Сергеевич Пушкин.

Самому на себя написать анонимное письмо? Что за экзотика, где это видано?! Но зачем же так ограничивать рамки мистификации, если человек калибра Пушкина решил взорвать вялотекущий процесс, вступить в смертельную игру с самодержцем и его ближайшим окружением, диктовать условия этой игры? К тому же пример анонимного письма на самого себя как блестящей формы мистификации дал Пушкину малоизвестный в то время гусар Михаил Юрьевич Лермонтов.

...Автору анонимного письма была чужда психология придворного вельможи. Он, несомненно, был вольнодумцем в том смысле, что исповедовал свободу и приоритет прав дворянина над абсолютной и безграничной властью монарха. Это был человек, которому были близки взгляды декабристов (боровшихся, между прочим, не за свободу крестьян, как долбили нам советские историки, а за свободу и независимость дворянского сословия, которое Романовы держали в холопстве, но это отдельный сюжет). Честь дворянина – это мотивация поведения друзей Пушкина и самого Пушкина.

...Как замечательно сыграл «аноним» на руку Пушкину, если иметь в виду, что Александр Сергеевич замахнулся на схватку с самим императором и его камарильей!

...Все становится на свои места если понять, что Пушкин использовал диплом, чтобы информировать только близких друзей о своем «вступлении на тропу войны» не с кем-нибудь, а с самим самодержцем, но при этом предусмотрел крайне ограниченное пространство текста среди доверенных лиц.

...Но самым главным документом, доказывающим, какую тонкую игру (буквально на лезвии бритвы) вел Пушкин, мистифицируя одновременно власть, свет и друзей, может служить письмо Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. Оно не было послано, но документально подтверждает линию, которую озвучивал Пушкин в тот период. Именно этой конструкцией он дорожил, хотел довести ее до сведения «правительства и общества». Текст этого письма был при нем во время дуэли! Так вчитаемся же наконец в пушкинский текст.

«Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству [и, естественно, государю] о том, что недавно произошло в моем семействе [какая интересная формулировка: «не со мной», а «в моем семействе» – не иначе как посыл Николаю Павловичу]. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены.

Я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца (?!), от человека из высшего общества, от дипломата (?!). Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.»

(И в то же время тонкий посыл Николаю Павловичу: «большинство лиц, получивших письма... их ко мне не переслали». Утечка информации возможна! Наталья Николаевна, боже упаси, тут ни при чем.

Вот, Николай Павлович, кто твой соперник. Ты его нанял для отвода глаз, а он слишком вошел в роль. Хорошая наживка для солдафона, волею судеб взгромоздившегося на российский трон. Но главное здесь, что сам Пушкин никого не называет, а лишь пересказывает то, о чем «все говорили»!... Пушкин не настаивает на Дантесе, тонко намекая, что имя его жены связывают и с другим именем... А доказательств и нет. Но «я утверждаю», что оскорблен и буду бороться с вами на смерть! Вот позиция Пушкина. Он выдал из себя раба окончательно и бесповоротно).

Письмо короткое, но удивительно емкое, явно выверенное до каждого слова. Это не жалоба Бенкендорфу или царю на какого-то ничтожного Геккерна (не требую «ни правосудия, ни мщения») и не врыв эмоций загнанного в угол поэта. Мы имеем дело с версией Пушкина, с той трактовкой ситуации, которую он хотел внушить, «довести до сведения правительства и общества».

...Ни один российский бунтарь не мог бросить в глаза при личной встрече венценосному оппоненту слов своей правды. Ни Курбский, ни Радищев, ни декабристы, ни Чаадаев... Только Пушкин! ««Истина сильнее царя», – говорит Священное писание» – практически последняя запись поэта, сделанная 26 января 1837 г. Прискорбно, но примеру Пушкина никто не последовал в дальнейшей истории государства российского.

...Пушкин формулирует свои требования к власти.

Пункт первый. Власть обязана уважать своих подданных; а подданные должны поддерживать власть, сохраняя свое гражданское достоинство, не впадая в холопство.

Пушкин не сваливает эту «беду страны» целиком на плечи властвующих, а делит ответственность за уродство политических нравов российского общества между властью и подданными.

Пункт второй. Власть должна заботиться о преемственности культурного развития, о сохранении духовности и национальных традиций.

«Дикость, подлость и невежество, – писал Пушкин, – не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

Пункт третий. Любая власть должна восприниматься обществом как легитимная. Иначе она не пользуется общественным уважением и вынуждена самоутверждаться методами, разлагающими самое власть.

Пункт четвертый. По убеждению Пушкина, одна из естественных функций государственной власти – отстаивать стратегические интересы государства.

Пушкин чувствовал наличие водораздела между национальными интересами и национальными амбициями.

Итак, власть должна восприниматься в общественном сознании как легитимная, защищающая государственные интересы и национально-исторические традиции страны, а главное – уважающая личное достоинство и свободу граждан. Вот, на наш взгляд, основные требования Пушкина к власти, его политическое кредо.

Александр Хорт

Новая надежда⁸

(подражание Б. Окуджаве)

Надежда, я вернусь тогда, когда мощна тугою станет,
когда на счете заимею я капиталец пожирней.

Надежда, мой масштаб иной – не для меня

фарца простая,

а для меня уделом – биржа и место брокера на ней.

Надежда, я на бирже той стал потихоньку оперяться.
Но если воронов банкротства замечу вдруг над головой,
тогда я пару проверну вполне законных операций,
чтоб дивиденды худо-бедно спасли от ямы долговой.

А если все же под удар подставлен буду я коварно,
какие б выгодные сделки ни предлагались за спиной
я все равно паду на той, на той Российской,

на товарной,

и коммерсанты в иномарках склонятся молча надо мной.

Сказка о разводе

Жили-были муж и жена. Люди культурные, по специальности физики. Прожили они вместе тридцать лет и три года, после чего, к удивлению всей физической братии, решили развестись. Сказано – сделано. Пришли они в суд, развелись. А после этого муж возьми да и подай заявление на раздел имущества.

Надо сказать, что добра у них был всего один атом. Его им подарил на серебряную свадьбу внук всемирно известного ювелира, эмигранта первой волны. После революции дед вывез атом в каблуке сапога для верховой езды.

Получив это заявление, судья, милая симпатичная женщина, говорит мужу:

– Истец! Чего ради вы тут занимаетесь мракобесием! О каком разделе может идти речь, если известно, что атом мельчайшая частица вещества. Он не делится.

– Современной наукой доказано, что делится, – ответил муж.

Против науки не попрешь. Судья вынесла вердикт – разделить совместно нажитое имущество между бывшими супругами пополам.

Неожиданно жена полезла в бутылку:

– Раз вы постановили делить, то сами и выполняйте свой приговор.

Пришлось суду на собственные средства сварганить синхрофазотрон. Только с его помощью удалось расщепить атом.

⁸ Не зря автор до «Юности» и «ЛГ» встречался с экономикой в стенах ЦЭМИ АН СССР! Из сборника «Под листом Мебиуса».

Однако на этом история не кончилась. Имуущество поделили. А что теперь делать с синхрофазотроном? В суде он совершенно не нужен. Только место в зале заседаний занимает, не дает повернуться ни подсудимым, ни свидетелям.

– Можете забрать его себе, – сказала судья бывшим супругам.

А тем только этого и нужно. Они взяли синхрофазотрон и отнесли на работу. Тот было радости! Все коллеги поздравляли супругов. Да, да, именно супругов. Ведь это был фиктивный развод. И когда кто-либо благодарил их за появившийся в институте синхрофазотрон, они смущенно улыбались и говорили:

– Что же делать, если бюджетных денег на науку не хватает!

Мечты сбываются

Незадолго до начала премьеры в кабинет режиссёра Гирькина вбежала его помощница Турбинская. Вся запыхавшаяся, покрасневшая, лицо встревожено.

– Владимир Сергеевич! Спектакль срывается! Спинкин заболел! – выпалила она.

Режиссёр задумался. Ему ужасно не хотелось отменять спектакль. Скоро начнут собираться зрители, и автор пьесы подготовил роскошный банкет. Но заболел исполнитель главной роли. Как теперь выкрутиться?

– Владимир Сергеевич, имею предложение, – сказала помощница. – У нас есть осветитель Костя Игнатьев. Он с детства мечтал стать актёром. Для этого и в осветители пошёл, чтобы быть поближе к сцене. Он все мужские роли назубок знает.

– Эту-то роль ему откуда знать? Спектакль ещё не шёл.

– Всё равно знает. Он её на репетициях выучил. Пусть Костя заменит Спинкина.

Позвали осветителя. Проверив знание текста, режиссёр дал добро:

– Выручай, не то спектакль сорвётся.

Ошалевший от счастья Игнатьев и помощница побежали в гримёрную, однако Турбинская тут же снова вернулась в кабинет.

– Владимир Сергеевич, спектакль-то наш всё равно срывается. Теперь нет осветителя на правой стороне. Без освещения ничего не получится.

Режиссёр опять задумался.

В это время открылась дверь, и в кабинет вошёл небритый мужчина во фраке. Это был альтист оркестра Палаткин.

– Володя, я слышал, сегодня осветителя нет, – пробасил он. – Можно я его заменю? Я с детства мечтал стать осветителем, для этого и в театр пошёл, а не преподавателем в музыкальное училище. Чтобы поближе к прожекторам быть. Я из ямы за осветителями всё время слежу. Я справлюсь.

Получив согласие режиссёра, помощница отвела радостного Палаткина на балкон осветителя, после чего снова вернулась в кабинет. При её появлении режиссёр застонал ещё до того, как Турбинская открыла рот. А она сообщила:

– Владимир Сергеевич! Спектакль срывается. У нас почти постоянное соло на альте, а Палаткина нет.

Режиссёр, обхватив голову руками, задумался. Его размышления были прерваны робким стуком в дверь. На пороге появилась гримёрша Белоусова.

– Товарищ режиссёр, – пролепетала она, – говорят, в оркестре партия альтя срывается. Доверьте мне. Ну, пожалуйста. Я с детства мечтала стать музыкантом. Для этого и в театр пошла, а не в салон, чтобы быть поближе...

Не дослушав её, Гирькин попросил помощницу отвести гримёршу в оркестровую яму. Турбинская ушла, но буквально через минуту вернулась.

– Вы, конечно, станете смеяться, – сказала она, – но наш спектакль опять срывается. Белоусова сидит в яме. А между каждой картиной проходит по нескольку лет, персонажи то и дело стареют. Их нужно сильно гримировать. Как быть?

Гирькин решительно поднялся из-за стола:

– Я с детства мечтал стать гримёром. Да вот судьба не сложилась – стал режиссёром. Но в душе я – гримёр. И дома тоже. Я всю косметику жене делаю.

Произнеся это, Гирькин отправился в гримёрную, после чего спектакль начался...

Перед следующим спектаклем никаких волнений уже не было. Спинкин выздоровел и находился в прекрасной форме. Осветитель Костя занял своё привычное место на балконе, альтист вернулся в оркестровую яму, Белоусова поднялась из ямы в гримёрную. И тем не менее спектакль сорвался. Сорвался он по вине зрителей. Отзывы многочисленных очевидцев премьеры разнеслись по городу, и на втором представлении зрителей не оказалось. А заменить их было нечем.

Варя и Барбара

Варя Клиноква, жившая в маленьком сибирском райцентре Теремковске, любила кино вообще и киноартистов в частности. Особенно ей нравилась голливудская звезда Барбара Клинфорд. Она до того нравилась Варе, что в один прекрасный день девушка решила сделать себе пластическую операцию, лишь бы быть похожей на своего кумира.

Вырезав из журналов несколько фотографий Клинфорд, она отправилась к хирургу. Вместе они пришли к выводу, что для достижения цели Варе требуется сделать менее вздёрнутый нос, инъекциями геля добавить пухлости губам, приподнять уголки глаз и удалить жир из второго подбородка.

В общей сложности хирург колдовал над Варей четыре часа, после чего девушку было трудно отличить от заморской кинозвезды.

В это же самое время в далёком Лос-Анджелесе Барбара Клинфорд отправилась в институт красоты. Назойливые папарацци и собиратели автографов до такой степени допекли актрису, что она решила изменить свою внешность. А то уже из дома выйти невозможно – сразу за тобой увяжется толпа. Миссис Барбара попросила хирурга сделать ей более вздёрнутый нос, убрать пухлость губ, опустить уголки глаз и сделать силиконовый второй подбородок. После этих процедур она стала поразительно похожа на Варю Клинкову из Теремковска.

Опытный читатель сразу предвкушает, что сейчас начинается самое интересное – Варю и Барбару начнут путать, произойдёт череда забавных недоразумений. Либо Барбара приедет на гастроли в Теремковск, а вместо неё на сцене выступит Варя. Либо Варвара попадёт на какой-нибудь международный кинофестиваль, где у неё наперебой примутся

клянчить просить автографы, а никем не узнанная Барбара, кусая локти от зависти, будет в одиночестве бродить по набережной Круазетт...

На самом деле никакой путаницы после этих операций не произошло, потому что Варя по-прежнему живёт в своём Теремковске, где работает продавщицей в магазине бытовой химии. Она хотела было поступить на актёрский факультет киноинститута, да не прошла творческий конкурс – таланту маловато. Барбара продолжает жить в Лос-Анджелесе, из-за ухудшенной внешности снимать её перестали, подрабатывает на местном радио. А путаницы не произошло из-за того, что обе женщины отродясь не встречались одна с другой, да и общих знакомых у них нет. Таким образом две прошедшие одновременно пластические операции не послужили началом уморительной истории, а всего лишь стали финалом рассказа о двух непростых человеческих судьбах.

Боевая ничья

Первый тайм.

– Ах, Потапыч, какой трудный мяч наш вратарь вытянул! Спас команду, право слово, спас. Надо бы поощрить парня. Есть у него какие-нибудь проблемы?.. С жильём трудности? Живёт в коммуналке? Завтра же выделим ему однокомнатную. Ведь старается человек, себя не жалеет. Смотри, смотри, как самоотверженно он бросился в ноги их нападающему. Ведь тот вышел один на один, ещё секунда, и был бы гол. Ну, вратарь, ну, молодец! Надо поддерживать парня. Дадим ему сразу двухкомнатную. Чего мелочиться! Он женат?.. Со временем женится. Сейчас ему рано семью заводить, всё время посвящает футболу... Неужели пенальти? Обидно пропускать за минуту до перерыва... Взял! Ура!! Ну, орёл, ну, молодец! Такого перспективного вратаря надо обязательно стимулировать. Считаю, я выделил ему из своего, губернаторского фонда трёхкомнатную квартиру. Заслужил парень...

Второй тайм.

– Гляди, Потапыч, как наши соперники осмелели. Даже издали начали бить по воротам... Ох, как ошибся наш вратарь – отбил мяч чуть ли не в ноги их нападающему. С такой игрой нечего ему делать в трёхкомнатной квартире. Начнёт обставлять, про тренировки вообще забудет. А ему нужно усиленно тренироваться. Вот опять нерасчётливо вышел на перехват. Хорошо, защитник мяч из пустых ворот выбил. Сам посуди – за что такому опрометчивому вратарю давать двухкомнатную квартиру. Он женат?.. Тем более хватит и однокомнатной... Это нам штрафной? А почему стенку не ставят?.. Слишком далеко от ворот?.. Не опасно, говоришь? Как же он умудрился пропустить с такого расстояния?! Не может город разбрасываться однокомнатными квартирами. Он где живёт?.. В коммуналке? Вот пусть там и живёт.

Стихотворение Бернса

(рассказ)

Он не был в России ровно 20 лет, да не очень-то туда его и тянуло.

Сперва в нем надолго угнездилась обычная злость. Набилась плотно, как бы заполнив все свободные полости его существа. Порой казалось, она мешает ему двигаться

или дышать. Бессильная злость малыша на взрослого, явно несправедливого обидчика, злость на государство, которое громогласно объявило его чужаком, отторгло от себя, вышвырнуло за свои пределы, словно лягушонка. До этого долго трепали нервы за его диссидентские пристрастия. Потом не давали разрешение на поездку в Италию, сорвав тем самым его участие в фильме самого Висконти. Игорь стонал от досады – упущена такая возможность стать артистом международного класса! Когда же он из-за нескольких мистически удачных совпадений – был с театром на гастролях в польской Зеленой Гуре, в выступлениях появилось «окно», а буквально в каких-то считанных километрах, правда, по ту сторону границы немцы снимали новый фильм, и режиссер неожиданно вдрызг разругался с известным исполнителем эпизодической роли – вырвался на съемки в Германию, его с шумом и гиканьем, с обличительной трескотней во всех центральных газетах лишили советского гражданства.

Как ни опостылело ему это феодальное, на его взгляд, государство, все равно поначалу растерялся. Отрезали от привычной жизни, лишили чувства востребованности, которую он ощущал с утра до вечера благодаря многочисленным звонкам, письмам, встречам, а главное – разлучили с детьми. У него дочь и сын от разных браков. Правда, последние три года перед эмиграцией Игорь был в разводе, холостяковал. Однако к детям мчался при малейшей возможности, осыпал их подарками с ног до головы, брал с собой на всевозможные просмотры, съемки, свои выступления.

Дети – самая большая потеря, он так мечтал участвовать в их воспитании. Однако делать нечего. Постепенно освоился, слава богу, с талантом не пропадешь. Снимался только у классных режиссеров – мог позволить себе выбирать, в Америке женился на Кэтрин Хьюгор, одной из самых популярных кинозвезд. Как ни странно, познакомились они не на съёмках. Кэтрин – активистка благотворительного фонда, помогающего эмигрантам. Их свадебные фотографии долго не сходили с журнальных обложек. Она – длинноволосая блондинка, с восхитительной фигурой, одинаково сильно заставляющая вздыхать видящих ее на телеэкране мужчин что в иорданских барах, что в норвежских домах. Он – ослепительный высокий красавец, брюнет с голубыми глазами, демонический взор, сейчас считается одним из лучших трагических актеров мира. Его появление на каком-либо кинофестивале сразу повышало статус смотра. Хорошо освоил английский, начал играть в театре, и каждая его роль становилась событием.

Дальше – лучше. Обстановка в России довольно быстро изменилась к лучшему. Теперь дети могли – о, счастье! – приезжать к нему в гости, даже их матери приезжали. Приглашал он и своих друзей, некоторые участвовали в его театральных проектах.

Игорь тоже, в принципе, мог спокойно поехать в Россию, где стал чуть ли не национальным героем. Его залихватские остроумные письма к Брежневу, про которые раньше советские люди узнавали от зарубежного радио, после чего с восхищенным придыханием втихаря обсуждали их дома или в курилке, растиражировались в самых престижных изданиях, включались в сборники публицистических материалов. Тот лихо сыгранный им трёхминутный дивертисмент в немецком фильме, из-за которого его предали анафеме, бог знает сколько раз крутили по телевидению. Теперь Игорь спокойно мог даже жить в России, при любой власти, многие изгои возвращались на белом коне. Однако он

не чувствовал себя никаким героем. Смотрел на свои эпистолярные залпы в бывшего лидера, как на обычную свару с пожилым человеком, сознание которого день ото дня затухает. Уже и злиться на него смешно. Тот хотел ему навредить, а в результате сделал как бы и лучше – теперь великого киноартиста знал весь мир, у него была замечательная жена, творческие замыслы воплощались один за другим. И деньги находились при малейшей надобности, и никто не трепал нервы, все делалось быстро. Его театральное агентство работало с точностью метронома. Сейчас готовили к лондонскому фестивалю «Саломею» Уйальда. На заглавную роль агенты нашли фантастически талантливую англичанку. Вдобавок рядом такие имена: Иродиада – Кэтрин Хьюгор, Ирод – Игорь Короленко. Лондонские представления – два: на открытии и закрытии фестиваля – состоятся через полгода, а все вокруг уже наэлектризовано – зрители, коллеги и пресса ожидали великое событие.

С этой «Саломеей» журналисты изрядно ему поднадоели. Игорь уже не знал, куда от них прятаться. Корреспонденты из разных стран задавали ему удивительно схожие вопросы, у артиста уже выработался набор литературно отшлифованных ироничных ответов, которые постепенно превращались в банальность. Эта появившаяся шаблонность начинала тяготить его. Поэтому когда позвонили телевизионщики из российского корпункта, он хотел было отказаться от встречи. Как ни крути, русские очень умны и образованны, они быстро отличают медную монету от золотой. Стоит ли позориться?.. Однако собеседник, почувствовав настроение артиста, сразу выпалил заставившую его позвонить причину – в Москве готовится юбилейный вечер Олега Прыжкова, пятьдесят лет.

С Олегом они учились в театральном институте, в одной группе. Это вообще оказался на редкость сильный выпуск, звезда на звезде. Все состоялись как артисты, никто не спился, не сменил специальность, если кто и занимался режиссурой, то параллельно с актерством. Два-три человека блистали в провинции, некоторые эмигрировали, остальные укрепились в столице, их всех любило кино, жаловало телевидение. Они же примерно ровесники, сейчас чередой пойдут полтинники.

Желая заинтриговать собеседника, звонивший тут же выпалил, что для юбилейного вечера, который состоится в том театре, где работает Олег, организаторы придумали оригинальный ход. Устные приветствия будут перемежаться заснятыми на пленку. Один их соученик живет в Израиле, другая однокашница осела во Франции, третий – в Армении, тоже не может приехать...

Корреспондент и оператор из российского корпункта явились к нему в коттедж в точно назначенное время. Подобная пунктуальность соотечественников приятно удивила Игоря. Оба молодежавые, упитанные, холеные. Так ведь элитарных кровей. На телевидении вообще случайных людей не бывает. А уж чтобы сидеть за границей – тем более нужна мощная поддержка. Одеты со вкусом, без какого-либо дешевого подражания здешней богеме. Видимо, родители вложили в их воспитание хорошие деньги. Оператор, спросив разрешение хозяина, уже снимал интерьер.

– Было бы отлично, припомни вы какой-нибудь забавный случай, курьез, что теперь называется, байку, – журчал собкорр, поблескивая очками. – Это любят и зрители, и читатели. Ведь вам есть что вспомнить.

– Да уж, – улыбнувшись, подтвердил Игорь.

Они оба были иногородними. Олег из Тбилиси, Игорь до поступления в училище жил в Запорожье. На первых трех курсах они в общежитии ютились в одной комнате, кроме них, там были еще три человека. В той легендарной, 24-й, образовался своего рода клуб. Это произошло, когда они с Олегом сочинили песню про какую-то неудавшуюся любовь, кажется, у Игоря. Песня получилась трагическая, грустная, о коварной измене. Сначала они исполнили ее для соседей по комнате, потом для соседей по этажу, и она вдруг получила ошеломляющий успех. Не от того, что слишком хорошая, а потому, что у многих в той либо иной степени имелись любовные проблемы. Ребята брали водку и приходили в 24-ю слушать эту песню, заливали горе. Вскоре Игорь и Олег поняли, что в общаге они сопьются, и во избежание неприятностей сняли однокомнатную квартиру. Много приключалось в их молодости. Кое-что и рассказывать неловко, особенно учитывая то, что оба были велики аматёрами женского пола.

После училища их пути, как это сплошь и рядом случается у студенческих друзей, разошлись. Игорь менял один театр за другим. Малейший конфликт с руководством, денежный обман, сплетня – уходил очертя голову, не задумываясь о последствиях. Благо, выручало кино.

Олег в кино снимался редко, поэтому на первых порах не имел большой известности. Популярен лишь среди театралов. Уже после эмиграции Игоря сыграл в кино революционного матроса, не жалеющего сил в борьбе за становление власти рабочих и крестьян. Это была биографическая картина. В наши дни некогда разбитной матросик превратился в одного из самых влиятельных коммунистических функционеров. Он сделал так, что сыгравший его Прыжков в два счета получил почетное звание. После этого Олега начали довольно много снимать, в положительных ролях, да отрицательные никто и предложить не посмел бы. Во время перестройки хорошо поставленный голос популярного артиста зазвучал на митингах – Олег стал активистом демократического движения, его даже выбрали народным депутатом.

Все эти годы Олег с завидным постоянством играл в одном театре, в том самом, куда когда-то безумно мечтал попасть Игорь. Он бредил этим театром с младых ногтей, делал попытки, чтобы им там заинтересовались. Последняя из них, кстати, закончилась конфузом.

– Что касается курьёзов, я расскажу про один случай, – обратился Игорь к корреспонденту. – А вы решите, годится это в качестве приветствия или нет.

Это произошло во времена нашей безденежной студенческой молодости. Мы, с нашими запросами, старались подзаработать всеми мыслимыми способами – радио, кино и, конечно же, выступления в концертах. Особенно хороши в этом смысле были предпраздничные выступательные кампании, когда, скажем, перед Новым годом или Восьмым марта каждая забытая богом лавочка считала делом чести организовать у себя праздничный концерт для сотрудников. Все они имели деньги на культурно-массовую работу, поэтому расплачивались наличными. В такие дни артисты еле успевали переезжать с одной площадки на другую. Естественно, наши выступления никто не координировал. И однажды случилось, что в каком-то большом клубе Олег выступил в первом отделении и уехал. Он не знал, что я должен выступить во втором отделении. Я же, как назло, приехал не один – привез с

С тобой топтали мы вдвоем
траву родных полей,
но не один крутой подъем
мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
с тобой через ручей.
Но море разделило нас,
товарищ юных дней...

После того как Игорь дочитал стихотворение до конца, корреспондент задумался. Сейчас он напоминал моряка, взгрустнувшего об оставшейся на берегу невесте. Хозяин поинтересовался:

– Вас что-то не устраивает? Я чувствую.

– Нет... – Корреспондент встал и, все больше возбуждаясь, заходил по комнате. – Я просто подумал, что это стихотворение – готовый сценарий. И именно о вашей жизни. Если бы до слов «Но море разделило нас, товарищ юных дней» звучала фонограмма. А при словах «И вот с тобой сошлись мы вновь» вы медленно появлялись из-за кулис, читая вживую, вот было бы эффектно.

– Как же я могу появиться? – опешил Игорь.

– Приехали и появились, – радостно подхватил идею оператор. – Как многие эмигранты приезжают.

– По-моему, уже никто и не надеется, что я могу приехать в Россию.

– В этом-то и драматический эффект. И вдобавок такие слова. Ведь всё совпадает: и дружба старых дней, и море разделило вас, в смысле океан. А тут вдруг: и вот с тобой сошлись мы вновь!.. Господи, мороз по коже. – Корреспондент смотрел на артиста с напряженным ожиданием. Наверное, с таким выражением золотоискатель смотрит на вытащенный из воды самородок, создавая, что тот может выскользнуть из рук и, булькнув, скрыться в пучине.

Игорь самому не чужда режиссерская жилка. Он ясно представил, как поразится юбиляр его появлению. Вдобавок приедут и другие однокашники, и в труппе есть масса добрых знакомых, которых хочется повидать. А уж о зрителях и говорить нечего – те наверняка встретят его на «ура». Что если в самом деле приехать на несколько дней? Вернется на белом коне в театр, куда его в свое время не взяли, отчасти, кстати, из-за той досадной накладке в концерте, про которую он расскажет с экрана.

Хорошо бы, если до последнего момента о его приезде знали бы как меньше людей.

– Организуем. Есть такая возможность. Будем предупреждать, чтобы раньше времени помалкивали. Если прилететь день в день, а в театр приехать буквально перед выступлением, при всем желании мало кто пронюхает, – убедительно сказал корреспондент и со смешком добавил: – А если кто узнает, то всё равно не поверит.

У них с женой оставалось достаточно времени для того, чтобы оформить документы и сделать «окно» в репетициях «Саломеи».

Кэтрин тактично вызвалась полететь с ним, что было крайне приятно. Думал ехать один. Всё-таки для жены это большая физическая нагрузка, а она недавно вернулась с тяжёлых съёмок в Марокко. Но, безусловно, если появятся вдвоём, это будет намного

эффектней. А уж Олег до чего будет рад! Он-то понимает, какая Кэтрин суперзвезда. Игорь иногда смотрел на себя, нынешнего, словно со стороны и, мало сказать, недоумевал – приходил в состояние, близкое к помешательству. Он ли это вообще? Неужели в такой роскоши очутился худенький украинский хлопчик, который некогда ютился с родителями в деревянном бараке на задворках швейной фабрики? Вечно голодный пацан, лазавший за сливами в соседский сад, усатый хозяин которого, мелкий милицейский начальник, однажды надавал ему подзатыльников. Неужели школьник, самым большим развлечением которого было чтение газет на уличных стендах, уже объездил полмира, и одна из признанных красавиц стала его женой? Вот она посапывает рядом с ним в тонкой пижаме, без косметики, одна нога с задранной брючиной выпросталась из-под одеяла. Скоро небожительница встанет с постели, после чего приготовит ему овсяную кашу и кофе...

В московском аэропорту Кэтрин и Игоря скромно встретили двое приветливых парней, которые отвезли их в гостиницу, находившуюся далеко от центра – на Коровинском шоссе, возле крупной глазной больницы. Район вроде бы дыра дырой, а гостиница тем не менее французская, то есть владелец француз, и имеет статус пятизвездной. Кормили их прямо в номере, вечером привезли в театр.

Они прибыли туда буквально перед выходом Игоря на сцену. Постановщик программы, который сам был заинтересован в том, чтобы никто из присутствующих до последнего мгновения не пронюхал о приезде Хьюгор и Короленко, постарался усыпить общую бдительность. Сначала показывали записи с другими приветствиями, никто из экранных поздравителей наяву не появлялся. Ну, ясно, раз человека засняли на пленку, значит, не смог приехать, иначе бы выступил лично. Ожидать же прибытия такого ярого антипатриота как Короленко даже думать смешно. Хорошо хоть согласился на съемку – вот он в сером пальто и красном шарфе стоит на крыльце своего американского дома и, глядя в объектив, обращается к сидящему на сцене юбиляру:

– Дорогой Олег! Не знаю, помнишь ли ты один курьез, произошедший в дни нашего студенчества. В клубе «Новатор» ты выступил в конце первого отделения и уехал, не зная, что сразу после антракта буду выступать я. Выхожу на сцену и начинаю с пафосом читать то, что зрители уже слышали несколько минут назад. Сам представляешь реакцию публики. Это был самый большой конфуз в моей практике, больше ничего подобного не случилось. Вспоминая о нём, я до сих пор готов провалиться от стыда сквозь землю. Однако сейчас речь не о той досадной случайности. О другом. Ведь мы, не сговариваясь, прочитали стихотворение Роберта Бернса «Застольная». И сегодня мне хочется поприветствовать тебя именно этим нестареющим гимном дружбы.

Короленко читал восхитительно. Зрители, а особенно зрительницы, млели от голоса своего давнего кумира. Когда же со словами «И вот мы снова обнялись» он появился из-за кулис и, продолжая декламировать, медленно направился к юбиляру, зал опешил – такого быть не может. Это кто-то играет Короленко, подобрали похожего по всем статьям человека, подгримировали. Не сам же он приехал. Сидящий справа в кресле Прыжков тоже не верил своим глазам. А Короленко приближался к нему с букетом длинных алых гвоздик и без микрофона чеканил:

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука – в моей.
Я пью за старую любовь,
за дружбу прежних дней.
За дружбу старую –
до дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
за счастье прежних дней.

Тут юбиляр вылетел к нему навстречу из кресла, они обнялись под неопиcуемый зрительский гвалт. А к ним, словно официантка, подходила ни больше ни меньше сама Кэтрин Хьюгор с поднощиком, на котором вытянулись два бокала с шампанским.

За дружбу старую – до дна!
За счастье прежних дней!

Банкет состоялся в театральном буфете, в том, который для артистов. После недавнего капитального ремонта его интерьер мало в чем уступал ресторанному. Огромное двухъярусное помещение, обшитое древесиной. Оформление сделано с большим вкусом. Народу – битком. Официально это считалось фуршетом, а в России, как известно, всякий фуршет дает пятьдесят процентов халявы. Так что, стулья расставить просто негде, приглашенные стояли, и все же в одном месте было нечто вроде президиума. Были составлены несколько столиков, за которыми восседали и виновник торжества, и наиболее именитые гости. Юбиляр не был обижен вниманием, галантные мужчины подолгу расшаркивались перед Кэтрин. Однако все же центром притяжения оказался Игорь Короленко. Несмотря на уговоры, он почти не пил, давно отвык, так же, впрочем, как давно ограничивал себя в еде, хотел всегда находиться в хорошей физической форме. А вокруг лилось море разливанное, и не было человека, который не прорвался бы к неожиданному гостю. Compliments, автографы, журналисты, тыча в лицо диктофонами, умудрялись задавать вопросы.

Какой-то пожилой толстяк ловко втерся со своим стулом рядом. Спросил:

– А меня, Игорь, вы узнаете?

– Узнаю, – кивнул артист. Всегда так отвечал, чтобы не обидеть человека.

– По глазам вижу – не узнаете, – лукаво погрозил пальцем толстяк. – Я – Глоточек.

Бог ты мой, действительно еле узнаешь. Известный эстрадный конферансье Леонид Глоточек. Все думали, это псевдоним. Но нет – его настоящая фамилия. Как раз в молодости хотел заменить, казалась несолидной, смешной. Хорошо, повстречались мудрые люди, вовремя подсказали – ни в коем случае! Такая фамилия привлечет хоть сколько-то дополнительных зрителей. Был тонкий, гибкий, вертлявый, лицо узкое. Сейчас же мордорот, поперек себя шире, да и ростом ниже.

– Давненько мы с вами не виделись. Почитай, с того самого концерта в «Новаторе», про который вы вспоминали.

– Ах, да, правильно! Ведь вы, Леонид, вели тот злополучный концерт.

– Было дело. После вашего выступления я выдал убойную репризу о том, что стихотворение Бернса будет исполняться до тех пор, пока зал не выучит его наизусть или по крайней мере не подберёт к нему музыку.

Игорь шутливо попенял собеседнику:

– Почему же вы не предупредили Олега, что я буду читать свой коронный номер во втором отделении.

– Как это – не предупредил? – вытаращил глаза Глоточек. – Он прекрасно знал всю программу.

– Знал?!

– Пришел рано, сидел, изучал её. У меня все номера были подробно расписаны.

Он ещё что-то говорил, однако его слова не доходили до сознания артиста...

К концу вечера юбиляр изрядно захмелел. С излишним пафосом объяснившись звёздным супругам в любви, непререкаемым тоном заявил, что завтра ждет Кэтрин и Игоря к обеду.

– Посмотрим.

– Никаких – посмотрим. Слово юбиляра – закон. Завтра обедаем у меня дома, решено. В узком семейном кругу. Ты с женой. Я с женой. Моя дочь. Я заеду за вами в половине второго. Как штык. Если с утра куда вывалитесь, вот для страховки моя визитка, тут адрес и телефоны. Обед – в два...

В гостинице Кэтрин, понявшая, что при таком теплом отношении соотечественников к Игорю, их намеченные два–три дня могут затянуться, спросила молчаливо глядевшего в окно мужа:

– Я хотела бы все-таки знать, когда мы улетаем?

– Завтра.

– После обеда? Вечером? – пыталась уточнить Кэтрин.

– Утром, – ответил муж.

II. НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Вениамин Лившиц⁹

Вместо введения: Рассказывают¹⁰...

Рассказывают о таком интересном случае, происшедшем в середине 1960-х гг.¹¹. Собрался защищать докторскую диссертацию в ЦЭМИ заведующего отделом Арон Иосифович Каценелинбойген (ныне, кажется, профессор Пенсильванского университета). Работа его не вызывала сомнений и вполне вписывалась в специальность «Математические методы в экономических исследованиях». По ряду объективных и конъюнктурных причин было бы очень хорошо, если бы одним из оппонентов был директор Новосибирского института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, молодой тогда член-корреспондент (ныне академик) АН СССР А.Г. Аганбегян. Уговорить его стать официальным оппонентом и попросили работавшего в Новосибирске доктора экономических наук Владимира Шляпентоха. В итоге он пришел на почтамт (а находился он тогда в отпуске в Киеве) и попытался дать телеграмму следующего содержания: «Москва! ЦЭМИ! Каценелинбойгену! Аганбегян согласен» (тут уже телеграфистка на него подозрительно посмотрела). Но когда она увидела подпись: «Шляпентох», то бросила обратно телеграмму и сказала: «Шифровок не принимаю! Тут всего одно нормальное слово – «согласен»».

Не знаю, была ли на самом деле эта история или ее выдумали, но знаю, что защита была и прошла успешно.

...То, что конференции – это не только жаркие научные дискуссии, но и арена творческого юмора, я понял в середине 1960-х гг. Рассказывали мне¹², что проводилась в то время социологами Всесоюзная конференция в Тбилиси. Готовил ее большой научный босс из Москвы со своими «мальчиками», столичными и местными. Среди посланцев разных городов был и Владимир Шляпентох с физиком Захаровым из Новосибирского академгородка, в то время уже претендовавшего на новую столицу науки в СССР.

Босс сделал большой доклад, в котором изложил результаты исследований возглавляемой им научной школы, охарактеризовал принципиально новую разработанную ими методологию анализа социально-демографических процессов, подробно становился на дискуссионных проблемах. Выступавшие после него несколько «мальчиков» развили положения доклада – все шло в русле иллюстрации достоинств новой методологии. Была и пара выступавших в порядке дискуссии, оспаривавших те или иные частные моменты.

Вдруг выходит Шляпентох на трибуну и говорит: «Вот мы тут с Захаровым из академгородка сидим, слушаем и не поймем, о чем идет речь, о чем ломаете копыя. Ведь все эти проблемы уже давно решены в рамках общей теории курбатовности, которая лет

⁹ В.Н. Лившиц – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

¹⁰ Из сборника «Под листом Мебиуса», как и части 1–5 далее.

¹¹ См. текст самого В.Э. Шляпентоха в Части I Книги I.

¹² См. текст самого В.Э. Шляпентоха в Части I Книги I.

10 назад в Лондоне была детально обсуждена на VII Британском социологическом конгрессе. Подробное резюме работы этого конгресса и ряд статей по теории курбативности опубликованы, насколько я помню, в шестом номере журнала этой ассоциации (Захаров с места : «В пятом!») за 1958 г. Поэтому неясно, зачем ворошить прошлое».

Сразу же после его выступления на трибуну последовательно вышли несколько «мальчиков» и хорошо потоптались по Шляпентоху: «Ничего теория курбативности не решила, – утверждали они, – ни своих, ни чужих проблем. Кроме того, одно дело Англия – с капиталистической экономикой, и совсем другое СССР – с социалистической экономикой. Поэтому нечего и вспоминать о теории курбативности и путать «божий дар с яичницей» и т.д.»

Потом снова выступил босс и сказал, что ему очень приятно иметь дело с такой эрудированной аудиторией, что они, конечно, очень внимательно следили за дискуссией по теории курбативности. Несомненно, что эта теория все же внесла определенный вклад в общую постановку проблемы, но наших проблем она, конечно, решить не могла – в этом он солидаризуется с предыдущими выступлениями и полагает, что предстоит еще большая интересная и полезная работа.

Только закончилось его выступление, Шляпентох опять просит слова: «Только на одну минуту, хочу справку дать». Выйдя на трибуну Владимир Эммануилович озорно осмотрелся и сказал: «Все-таки, знаете, мы с Захаровым не можем понять, о чем идет речь. Что же касается теории курбативности и самого слова «курбативность», то мы его придумали сейчас, слушая головной доклад».

Скандаличик был, говорят, после этого вполне академический, да и продолжение его тоже имело место нетривиальное. Дело в том, что В. Шляпентох тогда много занимался проблемой организации службы знакомств и, в частности, «Электронной свахой». Так вот спустя уже довольно приличное время в газете «Правда» была напечатана реплика, смысл которой примерно такой: «Пусть Шляпентохи любят электронным способом, а мы, советские люди, будем любить по-прежнему: как Ромео и Джульетта».

Вот такой неожиданный курбативный выпад.

Но бывали и приятные неожиданности: в 1969 г. в Дрогобыче на школе-семинаре «Математическое программирование и смежные вопросы» известный математик И. Глазман читал цикл лекций по теории оптимизации. Излагая довольно сложный алгоритм (управляющих последовательностей), он отметил, что есть совсем простой метод решения задачи, но, к сожалению, никто не может доказать его сходимости, т.е. корректности использования. В конце лекции он получил записку и зачитал ее: ««Школьник» С. Смоляк пишет, что он может доказать сходимость простого метода. Я разберусь и в следующий раз сообщу». На следующей лекции И. Глазман подтвердил, что Сергей (сейчас он доктор экономических наук, работает в ЦЭМИ), действительно доказал эту весьма непростую математическую «штучку». Проблема была закрыта.

Часть 1. Остап Бендер областного масштаба (повесть о Евгении Редькине)

Я не знаю, почему, но чувствую, что надо (чтобы не забылось) записать эти небольшие истории, связанные с разными интересными людьми. Относился и отношусь к ним по-разному – одних люблю, других нет. Объединяет все эти истории то, что они смешны (или таковыми мне кажутся), хотя этот смех иногда очень грустный.

Записываю я их на основе личных встреч или разговоров с хорошо знакомыми мне людьми, непосредственными свидетелями происходящего. Тем не менее я далеко не уверен, что все это строго соответствует реальности – иногда передавали не совсем точно, кое-что я, за давностью времени, мог сам исказить. Да и нет уверенности, что какие-то эпизоды мои собеседники просто не выдумали. Тем не менее, записываю так, как это помнится мне сейчас, в 1992 г., спустя несколько десятилетий, когда на многом уже чувствуется заметная эмоциональная окраска.

Хотя прошло уже много лет, но все же многие имена и фамилии привожу вымышленные – разрешения на публикацию мне мои герои не давали. После окончания института в Москве я приехал на работу в Челябинскую область в 1953 г. и там в г. Коркино слышал много удивительного об этом человеке.

После окончания института в Москве я приехал на работу в Челябинскую область в 1953 г. и там в г. Коркино слышал много удивительного об этом человеке. Говорят, он имел чин генерала (по угольному департаменту) и, работая диспетчером или дежурным по депо, часто любил говорить в трубку: «Генерал-директор 111-го ранга Редькин слушает! – и радовался, услышав частые гудки телефона от повешенной в испуге трубки.

По преданию, генералом он стал так. В трудном 1943 г. министр Вахрушев приехал в Коркино, где были большие угольные разрезы, с желанием (а может быть, и заданием) быстро я резко поднять добычу. План его казался невыполнимым – надо было за несколько дней проложить несколько десятков километров железнодорожных путей и многое другое.

Руководство разреза, несмотря на весь страх, который им внушал Вахрушев, считало невозможным реализацию плана и выразило министру свое мнение. Тогда Вахрушев потребовал собрать всех рабочих, рассказал им ситуацию (на фронте и с углем) и спросил: «Есть ли тут кто-нибудь, кто возьмется за дело? Справится – дам чин генерала и все причитающиеся к нему блага!»

Вышел Редькин, косо посмотрел на всех и сказал: «Можно сделать»- и назвал вдвое более короткий, чем требовалось, срок.

«Что надо тебе для этого? Сто тысяч хватит? Двести тысяч?» – спросил Вахрушев. «Да не-е! – протянул Редькин. – Не требуется так много. Просто несколько цистерн спирта после работы и чтобы милиция не мешалась».

Редькин объявил, что платить будет не деньгами, а спиртом, и вышло на работу поголовно (лет от 10) все тридцатитысячное население городка. За два-три дня дело было сделано. А о том, каково было похмелье, – история умалчивает.

Однако побыть генералом и попользоваться благами Редькину пришлось недолго – за нарушение уголовного кодекса очень скоро он был отправлен за тридевять земель. Злые языки говорят, что в общей сложности Редькин отсидел (точнее, должен был) двести-триста лет. За дела большие и малые. Вот некоторые из них.

1. Выселение немцев из Челябинской области

В Челябинской области жило много переселенных в первые дни войны немцев Поволжья и их детей. Обращение с ними во время переселения было, мягко говоря, не из лучших, так что ко всякого рода неожиданностям они были готовы. И вот в один прекрасный день появляется в «немецком» доме Редькин с милицейской фуражкой на голове (уж где взял – бог весть) и, держа список в руках, делает перекличку всех живущих в доме.

Еще раз проверяет всех по списку и после этого – категоричным тоном: «В 24 часа чтобы вас всех не было в Коркино и в Челябинской области!!!»

Естественно, начинается крик, плач. Куда нам деваться? за что? и т.д. Он пожимает плечами, но дает понять, что списки только у него и рублей за 500–600 можно договориться. В общем, на суде выяснилось, что набрал он тысяч 15–20, занимаясь этим переселением пока не нарвался на «нервного» немца. Тот трах его по голове (а Редькин был такой молодой шуплый парень, тогда в 1946–1947 гг. ему было лет 29–30), Редькин упал и лежит недвижим. «Агрессор» испугался и побежал в милицию – убил вашего представителя, который нас выселял из Челябинской области. Какой представитель, куда и кого выселял?! И карусель закрутилась. Очухавшийся к этому времени Редькин говорил семье «нервного» – куда ваш дурак побежал? Ну не хотите выселяться – и не надо.

В общем, дали ему за это лет 15. На суде выяснилась интересная деталь. Прокурор, желая ослабить подсудимого, начал говорить о его отвратительном моральном облике. Мол, всем известно, что у него 5–6 фактических жен. В это время все эти находившиеся в зале суда женщины подняли такой гвалт, накинулись на прокурора: «Чего тебе, собака, надо? Мы живем как люди, у каждого из нас дом, корова – все это нам Евгений Сафронович дал. Живем, как люди...»

С трудом их вывела милиция из зала заседания.

2. «Дело» об убийстве

Шахтерский город Коркино в первые послевоенные годы, несмотря на большие заработки, жил частично натуральным хозяйством: те, кто имел возможность, держали коров и обрабатывали небольшие огороды на приусадебных участках. Сено для коров собирали на специально отведенных за городом участках, причем один раз весной его сеяли, а осенью убирали. Так что часто случалось, что соседи по участкам не видели друг друга. И вот однажды два соседа встретились, и один видит, что другой невесел.

- В чем дело? – интересуется.
- Да вот, сено подготовил, а корова сдохла.
- Ну, так продай мне его!
- Да нет, может, я еще корову куплю.
- Да где ты ее купишь? Продай, хорошо заплачу.

И сделка состоялась.

А на следующий день произошел аналогичный разговор в обратном направлении – короче, Редькин последовательно продал сено соседям и, когда спустя день или два настоящие хозяева встретились и начали без зазрения совести, уверенные в том, что это их купленное сено, таскать его друг у друга, то, естественно, произошла драка, один убил другого.

Истина выяснилась довольно быстро, и Редькин опять загремел на очередные сроки в края далекие.

Казалось, надолго, но вскоре (не знаю, каким способом) он оказался на свободе.

3. Рассказ начальника электротяги

Шел 1953 г. В Челябинске в ресторанах был странный порядок – подходил официант, собирал заказы, брал деньги и лишь потом приносил еду. Редькин выполнял это лишь наполовину – он собирал заказы и деньги, после чего снимал белый передник и уходил, проводя такой эксперимент на открытых террасах кафе и ресторанов. Вообще он не брезговал мелочами.

Остановился, например, грузовик с углем у столовой, шофер вышел поесть. Редькин тут как тут, влезает на машину и сидит. Вот он уже продает этот уголь какой-то старухе и подсаживает ее на «посадку». На первом же повороте бабка стучит по кабине – не туда, мол, поехал шофер. Тот останавливается, выходит и искренне удивляется: «Откуда, старая?»

Говорят, что как легко он выдурил деньги у людей – так же легко он их раздавал, никогда не требуя возврата. Вот что мне рассказывал один, недолго тогда живший в Коркино молодой специалист, довольно быстро продвигавшийся по службе – в 25 лет уже начальник электротяги крупного вскрышного разреза.

Как-то, говорит, пришел ко мне наниматься на работу невысокий человек лет тридцати пяти – сорока пяти, с ничем не примечательной внешностью, кроме косо смотревшего глаза (как выяснилось, один у него был стеклянный). Прибыл он из заключения, что в наших краях было не в диковинку, и я охотно предложил ему место дежурного по депо – 980 рублей в месяц, зарплата весьма скромная, да и работа тоже не бей лежачего.

Только он вышел из кабинета – вбегает наш молоденький техник, Верочка, и говорит:

– Что Вы делаете? Кого Вы берете на работу? Ведь это Редькин!

– Ну и что? – спрашиваю я.

– Да он же продаст все ваши электровозы!!! Знаете, его наняли как-то агентом по снабжению углем горбольницы, так он полгорода снабдил им!

Как оказалось потом, Вера была права. Он продал, и то на время, лишь два электровоза. Причем сработал при этом по генеральскому здравому смыслу. Но об этом потом, а сначала два воспоминания.

Эпизод первый: похороны. Произошел у нас в депо несчастный случай, погиб, попав под напряжение, помощник машиниста электровоза. На следующий день в 15.00 назначены похороны, а утром около 9 ко мне входит руководитель нашего похоронного

оркестра и говорит – шахтком денег не дает, музыканты играть не будут, если их в обед не напоить и не заплатить.

– Сколько надо денег? – спрашиваю.

– Как всегда, 400–500 рублей!

Как назло, у меня этих денег не было – ни казенных, ни своих, у других тоже. Мне подали совет – позовите Редькина, он достанет. Не очень веря в это дело, вызываю его.

– Евгений Сафронович, вот какое дело! Надо срочно достать 500 рублей – к обеду! Мне сказали, что Вы сможете? – спросил я его с надеждой, признаться, весьма слабой.

– Можно, – сказал он, – но мне для этого нужно ... маркшейдерскую линейку и рулетку!

Это было уже слишком, но выхода не было, тем более, что то, что он просил, достать было нетрудно. Неясно только – смеется он или всерьез.

– Ладно, – говорю своему помощнику, – пойди в инструменталку, дай ему рулетку и сбегай к маркшейдеру, попроси линейку.

– Да я сам сбегаяю, – говорит Редькин, – вы только ему позвоните. Хорошо, звоню, и он уходит. Я же продолжаю обзванивать возможных «кредиторов». Неожиданно в начале первого Редькин вернулся, положил на стол рулетку и 500 рублей денег.

– Линейку я уже вернул, – сказал он.

Я не знал, как его благодарить, и обещал в ближайшие же дни вернуть ему деньги.

– Да не надо, – отмахнулся он, – не мои это деньги. Да и накостыляют мне, если еще раз появлюсь даже для возврата денег.

Потом я узнал, как были «добыты» эти деньги.

На окраине города Коркино, в селе Тимофеевка, стоял дом местного «куркуля», среди большого (даже по уральским масштабам) приусадебного участка. Редькин на мотоцикле приехал, перелез через забор, вбил маркшейдерскую линейку в землю и стал ходить вокруг, что-то меряя. Скоро выскочила хозяйка и начала его гнать: «Что, басурман, тут делаешь в чужом доме?»

– Не ругайся, – отвечал Редькин, – все под богом ходим, земля у нас общая, государственная. Вот думаю тут выделить еще один участок, молодые дом строить будут со второго угольного разреза. Радоваться должна, хорошие люди поселятся в соседях!

Сначала его попытались прогнать угрозами, собак натравляли, потом поняли, что от него не отделаешься и с ним легче договориться подобру-поздорову.

Эпизод второй: шестерни.

На разрезе работали импортные немецкие электровозы. Хорошо работали, но было у них одно слабое место – шестерни, с помощью которых от двигателей передается движение на колеса. Это большие зубчатые колеса (как говорят техники, модуль 10, число зубцов 75), и именно они в то время часто ломались.

Обычно при нормальной работе и нормальном снабжении всегда был некоторый запас этих шестерен, и мы как-то обходились. А тут, как нарочно, два несчастья сразу – слишком много их стало ломаться и отказали в быстрой поставке их по нашим министерским заявкам.

Что делать? – Ничего придумать не мог.

Вызываю своего заместителя по ремонту (тоже странный человек, вполне по праву мог занять место в паноптикуме) посоветоваться.

– Что предложишь, Петр Васильевич? Как будем выходить из положения?

– Не знаю, Вы начальник, Вам виднее.

– Ну, а все же? Где достанем шестерни?

– Негде, вот только в министерстве обороны разве? В Харькове на заводе, где танки делают, у них вроде тоже такие шестерни. Но не дадут ведь. Разве бракованные попросить, нам бы они подошли!

– Съездишь Петр Васильевич?

– Нет, нет! Это я не могу. Это надо как-то так договариваться, по-особенному. Официально они не дадут даже брак, лучше в переплав пустят. Это надо так за наличные деньги как-нибудь, а я еще хочу на свободе погулять. Мне жена говорит, что в тюрьму мне уже поздно – скоро ведь пятьдесят.

– Ну, хорошо! Иди, Петр Васильевич, и пришли мне Редькина.

– Как хотите, можно и его. Вы человек молодой, так что не страшно. Посадят вместе с Редькиным, отсидите, еще на воле потом нагуляетесь. А мне уже поздно туда, скоро пятьдесят.

– Ладно! Ладно! Иди зови! Приходит, спокойно ждет.

– Здравствуйте, Евгений Сафронович! Вот какое дело. Видел четыре электровоза под депо? Ну, вот на них поставили последние шестерни из запасов, надо доставать новые.

– А где?

– Есть они только в Харькове.

– Это танковые, что ли?

– Они самые. Съездишь, попробуешь достать?

– Можно, чего не съездить. Сколько надо-то их?

– Да штук 5–10 хотя бы для первого раза, может, потом все же получим, или погода улучшится, меньше ломать будем.

– Когда ехать?

– Сегодня и поезжай, я скажу, чтобы тебе оформили командировку и выписали деньги. Сколько денег надо?

– Там на месте виднее будет. Да Вы не беспокойтесь, я там сколько надо будет достану.

– Ну, ладно. Возьмешь две тысячи рублей безлюдных, в случае чего, дашь телеграмму.

Сказал, а у самого кошки скребут, некстати вспомнилось, что он и по мелочам не брезгует, и по крупному.

– Ну, давай поезжай. И очень на тебя надеюсь.

– Ладно, постараюсь.

Шесть дней ни слуху, ни духу. Машинисты надо мною смеются: «Плакали твои деньги, начальник!» А потом получаю телеграмму: «Десять шестерен отгружены, еще со-

рок будут отправлены в третьей декаде. Договорился в кредит, оплату произвести по счету N ...».

И, действительно, скоро получили все шестерни и притом не бракованные. Как это ему удалось – не знаю. И сейчас не знаю. Но выручил он меня тогда, очень сильно выручил. Говорят, что он ездил туда в мундире полного угольного генерала и там его пропил на спор. Правда это или нет – не знаю

А вот пару электровозов он, действительно, продал. А дело было так. Рядом с нашим разрезом работал другой, тоже вскрышной. У нас экскаваторы, у них экскаваторы, у нас электровозы – и у них. В общем, почти полная копия, с той лишь разницей, что часто бывало так: у нас ломаются экскаваторы – некому грузить; у них ломаются электровозы – не на чем возить. И стоит техника здесь и там – предприятия разные.

Вот однажды ночью, когда настала такая ситуация в последний день месяца (горит премия), диспетчер второго разреза, изнывая от безделья (у него некуда было грузить породу, хотя экскаваторов работало много), позвонил Редькину, в эту ночь исполнявшему роль нашего диспетчера, и пожаловался на судьбу. А у Редькина в эту ночь картина обратная: нет работающих экскаваторов, а составы лишние. Вот он ему два состава (четыре электровоза, 22 думпкара) и «продал» за несколько бутылок.

Конечно, были там и еще какие-то комбинации – надо было уговорить машинистов электровозов ехать на другой разрез и работать там. Но по части уговора Редькин был профессионал высочайшего класса.

Один из приехавших позднее инженеров, окончивших энергетический институт, рассказывал так. Было это сразу же после моего приезда. Работал я тогда помощником машиниста электровоза. Стою как-то возле депо, где наш электровоз ремонтировался. Вижу, идет Редькин. Подходит ко мне, спрашивает: «Ты, что ли, помощник с этого электровоза 13-36, что ремонтируется?» «Я» – говорю. «Ну, тогда бегом, начальник депо приказал, чтобы быстро! Вот тебе ведро и принеси напряжение, чтобы выехал электровоз из депо». И так убедительно он это сказал, что я, не задумываясь, взял ведро и побежал. Через десяток секунд остановился – какое напряжение, разве в ведро его возьмешь! А там уже полдепо выбежало смотреть, как Редькин уговорил инженера сбегать за напряжением!

Много еще разных веселых историй рассказывал мне начальник электротяги, но сейчас они уже стерлись из памяти.

Часть 2. Министр и мастер

Конечно, Редькин не единственное светлое воспоминание о нескучной жизни в Коркино. Хочется вспомнить еще о двух эпизодах с людьми, занимавшими тогда очень разное положение в иерархической лестнице. Первый из этих людей – известный государственный деятель, бывший министр угольной промышленности СССР Александр Федорович Засядько. За что-то (то ли он с Булганиным – тогда Предсовмина СССР – не поладил и как-то не так с ним поговорил, то ли за что-то еще) его «сослали» к нам в Челябинск начальником комбината, а бывшего начальника сделали замминистра. Засядько приехал и, довольно быстро войдя в курс дела, начал командовать на колоритном, распространенном

тогда не только среди шахтеров языке. Так, вызвав нашего начальника разреза на совещание в комбинат (а разрез тогда план не выполнял), он поинтересовался, что тому надо для исправления положения и когда оно будет исправлено. Услышав в ответ, что нет экскаваторных ремней, шестерен и т. д., обещал все достать (и достал очень скоро!), а напутствие дал такое: «Все получишь! В этом месяце получишь! А вот если ты в следующем опять провалишь план, тогда мы с тобой стукнемся ж... об ж... и посмотрим, кто дальше отлетит!» Правда, стукнуться им не пришлось – Хрущев в начале следующего месяца забрал его министром на Украину, а потом назначил Председателем Госэкономсовета. Позже мне, уже аспиранту, в Москве еще приходилось два раза с ним встречаться, и каждый раз удивлялся – как этот горняк и по образованию, и по опыту работы довольно умно решал далекие от его специальности вопросы.

Вспоминается, как сразу же после приезда в Челябинск он для пропагандистов области читал лекцию в Копейске (главном южноуральском шахтерском городе). Начал он ее так: «В то милое время, когда я был министром, знаете, что для меня было самое неприятное?...» Помолчал и сказал «Вранье! Мне каждое утро ввали от Западной Украины до берегов Тихого океана. И ничего с этим я сделать не мог – система вранья сильнее меня».

Был он крут на руку и несдержан на язык. Но был случай у нас, когда и его послали... (правда, вместе со мной). На разрезе произошла «авария»: поезд сошел с рельс и хорошо «пропахал» путь – порезал несколько десятков, а может быть, и сотен метров шпал, несколько думпкаров и оба электровоза вгрызлись в грунт. Такой большой сход состава с рельсов. Ничего особенного в самом факте схода не было – иногда в смену их было несколько, особенно в плохую погоду. Ведь железнодорожные пути у забоев не балластировались, их часто перекалывали по мере выработки забоя экскаваторами. Поэтому дождь пройдет – рельсы раздвигаются, состав «падает».

Но этот сход был не в забое, а уже почти на выезде к главным путям и поэтому гораздо более неприятен. Я был тогда начальником транспорта, и мне позвонили о происшествии. Еду туда, подхожу к месту аварии – вижу, там уже дорожный мастер (действительно, мастер – чудеса творил по подъёмке этих сходов: подкладывал под колеса накладку, подкладки, и электровозы, а потом и вагоны «сами» заходили снова на рельсы). Мастеру этому, Александру Сиротину, лет 25, но уже не первый год этим занимается. Подхожу к нему и только хотел задать вопрос – смотрю, Засядько откуда-то черти несут (была ли свита с ним, не помню; обычно он старался быть без нее – то с маркшейдером, то с горным мастером).

Подходит, спрашивает примерно так (лишние слова я опускаю): «Кто тут дорожный мастер? Как тебя зовут? Так, Александр Иванович, когда думаешь поднять состав?»

Сиротин, немного волнуясь – все-таки большое начальство перед ним – бывший министр, чуть заикаясь, ему говорит: «Так что, Ляксандр Федорович, с вашей помощью. Вот Витамин (так меня некоторые звали вместо Вениамин) Наумыч подсобит, так что часов через шесть-семь подыдем». Помолчал немного Сиротин и добавил: «А если вы оба уберетесь сейчас к ... матери, то через два с половиной часа тут уже поезда ходить будут».

Засядько опешил, а потом мне говорит: «Пошли, – и указал тот же адрес, – не будем мешать! Он, кажется, дело говорит. Но через три часа, чтобы..., а не то...». И действительно, через три часа участок уже работал.

Часть 3. Несостоявшийся узник

Проработав четыре года в Коркино, я уехал в Москву и поступил в аспирантуру в транспортный институт, где пришлось быть свидетелем некоторых любопытных явлений. Вот, помнится, в начале 1960-х гг. объявлено в институте профсоюзное собрание – не отчетно-выборное, а какое-то необычное. Спрашиваю нашего профорга – что там будет? «А, – отвечает он мне, – придешь – не соскучишься! Петька Сидоров номер выкинул».

Прихожу и слышу, как председатель профкома института объявляет повестку дня: «Обсуждение письма в нашу организацию ... начальника Бутырской тюрьмы».

Значит, так, он говорит, начальник пишет: «Ко мне поступило от младшего научного сотрудника вашего института Петра Сидорова заявление следующего содержания: «Ввиду того, что из-за амнистии у Вас имеются свободные камеры, а мне жить негде, прошу меня посадить. Буду продолжать там заниматься научной работой или, по совместительству, еще чем-то... Оплата согласно действующему у вас законодательству и порядкам. Подпись.» Ну, я ему отвечаю письменно, что «в настоящее время тюрьма находится в ремонтном состоянии и камер, пригодных для жилья, нет, поэтому просьбу Вашу удовлетворить не могу. С уважением. Подпись.»

Копию своего письма, говорит наш профкомовец, начальник тюрьмы к нам прислал с предложением разобраться – непорядок, пишет, что сотрудники, не совершив преступления, в тюрьму просят. Вот если за ним что есть, тогда сообщите, и мы его, конечно, с удовольствием примем. Или пусть там что-нибудь сделает такое, за что можно

На собрании при обсуждении голоса разделились. Большинство считало, что он псих и надо его проверить (ну, какой же нормальный добровольно в тюрьму просится?)

Небольшая же часть сотрудников (в том числе и из отдела, где работал «писатель») возмущалась. Да не псих он, а просто сволочь. Ну, живет он в общежитии, ну лет ему 35, ну и что? Он же неженатый! И вообще, ему же отвечали, он же писал и в райсовет, и в Моссовет, и Хрущеву, и Хаммаршельду (только не дошло, наверное, Дага тогда как раз в Анголе прикончили – то ли мобутовцы, то ли лумумбовцы, то ли кто-то еще).

Но их не послушали, большинство решило, что Сидоров – все же псих и надо ему провериться. Так как на собрание Сидоров не пришел (хотя и был членом профсоюза), то наутро решили к нему отправить председателя нашего профсоюзного комитета. Но Сидоров его опередил, сам пришел и спрашивает: «Ну, что, вчера решили, что я псих, что мне провериться надо? А может, вместе с тобой пойдем проверяться?»

Так он и не пошел, сколько его ни уговаривали. Тогда придумали – позвонили военкому района, и он ему прислал повестку. А тот не идет. Вторую прислал военком – никакого результата. Шлют третью с припиской «не придете, будете привлечены к уголовной ответственности согласно закону...» Сидоров письменно отвечает военкому: «А я уже просил меня посадить – не садят, так как камер нет, тюрьма ремонтируется». После этого военкомат его оставил в покое. Прошло некоторое время (может быть, полгода–год, а может и

больше), и Сидоров выкинул очередной номер, который уже в нашем демократическом государстве (а шла еще хрущевская оттепель) пройти без последствий не мог: он перестал получать зарплату. А на работу ходит регулярно и без опозданий. Раза четыре он не брал зарплату, и тогда доложили директору. Тот вызвал и спрашивает: «Ты чего зарплату-то в кассе не получаешь? У нас к тебе по работе претензий нет, да и не имеет это отношения к делу, получение зарплаты – это право и долг каждого трудящегося в нашей стране».

А Сидоров ему отвечает: «Страна переживает трудности, вот я и не получаю зарплаты». А был, действительно, тогда неурожай сильный, началась кампания за экономию хлеба в столовых, повесили всякие стихи на эту тему, появились анекдоты типа: «Никита Сергеевич! Вот Вы говорите, что идем к коммунизму, а есть нечего!» «Так кто же, – отвечает Н.С., – ест на ходу. Вот придем и поедим».

Но это шуточки, а с Сидоровым было уже не до шуточек: раз перестал из-за народнохозяйственных трудностей получать зарплату, значит, надо вызывать санитаров. И вызвали. Месяца три полежал он в психушке – тихо так лежал, спокойно, что-то писал все время по своей транспортной науке. А потом его выписали и списали – на пенсию.

Больше я его не видел. Хотя, говорят, он иногда потом приходил в Институт, несколько раз. Но я не видел – в разных мы с ним отделах работали. А жаль его немного. Хотя и странный он был, и не очень любили его многие, но все же, говорят, с отличием кончил Ленинградский кораблестроительный. Мог, наверное, и корабль построить. А?

Часть 4. Игрок

Кажется, он появился у нас в аспирантуре году в 1965-м. Его научный руководитель, известный профессор с интересной фамилией (Черномордик Григорий Ильич), взял его несмотря на то, что с предыдущего места работы (тоже транспортного института) он был, говорят, уволен с такой формулировкой: «За попытку использовать вычислительный центр Института для игры на ипподроме». Так это или не так было – не знаю, но вполне могло быть, что он организовал живую информационную связь между ипподромом и ВЦ и проигрывал на ЭВМ варианты ставок.

На ипподроме он играл уже много лет – еще в студенчестве начал и играл успешно. Его жена говорила: «Он с выигрышей купил квартиру, машину и каждый месяц мне по 300 рублей дает, а сколько себе на игру оставляет – не знаю».

Относился он к ипподрому серьезно. Так, например, видя там среди играющих нескольких математиков МГУ с кафедры теории вероятностей, он тоже поступил, уже после окончания транспортного института, на мехмат МГУ и закончил его. «Надо же, – говорил он, – знать, имеют ли они при игре шанс надо мной за счет своей математики. Теперь знаю, чушь все это! Для дела не годится. Надо просто голову иметь и интуицию».

Так вот, поступив в аспирантуру, он продолжал играть на ипподроме и больше ничего не делал, хотя иногда в Институт приходил: был он человек очень общительный, заядлый спорщик. С ним даже по улице спокойно пройти было нельзя. Вот вышли на улицу, и он тут же. «Вень! Давай поспорим на десяточку, что та баба догонит ту бабу еще до перекрестка! Ну хочешь, давай поспорим, что не догонит!».

Ему был важен не выигрыш, а сам спор, причем в процессе спора он и пользовал все возможные нюансы, так что через некоторое время я с ним перестал спорить.

«Добили» меня в этом отношении два эпизода. Первый – он предложил мне сыграть в шахматы. Я знал, что он почти не умеет играть, и вдруг он предлагает: «Давай на полсотни, на спор!» Я говорю: «Витя! Я с тобою играть не буду, ты не умеешь, я знаю». «Ну, хорошо, а одновременно с двумя, такими как я, ты согласен?» Я ему говорю, что выиграю и у двух, и у трех таких, как он, спокойно, и поэтому с ним на деньги играть не буду. «Нет, – говорит, – коль ты так самоуверен, то давай на таких условиях: если у нас двух (и он показывает на еще одного нашего сотрудника, который вообще еле передвигает фигуры) наберешь 1,5 или 2 очка, то выиграл ты. А если меньше, то выиграли мы. Идет?» Не помню, как он меня уговорил. А тут вдруг он еще говорит: «Только чтобы были равные условия, на одной доске ты будешь играть белыми, а на другой черными. Ладно?» Я не понял подвоха и говорю: «Да ладно! Хоть белыми, хоть черными на обеих досках, хоть вперемешку, все равно я у вас выиграю». И мы начали играть, сделали по два хода, и я понял, что у меня нет шансов выиграть, т.к. Витька на второй доске, играя белыми, строго повторял мои ходы, которые я делал на первой доске. Так что, если я выигрывал на первой доске, то автоматически проигрывал на второй и набрать 1, 5 очка в принципе не мог.

Второй раз он меня «сделал», когда мы шли в столовую – это требовало минут десять ходьбы. Вышли втроем: он, я и наш приятель Эльмар с интересной фамилией – Позамантир¹³, человек очень серьезный и неигровой. Вдруг Витька говорит мне: «Что идти так? Давай хоть в балду сыграем». Я говорю: «Нет, Витька, я с тобою ни во что больше играть не буду! Ты жульничаешь». Он предлагает: «Ну давай возьмем судью, Эльмара! Как он скажет, так и будет! Ему-то ты веришь?»

Ему я верил, и мы начали играть. Правила игры в балду известны: один называет букву, другой к ней приставляет спереди или сзади другую, но так, чтобы обязательно знать слово, существительное с таким сочетанием букв. Если не знает – проиграл. Я назвал буку «ж», он «у», я опять «ж» и радуюсь, так как на это сочетание букв есть только слово жужелица, которое кончается на нем, и он проигрывает. И вдруг он говорит вторую букву «ж», т.е. «жужж». Я спрашиваю – какое слово? Витька отвечает – «жужелица». Но ведь, я говорю, в нем после «у» одно «ж»! Нет, два, отвечает он. Я говорю одно! Он – нет, два и предлагает: «Не надо спорить, давай, как договорились, спросим у судьи – у Эльмара». К моему удивлению, Эльмар говорит, что два, и, следовательно, я проигрываю. Не сомневаясь в том, что Эльмар ошибается, честно, я не выдерживаю: «Витька, сволочь, ты же знаешь, что в слове жужелица одно «ж»!» «Да, – отвечает он, – я знаю! Но это мой единственный шанс – может быть, Эльмар, которого мы выбрали судьей, не знает!»

На таких тонкостях он и строил свои игры. Его жена рассказывала: «Как-то отдыхали мы на юге, в Сочи. Лежали на пляже. Жара была жуткая, всех разморило. Даже пти-

¹³ Говорят, что история возникновения этой фамилии следующая. Был во время Отечественной войны 1812 г. взят в плен французский солдат. И первый вопрос, который ему задали, был: «Как фамилия?» Он же, не зная русского языка, подумал, что у него могут спросить только о его профессии (а был он позументных дел мастер), и поэтому ответил: «Позумантьер». И пошли на Руси Позамантиры. Кстати, рассказывают о таком разговоре по телефону. Раздается звонок, и Эльмар, беря трубку, говорит: «Позамантир» и после этого, слушая несколько секунд, добавляет: «Это фамилия, а не организация».

ца, что сидит метрах в трех от берега на камне, уже почти час сидит, нахохлившись, ее тоже разморило.

И вдруг Витька приподымается и предлагает: «Ну, с кем на две бутылки коньяка поспорить, что не успеет моя жена спеть два куплета песни – и эта птица улетит!» Желающих поспорить нашлось много – ведь птица уже целый час сидит, неужели еще две минуты не просидит?!

Витька говорит мне: «Клара, запевай». Я пою один куплет – птица сидит. Начинаю петь второй куплет – Витька бросается в воду, доплывает до птицы, бьет ее по загривку, птица улетает! Заваривается свара – он считает, что выиграл спор, остальные считают, что он нарушил условия. «Какие? спрашивает он. – Ведь было одно условие: меньше двух куплетов – и птица улетит!»

На третьем году его пребывания в аспирантуре, как обычно, была аттестация. Проводил ее директор – Всеволод Иванович Петров, удивительный специалист и человек с чувством юмора. Как-то я бежал, опаздывал на работу к 9.00. Вдруг слышу, сзади кто-то кричит: «Веня! Веня! Куда ты так торопишься, ты что, не знаешь, что лучше два выговора, чем один инфаркт?»

Встретив как-то Витьку на работе, он его полшутя спрашивает: «Что это мне говорят, Витя, что ты два раза в неделю раньше уходишь с работы на два часа. Что я, зря тебе плачу 120 в месяц?»

– Знаете, Всеволод Иванович! Давайте я Вам буду доплачивать по 120 в месяц, но буду ходить на ипподром – а то мне это очень дорого обойдется!

– Есть резон – сказал Петров и пошел дальше.

Так вот, на аттестации он объявил о рассмотрении аспиранта Виктора Мельгунова.

– Гриша, – сказал директор, – обращаясь к Черномордику, – это твой аспирант. Что будем делать? Оставим в аспирантуре, пусть продолжает учебу, он вроде не дурак, хорошо, говорят, играет на ипподроме.

– Очень умный, – ответил Черномордик, – но полный бездельник. Третий год ничего не делает, только играет на ипподроме. Выгнать его надо из аспирантуры, немедленно выгнать, чтоб другим неповадно было!

– Подожди, Гриша, – сказал Петров. – выгнать не поздно, давай его выслушаем.

– И слушать его нечего! Он нам всем мозги запудрит! Выгнать его, и дело с концом – не унимался Черномордик.

Тем не менее пригласил Витьку на аттестационную комиссию.

– Мельгунов! – сказал Петров. – Вот твой научный руководитель говорит, что ты лодырь и бездельник и тебя надо выгнать из аспирантуры. Что ты на это скажешь?

– Я могу сказать только одно, – сказал Витька, – что я очень уважаю своего научного руководителя. И он, конечно, прав – сегодня я не могу положить на стол готовую диссертацию. Но ведь у меня еще почти год впереди?

– А ты спроси его, – обратился Черномордик к Петрову, – когда он сможет положить на стол диссертацию?

– Да, действительно, когда ты, Виктор, сможешь положить готовую диссертацию? – поинтересовался глава аттестационной комиссии.

– Ну, думаю, через месяц можно. А если очень надо, то и через 25 дней, но не раньше.

– Врет он, врет! – подскочил Витькин научный руководитель. – Он знает, что комиссия больше в этом году собираться не будет, и нас дурачит. Выгнать его, не слушать его!

– Что Вы, Всеволод Иванович! Я же человек ответственный, играю на ипподроме. Если я сказал, что будет через месяц, значит, будет. Мы же, игроки, привыкли отвечать за свои слова.

– Ладно, – сказал Петров, – иди, Мельгунов. И добавил, когда он вышел:

– Знаешь, Гриша! Давай рискнем оставить, все-таки выгнать можно и без комиссии.

Ровно через 25 дней Витька принес Черномордику готовую хорошую диссертацию. Злые языки говорили, что он разработал только алгоритм и написал текст (а писал он быстро и хорошо), а дальше нанял программистов – они запрограммировали и посчитали, нанял трех машинисток, чертежников и др., которые быстро все оформили.

А работа была хорошая – он применил интеграл Ито для стохастической оптимизации развития автомобильных дорог – так раньше до него никто не делал (вот где ему пригодился законченный мехмат МГУ, кафедра теории вероятностей).

Наладились отношения и с научным руководителем, хотя на защите Витька опять выкинул номер. Перед самой защитой, примерно за неделю, он бегал по институту и всем предлагал поспорить на тысячу рублей, что он провалит защиту: «Ну, что, вам тысячу рублей не надо? Ведь провалить защиту очень трудно: работа у меня хорошая, сам я не дурак, отзывы оппонентов – отличные, мой научный руководитель – за меня, он очень уважаемый человек, член Ученого Совета, где будет защита. Так почему не хотите спорить? А я, если даже провалю – ничего не выигрываю. Перезащита будет через год, а каждый месяц я теряю по сотне. Так что я бескорыстно. Давайте поспорим!»

Но никто не согласился, и Витька успешно защитился, но на защите показал, что он при желании таки мог провалить защиту. Он заработал четыре голоса против и прошел с небольшим запасом в два голоса. Метод он избрал единственно возможный для провала – «интеллигентного оскорбления членов Ученого Совета».

Сделал он доклад так, что никто ничего не понял. Поднялся один из членов Совета и сказал: «Если это математика, то пусть бы шел защищаться к математикам, а если это транспорт, то я хочу понимать, что он говорит. Нет!»

Я буду голосовать «за», уважаю его руководителя, да и сам он, говорят, не дурак и работа хорошая. Но вообще-то, мне не нравится, что непонятно!»

Тут Витька лезет на трибуну и говорит, что он просит извинения у членов Ученого Совета, что при подготовке доклада не учел их уровень (якобы имел в виду математический, но прозвучало более широко).

Тут уж загудели члены Совета: «Какой нахал!» И четверо бросили черные шары. Витька потом хвастался, что у него еще много идей было в запасе, так что он спокойно еще три–четыре черных шара мог «заработать», если бы с ним поспорили.

После защиты Витька демонстративно перестал опять что-нибудь делать и числился м.н.с-ом, хотя по мозгам, конечно, был сильнее многих старших.

Но он любил их поддразнивать: «Я человек честный, не пудрю мозги никому, говоря, что занимаюсь наукой. А вы пудрите. А я делом занимаюсь играю на ипподроме».

Особенно он любил дразнить своего антипода Мишу Баренбойма. Тот был в науке человек честный и дотошный. Для доказательства какого-то транспортного положения (кажется, о постоянстве среднего времени поездки между населенными пунктами) он как-то поднял и обработал статистику по всем европейским странам за 250 лет. После того, как он сделал доклад о проделанной работе и с гордостью изложил результат, ему Витька задает вопрос: «Михаил Исаакович! А почему Вы для доказательства этого положения не использовали такой эффективный метод, как метод муэнций? Все срезом было бы ясно».

Миша, который очень тщательно изучал всю и отечественную, и зарубежную литературу, был совершенно обескуражен и пробормотал что-то насчет того, что ему показалось, что так будет яснее, а на следующий день, когда я стоял в коридоре с Витькой, подбегает к нам и спрашивает: «Витька! Что это за метод муэнций? Где прочитать? Я и слова-то такого не знаю!» «Ну как же ты, Мишенька, можешь не знать, – спокойно отвечает Витька, – книги разные читаешь. Ну, муэнции-фуэнции...»

Миша обозлился и после этого иначе Витьку не называл как придурком, а Витька Мишу – муэнтологом.

Прошло несколько лет, и на смену умершему директору В.И. Петрову в Институт был назначен новый, сверху. И вдруг весть, что он будет присутствовать на научно-техническом совещании в отделе, в котором работали и с.н.с. Варенбойм, и по-прежнему м.н.с. Мельгунов. Заведующий отделом всех собрал, сказал о цели совещания, распределил роли, наметил выступающих и добавил: «А еще предупреждаю, что всякий юмор противопоказан. В отличие от В.И. Петрова новый директор к нему не расположен».

Хорошо. Началось совещание – выступили зав.отделом, зав.секторами, кому еще было положено, и вдруг тянет руку Витька, которому всегда все было до фени, и говорит, обращаясь к новому директору, такие слова: «Наш отдел – отдел коммунистического труда, а почему? Потому что у нас нет мелкотемья. Каждый сотрудник решает важную народнохозяйственную транспортную задачу. Вот, например, – он показал на Баренбойма, – Михаил Исаакович десятый год занимается муэнцией транспортных потоков дельфийским методом»

Все замерли: муэнция, ... дельфийский метод – в сочетании полная абракадабра. Но новый директор, подводя итоги, сказал, что ему очень понравился отдел, содержательные выступления его сотрудников, особенно этого ... Мельгунова.

Через несколько дней по инициативе директора Вшька был переведен в с.н.с. и продолжал бездельничать дальше. Хотя спустя некоторое время ему пришла в голову мысль записать на математическом языке свой опыт игры на ипподроме – так появилась его статья с теорией «интеграла удивления», с помощью которого он предлагал принимать решения в сложных системах.

Мне пришлось на предварительной стадии быть рецензентом по этой вызвавшей большие споры статье, и я дал положительное заключение, рекомендовал статью опубликовать. Правда, заместитель директора шутя внес другое предложение: «Так как, кроме

рецензента, никто статью не понимает и не поддерживает, то отпечатать ее в двух экземплярах и один экземпляр отдать автору, а другой – рецензенту». Тем не менее статья все-таки увидела свет, была опубликована в трудах Института. И по-моему, не зря! Хорошая статья, но, конечно, не такого эпохального значения, как всерьез (или для розыгрыша) утверждал Виктор.

Я потерял потом его на мною лет из виду, но говорят, что уже в перестроечные времена, где-то в 1986–1987 гг., он писал М.С. Горбачеву об этой статье, об огромных достоинствах «интеграла удивления», и просил его либо отдать команду о широкомасштабном использовании «интеграла удивления» в народном хозяйстве, либо дать ему разрешение на выезд в Западные страны, так как он, Витька, «понимает свою ответственность перед человечеством за свое открытие и должен позаботиться о его применении во благо народов всего мира».

Часть 5. Шутки диссертационные

Случай с «Игроком», пожалуй уникальный – обычно же аспиранты (да и докторанты) стараются как можно скорее и успешнее защититься и совершают для этого все ритуальные действия. Конечно, ритуалы и традиции меняются.

Лет тридцать назад, когда я выходил на защиту кандидатской диссертации в начале 1960-х гг., кажется, никому в голову и не приходило писать самому на себя (точнее, на свою диссертацию) отзывы официальных и неофициальных оппонентов. Спустя лет 5–10 это вошло в ритуал, причем появилась и соответствующая терминология: «коза», «рыба» и т.д. – заготовки отзывов, которые часто не читая подписывались. Иногда при этом происходили курьезы. Вспоминается, был у нас аспирант из одной южной республики, симпатичный неглупый паренек, занимался рационализацией перевозок. Не помню уже, почему он стал у меня консультироваться по применению математических методов, а потом я помог ему и в поисках ведущей организации, которая должна была наряду с официальными оппонентами давать отзыв по диссертации. И вот за три дня до защиты он ко мне прибегает и, заметно волнуясь, говорит, что ведущая организация не дает отзыва. Чувствуя себя причастным к ее назначению, звоню туда. В ответ слышу: «Больше нам делать нечего, как читать его муру и писать отзывы! Пусть тащит «рыбу*». Передаю аспиранту ответ и забываю об этом разговоре. Но на следующий день мне напоминает о нем звонок из ведущей организации: «Он что у тебя, трехнутый, что ли? Он же нам принес огромную – живую рыбу! Нет, отзыв мы ему написали, и рыбу взяли и съели. Так что все в порядке, не волнуйся! Можешь еще присылать».

Я рассмеялся такому неожиданному повороту и вспомнил, как в том же институте за месяц перед этим произошла другая аспирантская «история». В лабораторию, где они делали эксперименты, привезли несколько бутылей спирту, причем было сказано, что часть из них с нормальным (этиловым), а часть с древесным (метиловым) спиртом.

Лаборанты с большим спиртовым опытом сагитировали аспирантов присоединиться к распитию и решили задачу идентификации бутылей по-научному. Бегала там по двору собака. Ее позвали, хорошо пропитали спиртом кусок хлеба и дали ей съесть. Как ни странно, съела, верти г хвостом, просит еще. Дали еще, подождали, наблюдая за соба-

кой – все хорошо, пес доволен и жизнерадостен. Тогда сами выпили и пошли в столовую закусить. Посидели там около часу, поговорили про жизнь и пошли назад. Глядят – собака уже бездыханная лежит, глаза выпучены, язык высунут. Испугались наши герои, побежали в медпункт, все рассказали как было. Переполох поднялся невероятный, стали их спасать. Часа 2–3 промывали желудки, вывернули их наизнанку, наконец отпустили. Шли, еле ноги волочили. Навстречу радостно им бежал пес, вертел хвостом, довольный, что встретил, после того как отоспался. Может быть, рассчитывал на добавку.

Ритуальным стал и процесс назначения оппонентов. Обычно научный руководитель (или зав. лабораторией) их подбирает по «деловому» признаку – из хороших знакомых, так как оппонировать диссертацию – дело, вообще говоря, неблагодарное.

Покойный профессор Гибшман Александр Евгеньевич, один из самых грамотных специалистов на транспорте (и уж безусловно один из наиболее интеллигентных), как-то полусуто-полусерьез сказал: «Когда ко мне как оппоненту попадает диссертация, то я не ищу в ней недостатки (потому что глупости есть обычно на каждой странице), а ищу что-нибудь хорошее, за что можно, не очень кривя душой, похвалить диссертанта».

Обычно уговоры будущих оппонентов происходят спокойно – выбранная «жертва» после недолгого сопротивления сдается. Но бывают (особенно, когда оппонент и подзащитный находятся в разных городах) и информационные сбои.

Конечно, немало приключений происходило на самой защите. Помнится, в 70-е годы в транспортном институте проходила докторская защита по перевозке авиацией спецгрузов, в том числе и всяких змей (как у нас шутили, тема: «Перевозка гадов на самолетах»).

Ни сам докторант, ни тем более его работа хорошего впечатления не производили. Да, как потом оказалось, и на вопросы он отвечал весьма своеобразно. Так, например, когда у него спросили, почему у него основные формулы имеют странную структуру, он объяснить не мог, а отвечал так: «Я тоже вам могу задать всякие вопросы по всяким формулам». А формулы были, действительно, очень странные. Так, основная из них – критерий оптимизации, представляла собою определенный интеграл с очень сложной подынтегральной функцией. Тем не менее, не поленившись, я провел необходимые преобразования и убедился, что этот интеграл берется и равен двойке (видно, кто-то из математиков, к кому он обратился, пошутил).

Так вот, чувствуя себя не очень уверенно, он привел на защиту старого уважаемого генерал-лейтенанта, бывшего начальника академии. Выступление его в защиту диссертанта было впечатляющим: «Товарищи члены Ученого Совета! Я вам настоятельно рекомендую диссертанта. Это очень надежный человек. Вот, помню, в середине 30-х годов, когда он был начальником лагеря ...». Тут генерал запнулся, призадумался и неожиданно бодро закончил: «Нет! Конечно, к науке он отношения не имеет. Я ему говорил – зачем тебе это надо? А он мне – хочу доктором быть! Так что я думаю, товарищи, если вы ему присудите степень доктора, то это будет справедливо».

Но члены Ученого Совета не последовали мудрому генеральскому совету и провалили защиту. Правда, это была не первая «цирковая» докторская в этом совете. Как-то лет за пять перед этим защищалась уже немолодая тетя, кажется, из Липецка. Основная

идея диссертации была следующая: металлургические заводы надо ставить на реках. Идея – потрясающая, да и защита была такая же. Хотя потрясения начались чуть раньше. Диссертантка (назовем ее для определенности Евдокия Николаевна) на всякий случай еще до защиты написала прокурору жалобу на ученого секретаря института (что с его помощью ее провалили) и записалась по этой же причине заранее на прием к Председателю ВАК. Но «коронный номер» она выкинула такой. Среди официальных оппонентов был ее студенческий коллега (вместе учились в институте речного транспорта) профессор М. Три дня до защиты, а он отзыв не шлет – значит, решила Евдокия Николаевна, пришлет отрицательный. И для гарантии наката на него в Ученый Совет телегу: что он, мол, вымогал у нее, когда был в Липецке, пятьсот рублей денег за отзыв.

Приезжает, ничего не зная о ее кляузе, профессор, возвращает взятые в долг деньги (он, действительно, попросил у нее – что-то в командировке купил; а не выслал, зная, что приедет на защиту и вернет). Сквозь зубы зачитывает положительный отзыв на защите и уезжает.

А Евдокия Николаевна (маленькая такая старушка, ее из-за кафедры не видно было совсем) потрясала слушателей блестящими ответами. Например, на вопрос: «На основе каких фактических материалов Вы сделали свои основные выводы?», последовал ответ: «На базе трофейных материалов». – «Но они ведь относились к немецким объектам, а не к Вашему Липецку!». – «Да, так, но у меня других материалов не было». Ответ почти такой же, как когда-то во время знаменитого диспута в ЦЭМИ Л. Канторовича и Альб. Вайнштейна с одной стороны и А. Лурье с другой по поводу модели нормы эффективности, Альб. Вайнштейн, комментируя взятый Б.Н. Михалевским вид производственной функции, напомнил немецкую поговорку: «Лучше вошь в капусте, чем суп без мяса».

Не могу не вспомнить и историю с моей диссертацией – защищался я в 1971 г. в МГУ на экономическом факультете. Инициатором защиты был Станислав Шаталин, тогда зам. директора ЦЭМИ АН СССР и заведующий кафедрой «Математические методы анализа экономики» в МГУ, по которой я проходил.

Шаталин мне говорил: «Вень! Все в порядке, работа у тебя хорошая, да и день защиты подходящий – 22 апреля». Накануне, 21-го, он мне звонит вечером: «Дрожишь?» «Нет, – говорю, – чего дрожать. Все отзывы и оппонетов, и на автореферат положительные». «А знаешь, – сообщает он мне, – только что пришло два отрицательных* один на 19 страниц и один на пол страницы. Оба подписали доктора наук, первый – экономических, второй – из Ленинграда, технических наук».

Утром (а защита была в 2 часа) побежал в университет. Начал с короткого отзыва. Изумительный отзыв из трех фраз – суть их в следующем.

1-я фраза: На XXIV съезде Л. Брежнев сказал, что транспорт стал узким местом.

2-я фраза: Почему это произошло? – Потому что Лившиц своими работами развалил транспорт.

3-я фраза: Поэтому надо не присуждать ему степень доктора наук, а осудить его деятельность, направленную во вред транспорту.

И подпись человека, с которым я никогда не встречался и, уверен, что не только я никогда не читал его работ, лежащих в другой плоскости, но и он о моих тоже, думаю, не

слышал. (Потом, кстати, я посмотрел его статьи – кажется, неплохие, хотя судить не берусь – не моя сфера).

Интересно здесь то, что включенные в диссертацию исследования носили экономико-математический, методический характер, относились к перспективе (1980 г. и далее) и никакого реального влияния на транспорт до 1971 года оказать не могли: ни хорошего, ни плохого. Тем более не могли развалить транспорт.

Еще интересней был отзыв на 19 страницах д.э.н. Е.П. Нестерова – он носил очень ругательный характер и сопровождался двумя метровыми фотографиями скоплений грузов в Красноярском порту. В моей диссертации не было ни слова ни о речном транспорте, ни о Красноярском порту тем более. Но помогли эти два отзыва мне очень – такую создали рекламу, что известный в кругах экономистов-математиков Эмиль Ершов у меня потом спрашивал. «Ты, Вень, признайся, сколько бутылок им за эти отзывы поставил?!!»

И тогда, и сейчас, ему отвечаю: «Ни одной!» И вообще толком не пойму до сих пор, почему Е.П. Нестеров (человек в области транспорта довольно грамотный) потратил столько сил и написал такой длинный и совсем неаргументированный отзыв, который во время почти полуторачасового чтения на защите (Е.П. Нестеров не пришел на защиту, но попросил зачитать отзыв) многократно вызывал смех в зале, где кроме нескольких десятков моих друзей присутствовало и несколько сот (я не преувеличиваю) посторонних, случайно или неслучайно зашедших слушателей – видимо, разнеслась молва, что будет нескучно).

И молва не подвела: уже когда прошло более 7 часов защиты и она в д сятom часу вечера подходила к концу, председательствующий Шаталин спросил: «Есть ли еще желающие выступить?» (А выступило более 15 человек).

И тогда неожиданно один из моих друзей Игорь Бирман (сейчас он живет в США) поднял руку, вышел и сказал такие слова (я их почти цитирую по стенограмме): «Надоели штампованные защиты. И то, что сегодня были не только положительные, но отрицательные отзывы – это, по-моему, не плохо, а хорошо! Другое дело, что отрицательные отзывы были неубедительные. Но, когда во время чтения отзыва Е.П. Нестерова в зале стоял смех, то мне было неудобно. Кто такой Е.П. Нестеров? Доктор экономических наук, профессор. А кто ему дал эти регалии? Ваш Ученый Совет!! Так над кем вы смеялись? Над собою смеялись!!!»

И пошел с трибуны. Это было неожиданно для всех и для меня – ведь перед защитой Игорь мне говорил: «Только, Вень, без выпендрежа! Не искушайся поострить по поводу отзывов – ситуация не такая простая».

Все, кто знал Игоря Бирмана, поняли, что ему пришел в голову каламбур: «Над кем смеетесь? Над собою смеетесь!», и тут он уже удержаться не мог, выступил. А мне он много помогал и до защиты, и после нее.

После его выступления каша заварилась снова – пошли выступать бывшие оппоненты Нестерова, крупные ученые, объясняя что-то.

Защита на Ученом совете (а это был Малый ученый совет экономического факультета) закончилась хорошо – все «за», за исключением одного воздержавшегося.

А на следующий день уже Большой Совет экономфака (число было уже 23 апреля 1971 г.) проголосовал совсем иначе – больше трети голосов были не «за».

Поводом к такому голосованию, по-моему, была шутка заведующего кафедрой политэкономии Н.А. Цаголова, который, выслушав информацию о вчерашней практически единогласной защите, «пошутил»: «Ну, если его обвиняют в том, что он развалил транспорт СССР, то давайте лучше при голосовании воздержимся».

И примерно 10 членам Ученого Совета (многие с кафедры политэкономии) эта шутка понравилась, и они бросили испорченные бюллетени – ни «за», ни «против». За что и были «наказаны» – через два месяца, по ритуалу, состоялась повторная защита уже у них на Большом Ученом Совете, которая длилась тоже более 9 часов.

А вот еще два эпизода, связанных с «шутками» подзащитных, в конце 70 годов; обе защиты прошли в одном из учебных полуэкономических вузов.

а) Партизанская защита. Позвонил мне приятель из Института Железнодорожного Транспорта. Говорит: «Вень, будь оппонентом, пожалуйста, у жены заведующего соседней лабораторией. Она сделала диссертацию по эффективности АСУ на железнодорожном транспорте.» «Хорошо, – говорю, – это близко мне, можно, пусть приедет, привезет диссертацию».

Приезжает ... ее муж. Привозит работу, говорит: «Жена плохо себя чувствует, другой раз приедет». «Да ладно, – говорю, – мне нужна диссертация». В последующие дни читаю работу – удивляюсь. Есть совершенно неграмотные вещи, элементарные ошибки (в том числе и математического характера), а есть и весьма нетривиальные идеи и непростое и четкое их доказательство.

Звоню ее мужу, говорю – так и так, пусть приедет, объяснит, а то я все напишу в отзыве. Договариваемся на время, приезжает ... ее муж, но объяснить не может. Значит, не он делал работу (была у меня и такая версия).

В общем, так я и не увидел диссертантку вплоть до защиты. В отзыве написал все, как есть – не захотела раньше разбираться, пусть, думаю, объясняет на защите.

На защите увидел очень красивую женщину лет тридцати, хорошо и со вкусом одетую, которая вышла на трибуну, без бумажки за 15 минут четко изложила результаты и ... замолчала.

Сколько ей ни задавали вопросов (а их было более двадцати), хлопала своими ресницами, смотрела на задающего сверкающими глазами и молчала.

Один лишь раз, когда разъяренный член Ученого совета, задавший ей несколько вопросов и не получивший никакого ответа, говорит: «Ну, посмотрите, Вы же в целевой функции суммируете рубли и вагоны. Это же нехорошо!» – она открыла рот и произнесла: «Да, суммировать рубли и вагоны нехорошо!» И больше ни звука от нее не добились.

Я, как оппонент, собирался высказать серьезные замечания, спорить с диссертантом, но тут уже было не до этого. Стал объяснять, что в диссертации все правильно, что не суммируются рубли и вагоны, а только рубли и т.д. Но только я начал это говорить, как задавший вопрос профессор меня прервал: «Я не Вам задавал вопрос! Я и сам вижу, что там рубли. И вообще, Вы оппонент или кто?»

В общем было нескучно, хотя голосование были единогласное – все «за».

б) «Гангстерская» защита. Спустя полгода после «партизанской» диссертации мне дали на оппонирование еще одну работу тоже по специальности «Применение математических методов в экономике». Диссертант – жена одного из профессоров того же института, сделала работу по решению задач линейного программирования большой размерности с блочной структурой. Практически апробировалось это на примере Московской области (или ее района – не помню), куча справок о большом экономическом эффекте. Среди основных результатов и такой: новый двухуровневый алгоритм решения этих задач, когда сначала оптимизируется верхний блок, потом соответствующие оценки даются вниз и там по ним идет оптимизация, потом снова вверх и т.д. Доказывалась сходимости этого алгоритма, проведены были расчеты.

Рецензируя эту работу, я обнаружил, что если начинать не сверху, а снизу, то задача просто распадается (блоки оказываются несвязанными) и все решение получается элементарно за одну итерацию. Что и написал в отзыве на диссертацию, где наряду с этим, серьезным, были и какие-то другие мелкие замечания типа «а это непонятно» и др.

Заключение я дал все же положительное, т.к. кроме ошибочного алгоритма были полезные расчеты, большая работа по информации и т.д. А самому интересно было, как она на защите будет отбиваться. Но способа защиты не угадал.

Она сконцентрировала внимание на мелочах, сказав, что оппоненту это непонятно, потому что он (т.е. я), по-видимому, читал только основной текст диссертации, а вот если бы внимательно изучил приложения и особенно программу для ЭВМ, приведенную в них, то мои сомнения бы отпали. И так она довольно долго, хотя и очень вежливо, «топтала» ленивого оппонента, не изучившего приложения. А от остальных замечаний – отмахнулась, как будто шла речь о мелочах: «С ними я согласна».

Ну и ну! – только и открыл я рот от такой женской дипломатии на гангстерском уровне.

«А что мне оставалось делать?» – засмеялась диссертантка, появившись у меня в кабинете на следующий день с большим букетом цветов.

Надо сказать, что нередко шутки с диссертациями проходили не до, не на, а после защиты. Не хочется вспоминать много трагических шуток, когда ВАК не утверждал отличных работ или утверждал безграмотные. А вот об одной комической шутке ВАКа я хочу рассказать. В моей лаборатории работал очень способный исследователь, отличный программист, который подготовил и успешно защитил диссертацию на кандидата технических наук по оптимизации потоков в нелинейных сетях.

Был у него любимый анекдот, который он несколько раз рассказывал. В первобытную пещеру-магазин приходит дикарь и спрашивает: «Мозги в продаже есть?» «Да, есть, – ему отвечают, – вот мозги математиков по 2 руб. за кг, вот физиков по 2,50 руб. за кг...» «А эти маленькие, сморщенные, сколько стоят?» «Эти? – ему говорят, – по 50 руб за кг». «Чьи это мозги?» – интересуется покупатель. «Это мозги экономистов» – слышит он в ответ. «А почему так дорого?» «Знаешь, – ему отвечают, – сколько их надо набить на килограмм!»

Так вот, проходит месяца два-три после защиты, и ему говорят: «Тебя очень быстро утвердили, наверное, потому, что работа хорошая и сомнений не вызывает. Зайди

к директору Института (он же председатель Ученого совета), он тебе вручит кандидатский диплом».

И действительно, директор Всеволод Иванович Петров его поздравляет, пожимает руку и вручает диплом, радуясь за новоиспеченного кандидата. А у того сначала на лице огромная радость, а потом, после того, как он развернул диплом, что-то совсем другое появилось выражение.

Дело в том, что в дипломе было написано о присуждении степени кандидата экономических наук.

Побежал он в ВАК, в юридический отдел – мол. опечатка вышла.

– Да, – сказал ему юрист, – Вы имеете все основания подать жалобу, ведь Ученый Совет присудил Вам степень по техническим наукам. Но хочу Вас предупредить – ведь Вы будете жаловаться ВАКу на ВАК, и возможны два исхода.

1. Пессимистический исход: у Вас заберут этот диплом и заставят защищаться заново, но другой работе, а эта работа, скажут, не техническая, а экономическая.

2. Оптимистический исход: Вас заставят доедать экзамен по политэкономии (Вы же его не сдавали – это непорядок) и оставят Вам этот диплом кандидата экономических наук.

А то, что ВАК признает ошибку и выдаст мне диплом кандидата технических наук – это Вы не рассматриваете? – поинтересовался мой коллега.

Это абсолютно исключено! – сказал юрист. – ВАК – организация серьезная.

Так появился еще один к.э.н., больше не рассказывающий любимого анекдота.

Часть 6. Мои «университеты»¹⁴

Когда мы нередко обсуждаем, что нам дала перестройка и радикальное реформирование экономики и социума нашей страны в 1990-е гг., то при очень большом желании найти положительные аспекты этого процесса применительно не к отдельным сильно разбогатевшим нуворишам «без комплексов» или «аффилированных» с ними малым группам лиц того же менталитета, а применительно к основной массе населения, – обычно упоминают три важных момента. А именно: ликвидация товарного дефицита, значительная словесная свобода, особенно на телевидении, и возможность при наличии денег относительно беспрепятственного посещения зарубежных стран. Все это в «старое доброе время» нормальному советскому человеку было малодоступно. Правда, лично мне повезло – еще в советские времена, когда не «стукнуло» и 50 лет (шел сорок девятый), удалось-таки в 1979 г. съездить за рубеж и несколько раз потом. Практически каждая зарубежная поездка сопровождалась нескучными эпизодами, и может быть, эти воспоминания «о делах не так давно забытых дней» повеселят не только меня, почему о них и рассказываю, тем более что пишу «правду и только правду». Но сначала о моих полужарубежных делах, о том, как

¹⁴ Опять все, что пишу, мной не выдуманно, только имена и фамилии изменены, хотя некоторые, которые, я думаю, не обидятся, сохранены. В определенной степени этот материал является продолжением ранее вышедших рассказов под тем же названием – части 1 (сборник «Под листом Мебиуса. Тридцать лет спустя» (М.: ЦЭМИ РАН, 1993. С. 52–53; 126–147)) и части 2 (сборник «Под крылом Пегаса» (М.: ЦЭМИ РАН, 2003. С. 34–39)).

в Москве я жил несколько лет в аспирантском китайском общежитии, где было всего нас семь советских и около 300 настоящих китайцев, собранных в 1956 г. из разных регионов Китая и направленных в аспирантуру АН СССР почти во все ее ведущие институты.

Повесть первая:

Жизнь в китайском общежитии АН СССР

К большому моему удивлению в г. Коркино близ Челябинска, где я тогда работал по распределению после окончания МЭИ¹⁵ по специальности «электрический транспорт», пришла в середине ноября 1956 г. бумага из отдела кадров Института комплексных транспортных проблем АН СССР (ИКТП), в которой говорилось, что я успешно сдал экзамены и прошел конкурс (которого, как мне кажется, не было) и принят в очную аспирантуру Института на трехлетнее очное обучение, для чего я не позднее 1 октября вышеуказанного года должен прибыть в Институт и приступить к учебе. А удивился я потому, что был уверен – с моей анкетой ни в какую аспирантуру меня не примут. Был уже двойной опыт – сначала в 1953 г., когда с красным дипломом закончил МЭИ и вместо аспирантуры, на которую рассчитывал, получил безальтернативное распределение «куда Макар телят не гонял» – в Хабаровский край, замененное уже потом в Министерстве угольной промышленности СССР распределением на Урал, правда, Южный, в стольный град Коркино, что в Челябинской области¹⁶. Затем, в предыдущем 1955 г. я уже делал попытку поступать в аспирантуру головного по моей профессии железнодорожного института (ВНИИЖТ МПС), но не был даже допущен к экзаменам. Отказ же я тогда получил с такой милой, до сих пор не очень мне понятной формулировкой: «Ввиду отсутствия документов, подтверждающих склонность к научной работе». Но в этом 1956 г. прошел XX съезд и, по-видимому, еще все блюдушие кадровики тогда не пришли в себя и дали промашку – допустили летом 1956 года к экзаменам в аспирантуру. Правда, я иллюзий не имел и, подавая документы, больше действовал по известному принципу: «Не догоню, так согреюсь», т.е. не примут в аспирантуру, так хоть еще месяц побуду в отпуске. Как потом оказалось для такой петушиной логики были определенные основания – экзамен по Истории КПСС (был тогда такой) я сдал удачно и после XX съезда по чистой случайности. Дело было так. Накануне, за день до исторического для меня экзамена, пришел на Волхонку в Институт Философии АН, где его принимали, пришел просто так, посмотреть, как это выглядит. И вот вижу, выходит с экзамена одна девица моего возраста и с таким же носом и ревет-ревет. Спрашиваю, в чем дело? Отвечает – «Этот пузатый экзаминатор приставал, сколько было тракторов в 1930, 1934, 1937 гг., а я, конечно, не знала, и он мне пару поставил». «А чего вдруг он про трактора?». «Да у меня был такой билет – первый вопрос хороший: «Критика Готской программы», а вот второй вопрос – три буквы: МТС, и по этим машинно-тракторным станциям он и начал изгаляться, посмотрев на меня и мою фамилию» У меня все было такое же, не лучше, и, идя утром на экзамен и ожидая нетривиальных вопросов, я, на всякий случай, посмотрел и запомнил эти и некоторые другие цифры, вроде числа депутатов на

¹⁵ Об этом я подробно писал в первой части рассказов (см. предыдущую сноску).

¹⁶ О жизни в Коркино я писал в первых частях моих невыдуманных рассказов.

Съездах ВКП(б). Прихожу, тащу билет – именно этот и вопросы дополнительные о тракторах те же самые. Я не уверен, знал ли он сам эти цифры, но, по-видимому, чувствовал, что порядок цифр я называю правильным. Третий вопрос после этого цирка они (их было двое, но второй молчал) уже не спрашивали, поставили пятерку. Вот так на чужой беде случайно проехал. Кстати, на третьем вопросе я вполне мог погореть, не очень его знал, но меня почему-то его не спросили, а после «игры в трактора» сказали – «можете идти».

Так как аспирантура была для меня «голубая мечта», то я быстро – за месяц – свернул все угольные дела и числа 20 декабря предстал в Москве пред светлые очи заваспирантурой ИКТП. «Все хорошо, – сказала она мне, – но Вы слишком поздно приехали и мест в общежитии АН СССР нет. Но мы что-нибудь придумаем». И придумали поселить меня (и еще семь таких же опоздавших гавриков из других институтов) в китайское общежитие, которое временно помещалось в одном из пятиэтажных корпусов гостиницы «Ярославская», что недалеко от ВДНХ, а через год переехало «на постоянное жительство» на Большую Академическую улицу, ныне называемую имени Вавилова, рядом с большим общежитием для советских аспирантов АН СССР. Но пока первый год мы жили в гостинице, и оно тоже еще не было достроено и строители там еще что-то делали, то ли красили, то ли крышу ставили, то ли первый этаж ремонтировали. Китайцев было много, и каждого из нашей великолепной семерки в двухместную комнату поселили с одним из них. Ну, а в основном они жили тоже вдвоем, друг с другом.

Этот набор 1956 г. из всего Китая собрал удивительно симпатичных людей, по способностям, мне кажется, они были на нашем уровне, но по душевным качествам, нерыночному менталитету, да еще и сверхидеализированному отношению ко всему советскому – это было что-то удивительное. Вот один пример. Захожу я как-то вскоре после поселения домой, в корпус наш, и вижу – на внутренней двери висит записка примерно следующего содержания: «Кито потирял 237 рублей в красном кошельке, захадите в комнату №... к Дао Ли Чжэну»¹⁷. Я его потом спрашиваю, пришел ли кто-нибудь, и он мне говорит: «Ой, Веня, какая странная история! Двое потеряли такую сумму и оба в красном кошельке. Я первому отдал, а перед вторым так неудобно было, у меня ведь больше красного...».

Я, конечно, его перебил и пытался ему втолковать: «Чудак ты, просто тебя обдурили, никто из них не терял».

Он мне очень убежденно: «Нет-нет, как же так, советский человек не может...».

Они, действительно, в 1956 г. относились к нам, как к идеальному обществу. Это не слова, это так и было. Конечно, они протрезвели достаточно быстро, тем более что отношения между СССР и Китаем спустя год-два стали совсем другими, но в 56-м году все это еще было безоблачно. Кажется, он меня так и не понял. Да и с языком у них тогда было не очень. Они мне потом рассказывали, что их сразу по приезду принял А.В.Топчиев,

¹⁷ Как я указывал, многие имена-фамилии, в том числе все китайские, изменены. Может быть, некоторых вообще не существует, так как, насколько помню, у них в Китае всего около трехсот фамилий, а имен очень много и обычно они что-то значат. Так мне говорили, что Мао – это одна из трехсот фамилий, а Цзе Дун (точнее, Цзе Тонг), как его после рождения нарекли, можно перевести как «Освободитель Востока». Так это или нет, не знаю, но такую интерпретацию они давали, точно помню.

вице-президент АН СССР, и сказал им, чтоб они не расстраивались, что будет трудно, но они победят. В ответ китаец, единственный, кто тогда у них считался знающим русский язык, тут же среагировал: «Спасибо, мы уже пообедали». Но учились они, действительно, беззаветно – и днем, и ночью. Помню такую историю. Пошел по Москве грипп и начал косить наших китайцев, ослабленных и непомерным трудом, и собственным патриотизмом. Наша мудрая администрация общежития, в общем-то из лучших чувств к ним, решила с этим по-советски бороться – чтобы они не переутомлялись, в комнатах в 23.00 выключался свет, оставался только в коридорах и других подсобках. Так вот где-то дня через три-четыре вздумалось дежурной зачем-то около полночи зайти кому-то в комнату. А там никого. В другую – тоже никого и т.д. Зашла в туалет (не помню, в мужской или женский), а там человек на человеке, тянутся со словариками к неяркой высоко висящей лампочке и учат русские слова. Они мне потом сказали, что отключение восприняли как меру нормальную энергосбережения и никуда жаловаться и не думали. Теперь по поводу патриотизма. Дело в том, что когда они приехали, то им как всем аспирантам дали стипендию 1000 рублей в месяц – это еще те, дореформенные деньги. Ну пожили они два месяца и на собрании (а собраний у них всегда было с избытком) решили – хватит 800. Пожили еще три месяца и опять – хватит 700, и оба раза их посольство это утвердило, причем была, действительно, инициатива от них самих, это точно знаю. Сколько еще прошло времени не помню, может быть, полгода, но не больше, так как все это было еще до переезда на Вавилова, и опять они стали заседать, спорить, надо ли снижать до 600 руб.? В конце концов, может быть, через неделю дискуссий, постановили – надо! И отправили решение в посольство. Оттуда неожиданная реакция – «подумайте еще хорошенько». Подумали – опять подтвердили, теперь уже значительным большинством. Два месяца они получали по 600, а потом пришел приказ из Пекина примерно с такими словами «восстановить 700 и не морочить голову больше». А на 600, да и на 700 особенно было не разогнаться, тем более что они много книг еще покупали по специальности, в том числе на английском языке. А вот на популярные у нас тогда американские фильмы никто из них не ходил по идейным соображениям.

Прошла пара лет, они узнали наши порядки, да и сами немножко раскрепостились. Я жил в комнате с китайцем, тоже транспортником по образованию, диссертацию делал у нас в институте, хороший человек, но очень сдержанный, не помню, смеялся он когда-нибудь или нет, шутки плохо понимал и спустя некоторое время я с ним, находясь в хороших отношениях, шутить перестал. А вот рядом жил другой китаец, назову его Ли Дзен Тан, веселый. Кажется, он был то ли химик, то ли физик, я не помню. Вот Дзен Тан любил пошутить, хотя шутки его были своеобразные. Любил он зайти в комнату к нам, когда ко мне пришли гости, аспиранты и аспирантки, похлопав меня по плечу, сказать: «Ну что, хао жэнь» (по-китайски «хао жэнь» – хороший человек) и дальше произносит такие слова, которые сейчас называются почти ненормативной лексикой, и смотрит совершенно невинными глазами, как будто не понимает сказанное. В общем-то складывалось впечатление, что я его этому научил и вот он выдает. Кстати, он любил ходить по комнате, и когда какая-нибудь аспирантка спрашивала: «Что вы, Дзен Тан все ходите, вам что, сесть не на что?», он обычно отвечал: «Сесть есть на что, стула нет».

Как-то, то ли у меня было плохое настроение, то ли не знаю что, я решил ему за эти шутки адекватно отплатить. А надо сказать, что в это время его сосед уехал на сбор материалов в Китай и Дзен Тан жил один. А у всех китайцев (они приехали с большими чемоданами, где была одежда на четыре года и всякие другие аксессуары) были будильники. Ходили эти будильники совершенно бесшумно, но вот звонили они так, что мертвый проснется. Я взял будильник моего соседа, завел его на два часа ночи и, когда Дзен Тана не было дома, зашел в его комнату и положил будильник в укромное место (тогда комнаты не запирались и ничего не пропадало). Это был четверг, а на следующий день я ушел в туристический поход по Подмосковию на субботу и воскресенье. Так что в пятницу вечером мы ушли и уже не ночевали. Вернувшись в воскресенье, я сразу почувствовал, что что-то неладно: мой сосед со мной почти не разговаривает. Я его спрашиваю: «Ну что, ну как ты два дня жил, что было интересного?», молчит так однозначно, отнекивается и все. Потом я узнал, что же произошло. А произошло следующее: когда в два часа ночи в ночь на пятницу Дзен Тана разбудил мною положенный будильник, он на следующий день собрал их двенадцать штук, завел с 12 ночи до 6 утра через полчаса и спрятал их в нашей комнате в разных углах. Но меня-то не было, я ушел в турпоход, а мой компаньон через каждые полчаса вскакивал, и в 5 часов утра он взял подушку и ушел спать на подоконнике куда-то в коридор, решив, что это моя работа.

Следует заметить, что порядки у них были довольно жесткие. Практически все время, кроме 7 часов сна, они тратили на учебу и собрания. Вспоминаю, что 57-й год это был год, когда Мао Цзэ Дун выдвинул лозунг: «Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто ученых». В нашем общежитии они вывешивали различные дадзедбао, написанные ручкой на обычных листках свои мнения по всякому событию, и эти мнения потом обсуждались на собраниях. Собраний было очень много. Я как-то от нечего делать в апреле 57-го года прикинул, что мой сосед бывал на них за месяц от 70 до 80 часов. Были у них при обсуждениях тогда довольно своеобразные вопросы. Я спрашивал, что вы там так долго обсуждаете? Получил такой ответ – обсуждаем вопросы очень важные, ну, например, на этой неделе такой: «Что лучше: быть очень хорошим профессионалом, но розовым, или немного худшим профессионалом, но красным специалистом?». Надо сказать, у меня сложилось такое впечатление, что обсуждали они достаточно открыто и ставили порой довольно острые вопросы. Правда, потом некоторые поплатились за это. Был у нас такой математик (назову его Ван Чи Сюань). Приехал он на пару месяцев позже других, ему было всего 28 лет и к этому времени он, как будто, уже успел побывать и личным переводчиком Президента Академии Наук Китая и осуществлять то ли революцию, то ли реформы в деревне, да и русский он достаточно хорошо знал, хотя и говорил с заметным акцентом. Это человек, который свободно знал 6 языков, внук известного китайского математика, он мог рассказывать мне не только про Пушкина, Лермонтова и т.д., но и про тех, кого я почти не знал – про Бунина, Телешева и др., причем не только биографию, но и про произведения, то есть он знал русскую литературу гораздо лучше, чем я и многие другие. Но главное, что он был прекрасный математик. Там было еще десять китайцев-математиков; я часто видел, как они спорят и жужжат, но когда входил Ван Чи Сюань (а он был маленький такой), они все притихали и спрашивали: «Чи Сюань, вот это правиль-

но или неправильно» и т.д. Однажды я сам ненароком проверил уровень его знаний. Как-то я призадумался и мне показалось, что я обнаружил интересный результат в теории чисел, суть которого в том, что «произведение последовательных простых чисел плюс единица есть простое число ...». Все, что мог проверить, все удовлетворяло. На том же этаже жил один из нашей «великолепной семерки», такой Костя-механик, закончивший мехмат. Он как-то был у меня, и я ему говорю: «Костя, смотри, какая интересная теорема, вот я доказать не могу, но проверить проверил». Костя рассмеялся: «Тоже мне, открытие сделал, да я помню в книге Виноградова по теории чисел такая теорема есть, я даже помню на какой странице, когда сдавал экзамен, списывал эту теорему», а в это время входит Ван Чи Сюань в комнату, призадумался и говорит: «А я сомневаюсь в том, что эта теорема имеет место, потому что, если она имеет место, то очень многое, что сделал академик Виноградов сложными такими доказательствами, из нее можно вывести совсем просто, наверное, это неверно, нет такой теоремы». Костя бушевал: «Как это нет такой теоремы, я ее списывал, да я сейчас сбегаю принесу учебник...». Оказалось потом, что действительно такой теоремы нет и быть не может. Правильная теорема звучит так: «что произведение последовательных простых чисел плюс единица есть либо простое число, либо имеет своим делителем число большее, чем те, которые участвовали в получении этого кратного» и что Леонард Эйлер нашел какое-то, кажется, девяносто семизначное число, наименьшее, которое как раз не является простым, а имеет 39-ти или 40-ка однозначные делители. Так вот этот Ван Чи Сюань вывешивал дадзебао о том, что, по его мнению, плохо, что в Китае фактически одна партия, что она тем самым вне критики и т.д. Примерно полгода они на своих собраниях в группе, а они были разбиты на них по 10 или 15 человек, пытались его убедить, что он неправ, а через год его вызвали в посольство и сказали: «Вот что, Ван Чи Сюань, надо съездить в Пекин, решить какую-то задачу». Он уехал, и больше я его не видел, обратно его не вернули. Таких у нас было несколько – тех, кто высказывал крамольные мысли... Тогда еще у них репрессивной фазы культурной революции не было, и кажется, что они высказывали то, что думали, ну а потом Ван Чи Сюань и почти все другие, или по крайней мере, многие учившиеся у нас были в период культурной революции посланы в деревню на перевоспитание; кое-кто из них, правда, выжил. К 59-му году отношения между СССР и Китаем стали очень напряженными, постепенно и моих друзей-китайцев, которые у нас были аспирантами в ядерных институтах, отлучили практически от реальной работы. Нет, диссертации большинство из них подготовили и защитили, но тем не менее, после защиты они довольно быстро уезжали и на смену им никто не приходил. Правда, где-то в 59-м году неожиданно для меня приехало 12 вьетнамцев. Я подружился с одним из них, Дау Туном. Он был в Институте философии аспирантом, как оказалось, из 12-ти одиннадцать было философов и один механик. И когда я его спрашивал: «Дау Тун (а «дау тун» по-вьетнамски значит «зеленая сосна»), а что, Вьетнаму нужны только философы?» Он говорил: «Как только философы? Вот у нас тут один механик». Но потом и вьетнамцы тоже уехали, и в наше китайское общежитие (а мы уже давно перед этим еще в 1958 г. переехали в корпус рядом с советским аспирантским домом, что на нынешней улице Вавилова – пятиэтажный дом школьного типа во дворе Института математики АН СССР) стали селить аспирантов из стран народной демократии: Болгарии, Вен-

грии, Монголии... Как-то так получилось, что примерно в течение года у меня в комнате соседями были два монгола, но не вместе, а последовательно. Один из них биолог, или, как я говорил, «барановед». Тимур его звали. Хороший человек и, кстати, по собственной инициативе никогда не пивший. Но в компании видно было, что выпить может. Но с Тимуром у меня была интересная история. Как-то он поставил себе утром градусник, я удивился, с чего вдруг, и спрашивает: «Веня, а у тебя какая температура?». Я говорю: «Ну, не знаю, наверное, 36,6. А что, Тимур?» «Да вот, что-то градусник показывает 37,5» Я говорю: «Послушай, это повышенная. У тебя нормальная какая?» «37,1–37,2». Я взял градусник, на себе проверил – нормальный градусник. «У тебя что-нибудь болит?» «Нет, ничего не болит». К вечеру он опять меряет. Спрашиваю: «Сколько?» «38,3» «Что-нибудь болит?» «Нет, ничего не болит». Утром 39.2. Ну, тут я его погнал в большой аспирантский корпус к врачу, а сам ушел в институт – у меня в 3 часа было время на ЭВМ, Вычислительный центр Академии был рядом с нашим китайским общежитием, он и сейчас там находится, и нам выделяли иногда время, чтобы мы там работали. Перед работой я заскакиваю к себе домой, чтобы взять перфокарты, вдруг меня хватают двое в белом и тащат в машину. Я кричу: «Куда, мне на машину». «Какая машина?» Я говорю: «На ЭВМ! А где мой сосед?» «А соседа мы уже отвезли, у него тиф, на Соколиную гору». И они меня, несмотря на все мое брыканье, отвезли на Трубную площадь, там заставили раздеться и принять очень горячий душ, а в это время с моей одеждой они что-то делали, уж не говорю, что они натворили в нашей комнате. На следующий день я пошел на эту Соколиную Гору, но, конечно, в корпуса не пускали, но, к счастью, Тимура поселили на 1-м этаже, и он подошел к окну и громко говорил, так, что я слышал. Он говорил: «Ну, комната у меня, правда, на одного, но я ведь могу здесь, действительно, тиф подхватить...». Короче говоря, он пролежал там дней шесть, пока не попался такой удивительный врач, который ему задал неожиданный вопрос: «А чем вы занимаетесь в аспирантуре?» Тот говорит: «Вот я занимаюсь баранами». «А вы сырое мясо не ели?». Говорит: «Как не ел? Я вот только из командировки вернулся, там мы все время едим сырое мясо» Короче, у него оказался не тиф, а бруцеллез. Тоже радость маленькая, но тем не менее... Выписавшись оттуда, он опять уехал в командировку, а мне подселили другого милого монгола, полуфилософа–полуисторика. Мне кажется, что он был трезвым по средам утром, в этот день он ходил к своему академику, после этого возвращался с двумя литрами спирта и пил до следующей среды. Трезвый это был удивительно милый интеллигентный грамотный человек, с ним приятно было беседовать, вот в среду после его прихода мы иногда час-два беседовали. Два летних месяца он проводил в Тибете, жил в пещерах вместе с монахами, пил только чистую воду и питался так же, как они. Но потом, конечно, за 10 оставшихся месяцев он нейтрализовал ущерб от употребления только этой воды. Но человек, конечно, хороший, грамотный и интересный. Кажется, он сделал там довольно большую философскую карьеру.

Позднее, когда китайцев уже не было, а были только аспиранты, приехавшие из стран народной демократии, начали иногда селить, если не было мест в главном общежитии, и некоторых советских. Вот так я познакомился с Сергеем из Кишинева. Он был аспирантом Института экономики АН СССР, очень веселый, быстро говорящий человек, первое время я вообще не мог понять, что он говорит, настолько это было... Нет, это, без-

условно, был русский язык и русский язык у него был родной, но говорил он сильно шепелявя и очень быстро. А человек оказался очень интересным. Он работал в Кишиневе на большом винном заводе то ли начальником планового отдела, лет ему тогда было, ну как всем, 27–28, то ли он был уже зам главного инженера, в общем, не знаю, какой-то руководящий пост он там занимал. И, как он мне сам рассказал, попал он в аспирантуру при таких интересных обстоятельствах. Я, говорит, работал на заводе, но в то же время уже лет пять охотно «пописывал» в нашу молдавскую «Комсомолку». И так как стиль моей писанины, по-видимому, был неплохой, главный редактор молдавской «Комсомолки» ко мне очень хорошо относился и практически давал «зеленую улицу» тем статьям, которые я писал. И вот однажды, было, кажется, воскресенье, он меня вызывает и говорит: «Серез, у нас в республике событие – первый гагауз защитил кандидатскую диссертацию». А гагаузы потомки молдаван и турок. «Вот ты пойдй к нему и возьми у него интервью». Дал мне телефон, дело было несложное, где-то часа в 3 я позвонил этому гагаузу и он мне сказал: «Я могу принять вас только в 9 часов вечера, до этого времени я занят». Ну, я звоню главному редактору, он мне говорит: «Ладно, Сереза, ты пойдй к нему в 9, напиши потом, ведь это событие, так я оставляю тебе целый подвал, прямо иди в типографию, пусть набирают». С 3-х до 9-ти время было, я зашел в ресторан с приятелем, мы там хорошо посидели, а потом я пришел к этому человеку, чтобы взять интервью. Человек оказался очень заносчивым. Я ему что-нибудь говорю, а он говорит: «Я первый, я первый...» «Ты знаешь, – говорит мне Серезка, – никогда мне так легко не писалось. Я написал, наверное, за час весь подвал под заголовком «Первый блин комом...» и отдал в типографию. В 5 часов утра мне позвонил главный редактор. Говорит: «Серез, я даже ругаться не буду, я только дам тебе совет один. Этот, который «первый блин комом», он племянник Предсовмина Молдавии или его зама. Так вот, чтоб тебя в течение двух дней в Молдавии не было, а то у тебя могут быть очень крупные неприятности. Насчет работы не знаю, сам договоришься, но давай исчезай – или отпуск бери или еще что, но появляйся лишь когда все утихомирится...». Я призадумался: «А почему бы мне не поступить в аспирантуру?» И бегом за этот день собрал все документы и поехал в Москву. Вот так – говорит Сергей, – я стал аспирантом в Академии Наук, не гадал, не думал, хотя мне, в общем-то, такая научно-литературная деятельность нравится. Лет 5 назад, сказал он, был я в Москве и попал в театр Моссовета на «Милого лжеца», там Плятг и Орлова разыгрывали сцену переписки и я вспомнил: а у нас тоже два молдаванина переписывались – и написал пьесу и она два сезона в нашем театре шла. «Так что, – говорит, – мне это нравится». Ну, сказал он мне правду или нет, не знаю, я не проверял, но вполне возможно. Он и сейчас живет в Молдавии, в период перестройки довольно неплохо проявил свои экономические таланты и не бедствовал, кажется, числится в молдавских миниолигархах. Правда, он уже в конце 60-х годов защитил кандидатскую диссертацию экономическую, так что кое-что он в этих процессах понимает, и притом достаточно много есть в нетривиальном характере у него такого, что в наше нескучное время могло ему помочь неплохо адаптироваться.

Кстати, в период осложнений с Китаем кто-то дал команду убрать стоявший на втором этаже бюст Мао Цзэ Дуна; китайцев уже не было, бюст еще, правда, оставался. Этот бюст они прямо на руках внесли, оказалось, что он весит много, около тонны или

даже больше. И Сергей мне сказал, что он вынимал его оттуда с помощью танка. Ну насчет тонны и где он взял танк, я не знаю, но вот такая история.

Когда наше «китайское» общежитие стало в основном общежитием аспирантов стран народной демократии и советских, то, конечно, стиль жизни в нем значительно изменился. Все это привело к тому, что комендант отдал приказ дежурным не пускать к советским аспирантам гостей. Не знаю, почему он сказал: «Пускать только к иностранцам и эстонцам». И... перестали пускать гостей к моему соседу-монголу. Тимур пошел к коменданту выяснять. Тот ему говорит: «Я же сказал, можно только к иностранцам и эстонцам». – «А почему к эстонцам пускают?» – «Я ж сказал – к иностранцам». – «А почему ко мне не пускают, я же из Монголии?» – «Да какой вы иностранец – вы же монгол». На этом разговор и закончился.

Как-то, спустя несколько месяцев, рядом со мной поселился аспирант из Мали или Нигера, африканец. А познакомился я с ним при таких интересных обстоятельствах. Иду я в свой корпус, захожу и вижу: сидит наша, условно назовем, тетя Ньюша, дежурная, за столом, а перед ней стоит высокий черный, машет руками и говорит что-то на французском языке, что, естественно, адекватно не воспринималось. Но смысл того, что он говорил, заключался в следующем: у нас телефоны на каждом этаже были только в холле по середине и он, по-видимому, пришел туда, позвонил по телефону, оставил там свою красивую записную книжку и ушел. Русского языка он не знал, а в этой книжке были все русские слова и все телефоны и адреса. Книжка его, «естественно», быстро уплыла. И вот он стоит перед тетей Ньюшей и на хорошем парижском языке ей объясняет: «... кто-то случайно взял мою записную книжку, словарик...». Но тетя Ньюша, не менее естественно, отвечать ему на этом языке не могла и понять, что он хочет, тоже. Я спросил у него, чем можно ему помочь (а надо сказать, что я сдавал по-французски кандидатский, кое-что мог разобрать), и он в меня вцепился, несколько дней я был эрзац-переводчиком и ходил с ним по Москве. Очень интересный оказался человек. Так вот он рассказал, что закончил Сорбонну перед тем, как приехать в СССР, а сюда он приехал в Энергетический институт к такому профессору Бауму, крупному специалисту в области солнечных батарей, чтобы по ним написать диссертацию, а потом на родине их применять. И он мне пояснил, что для него самое главное, когда он учит иностранный язык (а он знал целый ряд языков; ну, французский как родной у него был), это понять, что ли, «дух языка» – *esprit de langage*. Вот он у меня часто спрашивал про какое-нибудь слово, что это такое, и нередко просто ставил в тупик. Ну, например, спрашивал, что такое «запирается»? Я говорю «ну, запирается – это нечто связанное с тем, чтобы дверь не открывалась или что-нибудь в этом духе», после этого он вытаскивает книгу и читает, что «девушка запирается, не отвечает» и так далее. И вот такие особенности русского языка он довольно часто спрашивал. Я ему говорю: «Что ты морочишь голову, учи нормальные слова и так далее». «Нет...». К моему удивлению, месяца через два он заговорил, и очень неплохо, с очень слабым акцентом, а через год он говорил практически свободно. Ну, по-видимому, это прежде всего связано с лингвистическим талантом, который у него несомненно был, хотя основная его направленность была чисто техническая, энергетическая.

Повесть вторая:
Как я впервые чуть не выехал за рубеж

Кажется, что впервые меня покойный директор ИКТП Всеволод Иванович Петров пытался послать на стажировку во Францию еще на заре моей научной юности, где-то в середине 1967 г. – был я в то время уже, правда, не очень юным (36 лет), но, по-видимому, как в институте считалось, подававшим определенные надежды кандидатом наук, старшим научным сотрудником, успешно занимавшимся тогда очень модными исследованиями экономико-математического характера в области транспорта, оптимизации развития его сетей. К тому же уже успел к этому времени вместе с двумя коллегами из ИКТП (Иваном Тимофеевичем Козловым и Эльмаром Ильичем Позамантиром) после защиты кандидатской технической диссертации окончить шестилетний курс мех-мата МГУ. Но «Сорбонна» не торопилась раскрыть объятия и меня прождала еще почти 20 лет, до 1984 г., а на этот раз в 60-е не пропустил райком, по-видимому, из-за пятого пункта, хотя В.И. сказали: «не стоит, староват он для учебы».

Не могу не вспомнить еще раз об удивительном директоре нашего института Всеволоде Ивановиче Петрове. Он был с создания Института в 1955 г. сначала заведомом и заместителем директора, а затем где-то года с 62-го до самой своей смерти он был директором. Это, на мой взгляд, был золотой век ИКТП. Умница, очень приличный человек и, хотя он был и кандидатом технических наук, а в институте было много всяких докторов, но его авторитет, как по техническим, так и по экономическим (связанным с транспортом) проблемам, был непререкаемым – именно авторитет, а не должность. Он неоднократно был раньше директором крупных транспортных институтов в войну, он строил рокаду, что-то еще. Причем, говорят, из директоров этих крупных многотысячных институтов он уходил, потому что от него требовали со стороны Старой площади некоторых действий, которые он не считал приличными, и он сдавал свой пост, хотя довольно быстро уже в другом институте выдвигался в первые лица. Так и у нас произошло. Было у него удивительное чувство юмора. Никогда не забуду, как я пришел к нему с каким-то вопросом, который звучал так: «Всеволод Иванович, а можно я... – и дальше шла какая-то просьба: то ли напишу письмо в Госплан, или пару дней поработаю на дому, или бог его знает что... Ответ его был такой: «Ну, Веня, что ты как тот еврей, который в постный день пришел к раввину. А у раввина в соседней комнате куча гостей, слышится смех, звон бокалов, хотя пост, и спрашивает раввина: «Ребе, а можно я съем кусочек курочки, у меня очень живот болит?» Раввин ему говорит: «Что ты, что ты, Хаим, пост ведь, как можно?» А он: «Ну, как же нельзя, ведь гости же у тебя, в соседней комнате, не только курочку жрут, но, я чувствую, и выпивают». «Да, – говорит раввин, – едят и выпивают, но они у тебя разрешения не спрашивают». Я засмеялся: «Все понял». Или другой эпизод. Не по желанию нашего директора как-то нам ввели номерочки, т.е. была доска, на которой они висели на гвоздиках и до девяти часов надо было снять этот номерочек, а в 6 часов вечера снова повесить. И ровно в 9.00 соответствующие кадры наши запирали эту доску, куда номерочки вешались и не вешались, так что уже на стол директору будет положен черный список с твоей фамилией. И вот как-то я бегу, потому что остались 2 минуты, а до дверей институ-

та еще метров 70, и вдруг слышу сзади голос: «Вень, Вень, куда ты бежишь? Не знаешь, что лучше два выговора, чем один инфаркт?» Всеволод Иванович сзади идет и дает советы мне. Относился он ко мне, как и к большинству сотрудников, конечно, очень хорошо.

Можно много вспоминать. Он, уже будучи много лет директором, затем написал сам хорошую докторскую диссертацию, защита у него была непростая, потому что некоторые члены совета, которых шокировало, что они член-корры, а он кандидат наук и он директор...И некоторые из них ему устроили на защите веселую жизнь. Тем не менее защита прошла успешно, хотя были там и выступления сторонних транспортных генералов с не совсем положительными оценками. После защиты Всеволод Иванович (это была середина 70-го года) поехал с женой отдыхать в Крым. Мы в его отсутствие узнали, что его ВАК утвердил. А он в один из майских дней ездил по Крыму (а лет ему тогда было 64) говорят, до 12 ночи рассказывал с компанией анекдоты, а в 2 часа сердечный приступ... Его не стало. Вот такая грустная судьба. Именно для нас, его сотрудников, потому что он за эти 8 лет, которые был директором, я полагаю, создал лучший в мире транспортный институт, причем тут не было какой-то глобальной замены кадров, кадры-то были неплохие. Сумел организовать работу таким образом, что в Госплановском институте и передовые идеи по транспорту возникали, и передовые методы, в том числе математические, кибернетические, стали широко использоваться для решения задач планирования развития транспорта. Мне приходилось видеть неплохие транспортные технико-экономические комплексные институты во Франции и в некоторых других странах, но ИКТП Петровского периода, на мой взгляд, это был высший транспортный класс. Его авторитет держался не на анекдотах, а на глубоком знании транспортной науки и удивительной порядочности и благожелательности к людям. Он обладал серьезным, пытливым, по большому счету научным умом, хотя он решал в своей жизни не только проектные, но и практические задачи очень успешно, ему трудно было пудрить мозги, а желающих в то революционное для советского транспорта время было немало. Каждый ведь считал, что то, чем он занимается, – это самое главное. Не могу забыть, как он однажды меня вызвал, а я работал в секторе применения математических методов на транспорте, и сказал: «Вень, вот тут два временных ряда, не можешь проверить, корреляция между ними есть или нет?» Я взял, а ряды были довольно приличные по длине, десятка 2–2,5 было цифр в каждом ряде. И проверил. «Коэффициент корреляции, – совершенно уверенно сказал я, – свидетельствует что это ряды, относящиеся к очень сильно коррелированным явлениям. Коэффициент где-то под 0,9 получился». Он: «Я тоже так думаю, правда, первый ряд – это незамужние башкирские невесты, а второй – яловые коровы в Житомирской области. Я тебе скажу, откуда эти данные взяты...» Ну, от такой интерпретации я, конечно, опешил, а он засмеялся и сказал: «Ну, статистика и математика – это вещи великие, конечно...». Вместе с тем, надо сказать, очень сильно нас поддерживал. Нас – это весь сектор применения математических методов, потому что он понимал, что, несмотря на некоторые парадоксы и наши «закидоны», все-таки это инструмент хороший, который позволяет аргументировать решения лучше, чем что-нибудь другое.

Несколько слов хочется сказать еще об одном человеке удивительного лингвистического таланта, моем сослуживце, лет на двадцать меня старше. Когда я поступил в

конце 1950-х гг. в аспирантуру ИКТП, то, кажется, он уже был заведующим сектором зарубежного транспорта. Сколько он знал языков, сказать трудно, говорили, то ли 15, то ли 20; то, что он основные – английский, немецкий, французский – знал свободно, а наверное, и многие другие, это не вызывает сомнения. Говорили, что он в Советском Союзе – третий полиглот. Как-то под Новый год, не помню точно, кажется, 58-й, решили над ним подшутить и в газете новогодней написали какую-то абракадабру, подделывая восточные знаки письма. Леонид Исаакович Василевский (его имя–отчество) он всегда ходил с большой лупой, был невысокого роста, кругленький такой с приличным пузиком, и вот он с этим большим увеличительным стеклом подошел к газете, раз подставил лупу, отошел, потом снова... У него спрашивают: «Леонид Исаакович, это какой язык?»; он говорит: «Похоже на хинди, но не хинди, потому что я ничего понять не могу». Был у него, как я уже говорил, удивительный лингвистический талант, причем и особенного вида тоже. Мне до него никогда не приходилось встречаться с людьми такого рода. Талант вот какой, особенный. Он был членом ученого совета нашего института и нередко там выступал, причем у него было хобби выступать по поводу очень популярных тогда в 1950–1960 гг. всякого рода кибернетических, математических вещей. Так он иногда говорил об особенностях учета неполноты информации, иногда о линейном программировании и было приятно слушать, потому что, ну на уровне моего понимания, он все говорил правильно, чего о многих других членах совета сказать тогда было нельзя, потому что вещи это были новые относительно, а они были специалисты, крупные специалисты, но в железнодорожных, морских, автомобильных и других перевозках. Но однажды Леонид Исаакович пришел ко мне, я уже не помню, по какому поводу, и у нас была по его просьбе беседа о линейных программных задачах, и я, к своему великому удивлению понял, что, кроме некоторых слов, он в этой области ничего не знает. Но слова он удивительно правильно сопрягал, когда выступал, так что и ошибок при этом не было, и мысль звучала нетривиально, вот именно это я называю великим и удивительным лингвистическим талантом. Кстати, он был очень авторитетным ученым в области зарубежного транспорта ...

Был он, вообще человек со многими причудами. Очень часто, когда мне приходилось с ним встречаться, обычно в коридоре длинном нашего института, я никогда не знал, здороваться с ним или не здороваться, потому что в 9-ти случаях из 10-ти он проходил мимо, глаза какие-то стеклянные и, естественно, на мое приветствие не отвечал. А в одном случае из 10-ти он мог не только ответить, но и поинтересоваться, как дела, а иногда даже оказывалось, что он знал кое-что о моих делах, о личных делах других наших сотрудников. Вот один из эпизодов. Как-то я шел по двору нашего института, смотрю – навстречу идет Леонид Исаакович, по его глазам я вижу, что здороваться сегодня с ним бесполезно, не воспримет. Но на всякий случай я поздоровался, все-таки – он намного меня старше, и вообще человек уважаемый, хотя и с фокусами, так нет, он проплыл мимо, естественно, без всякой реакции на мое «здравствуйте». Я прошел несколько шагов, вдруг услышал топот сзади, оборачиваюсь, вижу – он за мной бежит, останавливается очень близко, как у него привычка была, так, что мы чуть не касались животами друг друга, и глядя мне в глаза немного снизу вверх, так как он пониже был, и говорит: «Здрате...» (он немного картавил). Я говорю: «Здравствуйте, Леонид Исаакович».

– У меня к вам большая просьба.

Говорю: «Слушаю».

– Я, – говорит он, – сейчас составляю энциклопедию математиков, работающих в области транспорта.

И замолчал. Я жду.

– Так вот, – он говорит, после некоторой паузы, – У меня к вам большая просьба: как ваше отчество?

Я говорю, с удивлением немножко: «Наумович». Поскольку предполагал, по предыдущим встречам, что он это знает.

– Наумович? – переспросил он. – Большое вам спасибо.

Помолчал и сказал и еще раз так воодушевлено:

– Большое спасибо, товарищ Паршиков.

А надо сказать, что Витя Паршиков – это наш коллега, он незадолго перед этим защищал диссертацию на совете, на котором Леонид Исаакович и присутствовал, и выступал, и голосовал. Ну такие странности. Говорят, что он очень неплохо читал лекции в университете на географическом факультете, в основном по экономгеографии, но иногда вкладывая туда некоторые соображения по применению математических методов, причем, по-видимому, вполне грамотно.

Повесть третья:

Как я таки впервые выехал за рубеж

Прошло много, целая дюжина лет с первой попытки В.И. Петрова отправить меня в зарубежную командировку, и я (уже пять лет как доктор экономических наук с легкой руки Станислава Шаталина – работал под его чутким руководством во ВНИИСИ АН СССР заведующим лабораторией производственной инфраструктуры) сделал с таким же примерно успехом вторую попытку осчастливить своим присутствием, пусть и менее далекие, чем Франция, но все же зарубежные края. И было это так: в начале 1979 г. наш замдиректора Борис Захарович Мильнер (мы его звали БЗ), человек весьма, даже очень энергичный и фактически руководивший до перестройки всеми оперативными, в том числе во многом и иностранными делами в Институте (поскольку директор Института, его основатель Джермен Михайлович Гвишиани был на основной работе Заместителем Председателя ГКНТ СССР и, естественно, в основном был занят тамошними делами, определяя у нас, главным образом, стратегию и некоторые иногда возникающие форсмажорные решения), придумал разработать вместе с соответствующей Ассоциацией Финляндии Проект «О принципах научного, экономического и торгового сотрудничества между СССР и Финляндией». Были образованы две команды, по одной с каждой стороны, примерно по пять небольших групп в каждой. Мне было поручено руководить нашей экономической группой, состоявшей фактически из двух человек – меня и еще одного нашего завлабораторией, Володи, лет на 10 меня моложе, но очень толкового как экономист, уже кандидата соответствующих наук. Любимый ученик С. Шаталина, вместе с ним пришедший то ли из ЦЭМИ, то ли из МГУ, высокий стройный красавец, сын генерала, человек широкой души и прочая-прочая. Правда, за ним числились (мне об этом говорили его друзья) еще два

крупных достоинства–недостатка: любил хорошо и часто выпить (а кто в ЦЭМИ тогда не пил?) и любил красивых и симпатичных женщин (а кто тогда в МГУ их не любил?). Именно благодаря этим его качествам, как потом оказалось, и состоялись два великих события: первое – я выехал за рубеж, и второе – в России была проведена в 1992 г. гайдаровская шоковая терапия. О первом событии, как более значимом, я и хочу рассказать подробно.

Итак, по организованному БЗ Проекту в марте 1979 г. должна была состояться первая поездка нашей советской команды в Хельсинки (по плану в этом году предполагался также ответный визит к нам финнов в сентябре, а затем еще раз наша поездка к ним для окончательной доработки Проекта в октябре). Не помню, какого числа марта, но помню, что это было в день отъезда и в пятницу, почти всю нашу команду (кроме входящих в нее в виде руководства двух человек, регулярно ездивших за рубеж – БЗ и еще одного замдиректора нашего Института по «иностранным делам», бывшего работника МИД и тоже доктора экономических наук), всего 11 человек, вызвали к двум часам дня в ГКНТ и тамошний чиновник примерно час занудно читал нам, ну, очень глупую проповедь, как положено вести себя за рубежом, особенно в капстране (а хотя и существовала поговорка «курица не птица, а Финляндия не заграница», но формально все же считалась таковой – Финляндия, а не курица). И вот после этой проповеди нам выдали 10 полных комплектов документов – загранпаспортов и др., т.е. всем, кроме меня, и все (естественно, без меня) вечером поездом благополучно уехали в Финляндию. Не могу сказать, что это было совсем неожиданно для меня (существовала теория, что сначала надо съездить в соцстрану и лишь потом..., да и другие помехи были не секрет), тем не менее очень расстроился по поводу собственного третьего сорта, да еще без всяких объяснений и с каким-то «странно-неприличным», по моей оценке, бесполезно демонстративным приглашением меня со всеми в ГКНТ. Но, благодаря Володе, это оказалось только начало моей финской истории.

А продолжение было такое. В сентябре финны приехали к нам, меня вызвал БЗ и сказал: «Веня! Ты понимаешь, что Институт сделал все, чтобы ты тогда поехал, но не получилось. Но дело есть дело, и тебе надо провести здесь заседания своей экономической группы». Я понимал, что дело ...и заседания три дня провел. Но когда потом меня опять вызвал БЗ и сказал, что надо гостей развлечь, свозить их в Суздаль, так, мол, принято, и они нас развлекали тогда в Хельсинки..., то тут я взбрыкнул и заметил, что меня они не развлекали и пусть... Короче, их повез в Суздаль Володя, и было их в автобусе, кроме него, еще примерно человек десять – финны и два добавленных на этот случай сотрудника из ГКНТ. Володя от широкой души (ведь ехать надо было несколько часов) на собственные деньги купил ящик водки (а гости, и не только гости, были вполне пьющие), и все вместе неплохо доехали. Правда, не прошло и полчаса после размещения в гостинице, как кто-то из ехавших успел «настучать» в Москву, что Володя развлекал гостей явно в нарушение инструкции. Короче, когда все вернулись в Москву, Володю за его самодеятельность чуть не уволили из Института (Шаталин еле его отстоял), и поэтому, когда через месяц был ответный визит в Финляндию, то его уже в списке едущих, естественно, не было, а я был опять. И опять нас (на этот раз это было в среду, тоже в день отъезда) вызвали на промывание мозгов в ГКНТ. В этот семестр по средам с 16.00 я проводил на экономи-

ческом факультете МГУ вместе с кафедрой планирования научный семинар по проблемам производственной инфраструктуры. Поэтому, уверенный в повторении в ГКНТ мартовского фокуса (т.е. всем дадут заграндокументы, а мне нет), я туда не поехал, как вызывали, к 15.00, а поехал в МГУ на семинар. Где-то около 17.00 прибегает ко мне кафедральный секретарь Шаталина (а он там тогда заведовал на экономическом факультете кафедрой «Математические методы анализа экономики», которую ему «по наследству» передал Н.П. Федоренко) и говорит: «Вас к телефону вызывает Шаталин». Я подошел, взял трубку и услышал голос шефа: «Вень! Не валяй дурака! Срочно хватай такси и езжай на Старую площадь. Я тебе гарантирую, что сегодня ты поедешь в Финляндию. Мне-то ты веришь? Но тебе надо быть в таком-то кабинете в ЦК у такого-то сотрудника не позже, чем в 17.50. Ровно в 6 вечера он уйдет». Верил ли я тогда в успех поездки или нет, уже не помню, но, привыкший к дисциплине (с 1956 г. был членом КПСС, вступил еще работая на Урале), схватил такси и успел вовремя, под завязку. Чиновник уже надевал пальто, увидел меня, высказал в общем виде, что он о сотрудниках АН СССР и обо мне думает, но конкретно добавил: «Идите в спецчасть в конце коридора, там познакомьтесь с правилами поведения за рубежом и приходите ко мне назад, но не позже 18.00, а то меня не застанете». В спецчасти меня встретила не очень молодая мегера, недовольно бросила на стол два толстых машинописных тома, добавив, что я с ними должен очень тщательно познакомиться и расписаться, но что через пять минут она... Я открыл на случайной странице и прочел: «Существует ошибочное мнение, что находясь за рубежом советский человек не должен давать чаевые...» Наверное, там были и более интересные вещи, жалею, что не успел прочесть, а расписавшись в какой-то книге, вернулся в первый кабинет и застал уже одетого, подходящего к дверям с портфелем в руках. Состоялся краткий диалог: «Ну, что познакомились?», «Да, детально», «Ну, что ж идите теперь в ГКНТ за заграндокументами». «А что мне им сказать?», «Скажите ноль три тридцать девять». Я ошалело посмотрел на него, не издевается ли? Что это за цифры, не знаю до сих пор, но чисто случайно вспомнил, что когда после Института я работал на Урале машинистом, то некоторое время водил поезд с помощью двух сцепленных немецких электровозов, имевших номера 03 и 39. Выяснить не стал, пошел в ГКНТ, где после препирательства на входе (по моему институтскому пропуску туда пускали до 17.00), добрался до нужного кабинета, где осерчавший околонучный чиновник (из-за меня он задержался на полчаса) резко меня спросил: «Были на Старой площади?», «Да, был». «И что там сказали?». Я помялся и ответил, что мне сказали, чтобы я пошел в ГКНТ. «А больше ничего Вам в Инстанции не сказали?» – спросил он раздраженно. Делать было нечего, пришлось сознаваться и я тихо, ожидая взрыва негодования, добавил: «Да, еще сказали 03.39». Тут он непонятно почему оживился и почти вежливо мне сказал, что все в порядке и я могу пойти и получить все заграндокументы – паспорт, билет на поезд и что-то еще. И даже проводил к сотруднице выдавшей мне все это. Лишних вопросов она не задавала и непонятных мне магических слов 03.39 я больше не произносил и, действительно, вечером на Ленинградском вокзале присоединился к остальной команде, сел в поезд и утром приехали в Хельсинки. Вот так состоялась моя первая нескучная поездка за рубеж. Нескучная потому, что «чудеса» для меня начались еще по дороге – проводница тетя Нюша, всю дорогу предлагавшая чай, как только

мы переехали границу, стала его выдавать только за финские марки и другую нерублевую валюту, которой у меня не было – дали немного только уже после приезда в Хельсинки. Живо помню первые впечатления: нас встретили на чудо-Мерседесах, вообще-то это было обычное такси, но я на таком ехал впервые в жизни. Потом после гостиницы (о ней что-то ничего особенного не помню, кроме того, что на последнем этаже, фактически на покрытой крыше, было казино) нас отвезли на совещание с финнами в большой (точнее длинный, потому что здание, кажется было двухэтажное) белый дом на проспекте Маннергейма – тот самый дом, где в 1975 г. проходило историческое Хельсинкское совещание глав правительств по безопасности в Европе, и тот самый Маннергейм, преодоление линии которого в финскую войну стоило советским людям много жизней. В общем по нашему воспитанию – главный финский злодей. И вот я сижу вместе со всеми в первом ряду, по существу совершенно не готовый к этой поездке, поскольку я и не предполагал, что поеду, вдруг слышу, что там в президиуме что-то говорящий человек явно произнес похожие на мою фамилию какие-то английские слова. Я спрашиваю ученого секретаря нашей группы:

«Игорь, мне показалось, что он упомянул мою фамилию».

«Да нет, спи дальше, просто это повестку дня зачитывают, ну и сказал, что вот твой доклад...»

«Какой доклад?»

«Ну, твой доклад...»

К счастью, название доклада кто-то придумал (естественно, без меня) такое, что можно было к нему и не готовиться: «О принципах экономического сотрудничества...», в принципе, можно было текст и сгенерировать. Другой вопрос, что мне никогда не приходилось выступать по-английски. Это была некоторая проблема, но тоже проходящая, так как, кажется, никто внимательно и не слушал... А потом все было очень интересно и необычно – и интересная экскурсионная поездка паромом в крепость Свеаборг в субботу, и книжные и другие магазины, где весь «дефицит» прямо в руки просился, и первый увиденный полупорнофильм, на который всю нашу делегацию финны официально повезли, и казино с рулеткой на крыше нашего отеля, в которую я «по-тихому» почти полчаса бесплатно играл, ставя одновременно на «красное и черное», пока на ту же крышу спонтанно не пришел приставленный «доглядяющий» член делегации, при котором я еще минут пять полудемонстративно поиграл и ушел, и т.д. Много полезного это дало и с профессиональной точки зрения – так, например, возле нашего отеля на проспекте Маннергейма была кондитерская, работавшая с утра до 22.00, причем за пять минут до конца можно было видеть в витрине дорогие восхитительные торты и другие лакомства, так что однажды я зашел и спросил хозяйку, что она с ними делает после закрытия. Ответ меня ошарашил – «только полностью на переработку. Если кто-нибудь узнает, что мы продаем вчерашнее, то «лавочку» можно закрывать». «Но ведь так много пропадает» – сказал я. «Не так много, – ответила хозяйка. Мы хорошо планируем...» и она мне показала толстые «grossbucher» за несколько предыдущих лет с ежедневными записями, что за церковный праздник был в этот день, какие еще особенности были и сколько каких тортов купили...

Вот так я впервые выехал за рубеж, совершенно этого не ожидая, тем более, что многие мне говорили, что для поездки в Финляндию, да и любую другую капстрану та-

ким, как я, надо, во-первых, сначала съездить в соцстрану, и во-вторых, не иметь пятого пункта... Впрочем с пунктом могло быть по-всякому – как я убедился, если институтское начальство очень хочет, то пункт мог и не быть непреодолимым препятствием. Хотя иногда он приводил и к смешным ситуациям. Вспомню одну из них, происшедшую, кажется, через месяц-два после моей первой попытки поехать в Финляндию. Время, конечно, было с пунктом непростое, так как поток уезжавших тогда в Израиль (в том числе научных работников со степенями), хотя и несколько спал, по сравнению с 1974–1975 гг., но оставался значительным, и ЦК КПСС на этот процесс весьма реагировал. Лично передо мной эта проблема по разным причинам не вставала, но столкнуться с этим вопросом приходилось нередко – уезжали друзья, родственники и т.д. Так вот в мае 1979 г., когда у нас в Институте еще не было диссертационного Совета, мой аспирант из Белоруссии Владимир Гулин (без всякого пятого пункта) сделал по матметодам диссертацию и, поскольку в нашем институте тогда диссертационного совета не было, я договорился в ЦЭМИ АН СССР, что его заслушают и, если работа нормальная, примут к защите. Обсуждение на лаборатории ЦЭМИ было назначено на пятницу, но по каким-то причинам не состоялось и его перенесли на понедельник. А в воскресенье я должен был на четыре дня лететь в командировку в Алма-Ату. Хотя мое присутствие на защите как научного руководителя не было обязательным (тем более что раньше я с дружески настроенным ко мне завлабом Ю. Олейником уже говорил, разъясняя суть этой хорошей диссертации), но решил рано утром, где-то в полвосьмого утра в воскресенье, еще раз напомнить – в ЦЭМИ ведь всякое могло быть, а аспирант приехал из Минска... Звоню: «Юра, у меня к тебе просьба. Я уезжаю, а у тебя в понедельник мой аспирант Гулин...» И вдруг сначала слышу не очень вразумительное: «А почему я, если ты уезжаешь...» Но тут же потом уже совершенно иначе: «Виня! Езжай, не волнуйся! Не беспокойся! Все будет в порядке, работа ведь хорошая, я ее листал...» Вернувшись из командировки в четверг вечером, я узнал две новости: одну хорошую – с Гулиным в понедельник все прошло нормально, и вторую – с понедельника меня упорно ищет замдиректора Б.З.Мильнер, несколько раз звонила его референт – очень деловая, симпатичная и остроумная Наташа. Начал думать – вроде бы все его задания я перед отъездом выполнил, долгов, как будто, нет. Но утром сразу к нему пошел и был встречен вопросом:

– Виня¹⁸, это правда?

Я начинаю вспоминать, вспомнил что-то второстепенное не сделанное и говорю, вообще-то правда, но сегодня сделаю. Но в ответ: «Так это все-таки правда?».

Начинаю понимать, что ничего не понимаю, спрашиваю:

«Что правда, Борис?». И слышу в ответ:

«Правда, что ты подал документы на выезд на постоянное жительство в Израиль?».

¹⁸ Хотя с руководством я всегда поддерживал официальные отношения и был с ними и они со мной «на Вы», но с Б. Мильнером, когда были вдвоем, обращались по имени, так как были достаточно хорошо знакомы с 1970 г. – тогда жили неделю на Байкальском семинаре в соседних палатках и неформально общались. Аналогичные взаимоотношения, но более близкие, были и с С. Шаталиным.

Ошарашенный, задаю встречный вопрос: «Ничего подобного. Кто тебе это сказал?».

Ответ: «Мне Дима Львов сказал, ему Юра Овсиенко, а ему сказал Юра Олейник, которому ты сам сказал».

Да, действительно, все так и было, я сказал: «Юра, я уезжаю...», но имел в виду Алма-Ату и не насовсем, а меньше, чем на неделю.

Повесть четвертая:

Поездка в Эквадор

Пожалуй, это была самая экзотическая из моих зарубежных поездок, и не только по географическим резонам, а прежде всего по организационным. Все началось в октябре 1983 г., когда мы, – сотрудники отдела С.Шаталина, были заняты разработкой отраслевых томов очередной Комплексной программы научно-технического прогресса в СССР и его социально-экономических последствий (КП НТП) на очередное двадцатилетие (кажется до 2005 г.)¹⁹. Институт наш играл при этом одну из основных ролей (так как в КП НТП было два сопредседателя – вице-президент АН СССР В.А. Котельников и зам. председателя ГКНТ СССР Д.М. Гвишиани, – директор нашего Института). Шел заключительный этап работы – в январе–феврале следующего года Д.М. Гвишиани должен был докладывать итоги разработки КП НТП на коллегии Госплана СССР, и дел было много.

И вот как-то во второй половине дня, ближе к концу раздается телефонный звонок и какой-то не очень молодой, но очень высокий, почти визгливый незнакомый мужской голос протяжно меня спрашивает:

– Ве-ни-а-мин На-у-мо-вич! Здра-ав-ству-уйте! Не хо-оти-те ли съездить в Э-ква-адор? Моя реакция почти мгновенно: «О-хот-но, но лучше в Боливию».

Короткое молчание и затем: «Но ведь в Бо-ли-ви-и фа-ши-стский режим?».

Отвечаю: «Тогда, ладно, пусть Эквадор».

Говорю, а сам думаю, что за глупая шутка и голос незнакомый, кто разыгрывает, непонятно. Сразу приходит в голову, как лет десять назад подобным образом разыграли одного знакомого известного нашего социолога; шутка, правда, оказалась не очень веселой – ему подбросили по почте с настоящей маркой приглашение прочесть курс лекций в одном известном восточном университете, и он «клянул», а «пробуждение» было довольно грустным. Хотя спустя несколько лет он эмигрировал в США и оттуда поехал в этот университет по их действительному приглашению, посылая «в отместку» бывшим шутникам «отчеты» о прочитанных лекциях. Тем не менее я повесил трубку, так и не поняв юмор розыгрыша, в котором не сомневался. Минут через тридцать повторный звонок того же непредставляющегося абонента:

– Вениамин Наумович! А испанский язык Вы знаете?

¹⁹ Это была огромная по замыслу и исполнению Целевая программа – в итоге несколько сот томов по отдельным отраслям, по каждому из регионов, важнейшим социальным проблемам и т.д., разрабатывавшаяся несколькими сотнями академических и неакадемических научных институтов во главе с АН и ГКНТ СССР.

– Нет, – отвечаю, – английский и украинский знаю, а испанский и португальский – нет.

– А Вы не можете его выучить?

Совсем уже неинтересный характер принял разговор, но все же спрашиваю: «А когда ехать-то?». «В декабре». Сухо говорю: «Нет, за один–два месяца выучить не могу». «Очень жаль!», – услышал я, и трубка была повешена. Пожав плечами, я вскоре забыл об этой глупой шутке, но на утро мне о ней напомнила Наденька – милая сотрудница нашего институтского иностранного отдела, пригласившая придти и заполнить документы для поездки. «Куда?», – спросил я. «Как куда, в Эквадор, Вы же вчера имели беседу с ...» и назвала мне фамилию нерядового сотрудника латиноамериканского подразделения в ГКНТ, объяснив, кто это, как его зовут и по какому телефону его кличут. Бумаги я заполнил, а дальше – тишина. Проходит октябрь, проходит ноябрь – никто ничего не говорит. Так как я понимал, что у меня в «иностранных» делах могут быть «фокусы»²⁰, то числа 10 декабря сам позвонил бывшему абоненту:

«Вы ведь сказали, что в декабре может быть поездка в Эквадор. Мне же надо знать, чтобы планировать свои действия...».

Он мне, на слух радостно, отвечает: «Да планируйте, как хотите, мы вас заменили».

Спустя неделю вернулся из Австрии Д.М. Гвишиани, который долго отсутствовал (сначала участвовал как Председатель Ученого совета ИААА в его работе, а затем у него была внезапная серьезная операция) и стал готовиться к докладу в Госплане по КП НТП. В связи с этим несколько раз вызывал меня к себе в ГКНТ. Однажды, дав мне очередное задание по докладу, он неожиданно поинтересовался:

– А когда Вы уезжаете?

– Куда, Джермен Михайлович?

– Как куда, в Эквадор, я ведь перед Австрией дал указания.

– Не знаю, кажется, меня на кого-то заменили.

Не успел я доехать с улицы Горького до нашего Института на проспекте 60 лет Октября, как «пластинка» еще раз перевернулась и мне позвонил все тот же радостный сотрудник ГКНТ и счастливым голосом объяснил, что все не так, никто меня не заменял, и что даже уже найден переводчик – доктор наук из Института Латинской Америки АН СССР, и что просто отъезд перенесен на 6 марта и, так как в этом году 6–8 марта выходные, все документы надо получить в ГКНТ 5 марта. И, действительно, приехав туда в указанный день в 10.00, я, удивляясь небывалой по отношению ко мне четкости и скорости оформления, уже через час на руках имел билет до столицы Эквадора г. Кито, невиданную доселе сумму валюты (аж 500 долларов США), разрешение на вывоз валюты и загранпас-

²⁰ Приведу пример такого «фокуса». Сижу я как-то у себя в кабинете, было это в 1984 г., входит наша «элитная» переводчица Е.В. Вышинская и говорит: «Вениамин Наумович, Вы завтра едете в Австрию, в ИААА (Институт прикладного системного анализа). Передайте, пожалуйста, Джермену Михайловичу сделанный мною перевод его доклада». Я говорю Елене Вильгельмовне, что мне неизвестно, чтобы я куда-то завтра ехал. Хотя, конечно, месяцев пять назад С. Шаталин говорил, что мне, как и другим завлабам, надо в ИААА побывать. «Ну, как же, – возмущается Е.В. Вышинская, – я сегодня была в ГКНТ и видела Ваши оформленные документы, в том числе и авиабилет на завтра». И, действительно, позвонив, куда она сказала, я услышал: «Что ж Вы так долго тянете? У нас уже три дня все готово».

порт. Хотя день был короткий, предпраздничный (работа до 14.00), но я, не успев сделать, что нужно (по студенческой привычке не хватило полдня на подготовку), поехал на работу завершать. К тому же, чтобы еще раз подумать, какие материалы надо с собой брать. Трудность была в том, что я имел весьма смутное представление о цели командировки. Попытка выяснить ее утром в ГКНТ успехом не увенчалась – мой жизнерадостный знакомый сказал: «Вы едете по просьбе Комитета по планированию и технологиям Эквадора, которые попросили на три недели прислать специалиста по прогнозированию из АН СССР. Наверное, надо будет что-то спрогнозировать, может быть объяснить их сотрудникам смысл этой деятельности». На всякий случай я решил взять все, что у меня имелись, книги по прогнозированию, часть их была на работе и поэтому я за ними поехал. В итоге я взял целый чемодан книг, несколько десятков и толстых, и тонких. Собирался уже ехать с работы домой как раздался телефонный звонок. Опять от моего куратора из ГКНТ:

– «Ну, как настроение?».

– «Спасибо, хорошее».

– «У нас все документы получили?»

– «Да, как будто все: билет, деньги, разрешение на их вывоз, паспорт».

– «Ну, что ж счастливого пути и удач Вам. Эквадор – красивая страна, так что получите удовольствие. Да, кстати, не забудьте взять сертификат»

– «Это разрешение на вывоз валюты? Я взял».

– «Да нет, сертификат на то, что Вы сделали прививку от желтой лихорадки! Без него и отсюда не выпустят, не посадят в самолет, и там без него не выпустят».

– «У меня никакого сертификата такого типа нет, никто мне об этом нигде не говорил».

– «Ай-я-яй! Как Вы могли так... Тогда бегом сюда, уже десять минут второго, надо срочно, до двух часов сдать все документы и деньги. Только быстро, я попробую наших задержать».

И я бегом на такси прискакал в ГКНТ, все сдал и ушел на праздники, не очень понимая, что мне делать, но понимая, что командировка, наверное, сорвалась и будет, по-видимому, скандал, причем на меня постараются «повесить всех собак» – ведь мой переводчик такой сертификат имел, он регулярно ездил в те края, а бумага эта служит 10 лет. Но я его (переводчика) еще не видел и мне было не до него. Главное, о чем я думал, это идти мне после праздников 9-го или нет делать эту дурацкую прививку, ведь, вероятнее всего, она мне не понадобится. Спросить было не у кого и, поколебавшись (всякие прививки переношу плохо), 9 марта утром выяснил, что эту штуку делают в Центре на Неглинной улице, в красивом здании с колоннами – потом в нем помещался университет, основанный японцами-террористами. Но днем я туда пришел и стал в небольшую, человек пять, очередь в экзекуционный медицинский кабинет. Минуты через три прибегает немало запыхавшаяся молодая очень красивая женщина, становится за мной и приветливо громко спрашивает:

– «Вы последний за сифилисом?»

От неожиданности я, как ошпаренный, от нее отскакиваю, на что она машет рукой и интеллигентно успокаивает: «Ну, что Вы прыгаете? Если Вы едете в Азию, то стойте за

прививкой от чумы и холеры, если в Южную Америку, то за желтой лихорадкой, а если, как я, в Африку, то за сифилисом».

Сделав эту зловредную прививку, в последующие дни (почти целую неделю) я спокойно болел и работал дома и в Институте, пока в конце декады по телефону снова услышал «родной» кураторский голос:

– «Так прививку сделали? Тогда приезжайте за документами и деньгами»

Все было почти так же, как прошлый раз, только почему-то дали мне на этот раз не 500, а 340 долларов США. И через несколько дней мы с Игорем сидели в ИЛ-62, который нас вез в г. Лима (Перу), так как прямой авиационной связи СССР-Эквадор не было – в это время Перу и Эквадор конфликтовали, а у нашей страны более теплые отношения были с Перу. Продолжать поездку до Кито нам уже пришлось на стареньком Боинге. Так как я впервые оказался в латиноамериканской стране, то уже в дороге многое было интересно и удивляло. Единственное, что меня не удивило – это то, что злополучный сертификат некого не интересовал ни в Москве, ни в Перу, ни в Эквадоре, ни в каком из аэропортов ни меня, ни коллегу его не просили предъявить.

Почти без проблем мы прилетели в Кито, где нас радостно (действительно радостно, с южной теплотой) встретили уже в аэропорту представители нашего посольства. Отвезли нас в хорошую гостиницу с национальным колоритом (она даже называлась, как и сам народ-абориген, «Инка»), а вечером, после короткого приема у Посла СССР – Феликса Николаевича Ковалева, был прием в Комитете по планированию и технологиям Эквадора, где нам четко разъяснили, зачем мы приехали и каковы наши задачи. Оказалось, что они выглядели предельно конкретно, а именно: в октябре месяце прошлого года они согласовали с латиноамериканским отделом ГКНТ СССР программу цикла лекций по прогнозированию (28 двухчасовых лекций с четким названием каждой лекции). При этом они встретили нас очень сердечно, старались, чтобы нам было очень уютно и в смысле проживания, и знакомства со страной, и чтения лекций. Единственно, где они проявили твердость – это в двух вопросах: во-первых, нельзя менять названия лекций, во-вторых, нельзя применять математику, так как слушатели (как потом оказалось, в основном ответственные работники Комитета, а также Центрального Банка страны и др.) ее не знают. Вот эти два условия и создали для меня как лектора большие трудности, особенно, как это ни странно, при чтении первых лекций. Дело в том, что названия лекций, в целом достаточно неплохие, при втором условии становились труднореализуемыми. Потому что они были примерно (в русском переводе) такие: 1) что такое прогнозирование – искусство или наука; 2) содержание прогнозирования; 3) задачи прогнозирования; 4) философия прогнозирования; 5) методология прогнозирования; 6) принципы прогнозирования; 7) методика прогнозирования; 8) модели прогнозирования; 9) технология прогнозирования; 10) техника прогнозирования... и т.д.

Первую лекцию прочесть было нетрудно, а вот чем, если без математики, насыщать было следующие – большой вопрос. Конечно, если бы об этом знать заранее, то можно было бы продумать, а тут пришлось генерировать. Когда я приехал в Москву, я, конечно, высказал куратору в ГКНТ соответствующую претензию – почему Вы мне не сказали, что я еду читать лекции, что есть согласованная программа и не показали мне ее?

В ответ получил образец чиновничьего юмора: «Так программа была на испанском языке, а Вы сказали, что его не знаете».

О самих лекциях (кроме указанных в Комитете, еще читал лекции в основных университетах Эквадора – г. Кито и г. Гуайякиля, в Политехническом институте г. Кито) тоже много можно вспомнить – и очень нетривиальные вопросы, и блестящие переводы моих лекций выпускниками Института дружбы народов им. Патриса Лумумбы (их в Эквадоре тогда было более 300, и это были верные друзья СССР), и, не в последнюю очередь, изумительные красоты страны со своеобразными тропическим животным миром, растениями. Так, после лекции в Гуайякиле вышел прогуляться в университетский двор и меня неожиданно подвинула «гулявшая» галапагосская черепаха весом примерно 450 кг и высотой около метра, подвинула потому, что я у нее оказался на пути, что она, по-видимому, и не почувствовала. А памятники истории – в том же Гуайякиле мы были на месте исторической встречи Боливара и Сен-Мартена, память о которых в стране берегут (хоть во время встречи в 1821 г. они и не смогли договориться о совместной борьбе против колонизаторов). А локальный очень красочный демографический букет – население страны: это креолы, индейцы, мулаты, метисы, европейцы и др.

III. МНОГОГОЛОСИЕ

Цэмисты и экс-цэмисты²¹ – в стихах и прозе (с максимальным сохранением авторского расположения текстов).

*Евгений Баянов*²²

* * *

Ночь. Тишина. Световое пятно:
В доме напротив не гаснет окно.
Кто-то, за письменным сидя столом,
Пишет всю ночь за оконным стеклом.
 Кто он – ученый? писатель? студент? –
 Глаз не сомкнувший в упорном труде?
Может быть, пишет он чудный рассказ,
Где красота предстает без прикрас,
Свежестью ракурса радуя глаз,
В кружеве легком изысканных фраз?
 Порвано синее тьмы полотно,
 В доме напротив не гаснет окно.
Или же он из породы зубрил –
Что-то к экзамену недоучил
И, забывая в тревоге про сон,
Знанья заносит в шпартгальный рулон.
 Звезды лучистым текут волокном,
 В доме напротив не гаснет окно.
Может быть, формулу выдумал он,
Может, открыл неизвестный закон,
И, испустив торжествующий крик,
Самую суть мирозданья постиг?
 Звездное утро сгребает золу.
 Пишет и пишет, склонившись к столу...
Эх, вот бы взять у него интервью:
«Тайну, прошу Вас, откройте свою!
Что было Ваших предметом забот?
Что Вы писали всю ночь напролет?»
 Он улыбнется, протянет блокнот:
 «В доме напротив не гаснет окно...»

²¹ См. о них также Книгу 1.

²² Е.А. Наумов – к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН в 1970–1985 гг.

Монолог тренера по фехтованию

Эдуарду Успенскому

Вот вы тут глотки дерете, про корабли, что заходили а гавань, распеваете... А вы понимаете, что эта песня – про нашу спортивную жизнь? Вот вы разберитесь, о чем тут речь идет.

Значит, сборная Военно-морского Флота культурно отдыхает:

«В таверне веселились моряки...».

С показательным номером с успехом выступает представительница команды по художественной гимнастике:

«Ребята наслаждались танцем Мери...».

спортсменка, может быть, и не выдающаяся, но с хорошими физическими данными:

«... Не танец их пленил, а красота».

К компании присоединяется юниор из секции конного спорта:

«В дверях стоял наездник молодой».

член какого-то другого спортивного общества:

« – Ребята! Он не наш, не с океана...».

И тут с конником затевает вооружённый конфликт известный физкультурник, мастер спорта по фехтованию, капитан команды, между прочим:

«Все знали атамана как вождя

И мастера по делу фехтованья».

Конфликт из-за бабы, конечно... Но не в этом дело... Вся беда в том, что капитан (хорошенький пример для команды!) явно нарушил спортивный режим:

«... раздался пьяный голос атамана».

А юниор-конник режима не нарушал.

Результат не замедлил сказаться: и симпатии публики сразу на стороне трезвого участника состязания:

«... и Мери в этот миг его любила...».

и итог поединка оказывается неожиданным:

«Вот с шумом повалился атаман...».

Как так могло получиться, что опытного фехтовальщика побеждает его же оружием мальчишка, занимающийся вообще какими-то скачками? А очень просто – был нарушен порядок. Фехтовальщиком, пусть даже и классным... А мальчишка, повторяю, порядка, режима то есть, не нарушал...

Вот и выходит, что эта ваша песня – о том, что спортивный режим – это главное, и о том, что порядок бьет класс.

²³ Е.Ф. Винокуров – к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН.

Юрий Геронимус

А не вести ли

А не вести ли мне дневник?
Бес под руку меня толкает.
Я в суть желания не вник.
Так, лишь фантазия такая.

Не я придумал этот жанр.
Мохнатый предок, сползший с веток,
Мир в символах отображал –
Возжѣг костѣр культуры предок.

Он вырубал дневник в скале.
Вот солнце, женщина и сам он,
Пещерного медведя след,
Змей, палица, топор и мамонт.

Кроша скалу, он импульс дал
Изображаемым фигурам.
Возгнал на хроно-пьедестал,
Откуда путь открыт в Футурум.

Но в Имперфектуме творец
Бессмертной древней галереи
Завяз. Он – рядовой мертвец,
И лишь скелет его стареет.

Ему в том Будущем не жить.
Гулять там могут лишь потомки.
Да. Так престранно Мир пошит.
И кто кроил? – Дьявол, Бог ли?

Так приниматься ль за дневник?
Жанр всем хорош. Хоть тем, что ветх.
Так что ж, за дело! Но не вмиг...
Спустишь-ка я сначала с веток.

<http://geronimusy.ru/v-molodie-godi/page,7,48-stihi.html>

Валерий Гребенников

Колыбельная Валерику Гребенникову

А был ли мальчик-то?
Может быть, мальчика-то и не было?
М. Горький «Жизнь Клима Самгина»

Спи, мой мальчик,
Баюшки-баю.
Я с тобой
Прилягу на краю.

Ты совсем
Умаялся, небось.
Отдохнешь
Когда-нибудь, авось.

Кем ты не был –
Тем и удивил.
Где ты не был –
Там и наследил.
Что не мог ты –
То и удалось.
Что не спел –
То песней пролилось...

Владислав Дадаян²⁴

Моему знакомому историку

В словах историка –
и красота, и смысл.
Историк нам расскажет
и – подложит.
Над фактом – вымысел.
Над кровью – только мысль.
Коктейль истории.
Все сделает. Все сможет.

* * *

Ну, пусть
мне лучший друг
изменит.
Ну, пусть
в меня
вонзится грусть.
Ну, пусть
нас что-то
соизмерит.
Немедленно!
Сегодня!
Пусть!

²⁴ В.С. Дадаян (1933–1994) – д.э.н., профессор, лауреат премии РАН им. Немчинова, был зав. отделом в ЦЭМИ РАН.

СЫНОК

Чтобы случилось слово такое,
Нужно, чтоб кто-то смог.
Нужно, чтоб шел от терпенья до боя
Вслед за котомками Бог.

Чтоб без слезинки глаза всепрощенья
В душу взглянули твою,
Чтоб ты услышал сквозь пламя раненья:
Баюшки, баю, баю...

Молятся люди матери Божьей,
Сына отдавшей за всех,
Чтоб искупился, стал уничтожен
Послемолитвенный грех.

И, не спросив себя – кто он? куда я? –
Павшего на порог
Вновь перекрестит мама чужая:
Счастья тебе, сынок.

Три картины

Александр Ларионову,
художнику и поэту

1. Дорога

Если гнусно в душе твоей,
Подними от меня глаза.
Посмотри, как поет соловей,
И послушай, как светит роса.

2. Последний взгляд

Я жив тобой.
Уходишь ты? Вернись...
Я простону
бессветные провалы,
Чтоб завтра
вновь во мне случилась жизнь.
А если поздно –
нам обоим – слава!..

3. Связь

Пуškai не рвется связь времен,
И связь пространств пускай не рвется.
Пока на жизнь я обречен,
Пусть паутинка эта в

ь
е
т
с
я.

* * *

Торопясь, догоняя, падая,
За окошком капли звенят.
Спи, любимая, с капелькой каждою.
Спи. Они, прозвенев, долетят.

Над балконами – звезд околесица,
За домами – какой-то звук.
Пусть тебе первый дождик пригрезится.
Спи. Не думай о том, что – вдруг.

* * *

Мне не звонит мой друг по вечерам.
Он перестал. Он просто взял – и вырос.
Забыл, как было все позавчера,
Как на руках меня из детства вынес.

Забыл. Не в месяц и не в год, а – вдруг!
На нашем празднике его большого взлета.
Теперь он где-то там, высоко, друг...
Мне – хорошо! Счастливого полета!

Хочу, чтобы по-нашему летал:
Чтоб крылья тень на душу не бросали,
И чтоб ему посадкой мягкой стал
Тот Космодром, в котором нет печали.

Сон

Цветок плывет.
Но я его
не трону.
Я лишь к воде
губами
прикоснусь,

И к радуге
 прислушаюсь,
 как к звону,
И поцелую небо.
 И –
 проснусь.

* * *

Зачем надежды все посеребрили –
Деревьев изможденную листву
И юность тех, что все года забыли,
Вот так – ракетно – вскинувшись в весну?

Зачем весь этот праздник ненадежный,
В котором все в последний раз поет –
И этот перепутавший художник,
И этот, нас познавший, сладкий мед?

Неужто же затем, что было больно,
До самого начала от конца,
Деснице той, что сделала невольно
Движение от своего лица?..

* * *

На листьях – каштанов свечи,
На улицах – виражи,
Под листьями – ноги и плечи,
Над улицей – витражи.
Мне каждый листок – настроение.
Ему это просто: пусть...
Колотится солнцезащитное
В травинкину первую грусть.

* * *

Пришел январь.
 А мне – звенят апрели...
Какой там звон?
 Опять наоборот?
Зачем крутить?
 Какие там капли?
Какая сила?
 У каких ворот?

* * *

Зачем поешь ты, музыка моя?
 За что нам радость – праздник бытия?
Чем заслужили люди это счастье?
 Где оказались мы бы без тебя?

* * *

Какая старость на пороге?
Что дни грядущие несут?
Когда мы думаем о Боге?
Сегодня – праздник. Завтра – суд.

* * *

Я – капля.
 Я – капля.
 Я – капля.
Я знаю,
 что в каждом окне.
Я – капля,
 летающая капля.
Не снилось ли вам
 обо мне?
Я – капля.
 Я, падая, каплю,
Как память,
 как сердца
 стук.
Я – капля,
 простая,
 как капля...
Разбрызнутый
 вдребезги
 звук.

* * *

Предатель – ученик.
 Возможно и такое?
Восход чего?
 Возникло – из меня?!
В какие же углы,
 стараясь сдать без боя,
Вросла душа,
 учителя кляня?

Предатель – ученик.
Прекрасное мгновенье!
Я ждал тебя.
А ты – и жил, и ник.
Рождался. Ну, спасибо за
крещение.
И – слава Богу –
все-таки возник.

На ТВ передачу «Кто вы, тореадор?»

Читал: не пережил.
Слышал – случилась боль.
Платки, толпа,
восторг до ослепленья!
Как си-минорный марш,
над криком – пассадобль.
Мулета, бык,
всеобщий час забвенья.
Разденься, ну разденься,
матадор!
Зачем пришел, расцвеченный
павлином?
Взгляни: стоит
застывший метеор,
Уставив все, что есть,
наивным клином.
Величества!
Скажите на века:
Вам это не придется ли
в обиду,
Что ляжет тень
собрата-Спартака
На бычье-человечью
некорриду?

* * *

К кому все это можно обратить,
Прожитое на самом тонком звуке?
Христос, Шопен и пушкинская нить?
И наше зеркало, в котором все – в разлуке?
А с кем же нам общаться – вот теперь?
Где все, что мы домыслили с друзьями?
ТАМ – тоже перекошенная дверь,
В которую полезут вновь за нами?

Ведь есть же доброе утро,
И ночь щемящая есть.
А мне приснилось, что, будто,
ТУДА-ТО им не долезть...

Летние сны

Перед закатом стало душно.
Забрав с собою на ночь день
И улыбнувшись добродушно,
Уходит солнце на ночь в тень.

В реке заквакали лягушки,
И не мешая, не толпясь,
Уходят мысли под подушку,
Не торопя, не шевелясь.

Все в мире мудро замирает.
Все спит – и память, и рука.
В мой летний сон себя вплетает
Со мною рядышком река.

Во сне ко мне приходит детство –
В звонках и стеклышках цветов,
И не щемит ничто у сердца,
И мир принять меня готов...

Какие странные пороги!
Петлей, удушьем, как испуг,
Заразный, сильный и убогий,
Меня берет за сердце вдруг.

Кто? Отчего я так слабею?
Куда, немея, мне бежать?
Я телом двинуться не смею,
Скорей проснуться бы опять!

Скорей сверкните мне, окошки!
Скорей засмейся, карусель!
Скорей крутись, мой мир, немножко!
Скорей, пожалуйста, скорей!

Станция Ржев

Стояли дети, протянувши руки,
А всю платформу снегом занесло.
На лицах – след уже остывшей муки,
И далеко за лесом их село.

«Дай хлебушка!..» – Во мне вот эти звуки
Засели в сердце пульей разрывной.
Я буду умирать, и в дни разлуки
Я снова, брат, услышу голос твой.

* * *

Мне скоро уходить.
Прощай, я буду ждать свиданья.
Тебе настанет жить
при памяти моей.
Храни тебя судьба,
храни мое страданье,
Храни до самых
крайних дней.
И ты себя храни –
от суеты метанья,
От мелочи пустой,
от зависти возни.
Храни себя
в минуту испытанья,
Храни тебя Господь,
любовь моя храни.

Декабрь 1990

И вдруг – пустое место в алтаре.
Такое мыслимо? Ведь свято место!
И не висит никто на фонаре,
И утро чисто, как невеста.
Зловещесть есть в преддверии таком,
И блики утренние – зыбки.
Шаги убийц укатаны ковром.
Гримасы жертв раскатаны в улыбки.

Ночная звезда

Ты ко мне не придешь никогда,
Хоть и жду я, и надо мне.
Ты – звезда, ты – другая судьба,
И тебе – пребывать при Луне.
Ты ко мне каждый вечер идешь,
Как движение друга руки,
Как лицо васильков, как рожь,
И как вздох: «Ты живой? Помоги...»

* * *

Я помню:
ландыш вздрогнул
и поник.
Я помню:
музыка
и ты – из ниоткуда.

Я долго ждал,
как просверкнет мне
этот миг,
И верил:
это мне —
сюда — оттуда.

**К окончанию школы,
после которого прошло тридцать лет**

Здравствуй, наша тристадвенадцатая,
Здравствуй, класс мой, десятый «Б»,
Здравствуй, все, что возникло как братство.
Здравствуй, дружба, спасибо тебе.

Помню, как в этой тристадвенадцатой,
Где по будням не было дев,
Мы к стене прислонялись на танцах,
Охромев, ничего не умев.

Помню даже уроки пения,
Помню физики праздничный класс.
Где же брали они терпение,
Чтобы поднять до людей всех нас?

Чем же грелись, полуголодные,
В ощетиненном мире невежд?
Чем сумели в годы холодные
Жить без самых обычных надежд?

Пусть они встанут рядышком тихо,
Пусть их тени одарят нас,
Пусть оценит их подвиг великий
Навсегда мне подаренный класс.

* * *

Одно прикосновение,
но какое!
Большое,
долгое
и краткое,
как власть.
Теперь я в состояньи
непокоя.
Тебе-то что!
Ты — Богу
удалась!

У твоего окна

Как быстро все прошло,
Как будто не было тех лет...
Я вижу вновь твое окно,
И, как тогда, тебя там нет.
Как долго стлалось это все!
Была там странность – и навет.
Я вижу вновь твое лицо
И вижу глаз твоих привет,
Который медленно угас.
А я-то ждал. А я-то жду...
Ну что ж! Пускай в последний раз
Я к этим окнам припаду.

Владимир Дыбовский²⁵

* * *

Земля, качнувшись, снова встала
К отвесу под прямым углом,
Пал одержимый с пьедестала
На землю бронзовым челом.
Туда, куда зовут отвесы –
В сырую землю – лег и он,
И тихо рассмеялись бесы,
Которым имя – легион.

* * *

В синеву озер нескладно
Каплет зелень с листьев ивы...
В этот вечер горделивый
Мне и больно, и отратно!
Эту грусть страны озерной
Нарисую я прилежно
Только парой красок нежных
Красно-розовой и черной...

²⁵ Из журнала «Экономика и математические методы» (1995. Т. 31. № 3): «К сведению читателей сборника «Под листом Мебиуса». Редколлегия сборника считает своим долгом сообщить о невольной ошибке при подготовке к печати главы сборника «Остановиться, оглянуться». Коллеги (по ИНП РАН) покойного Дмитрия Чаусова, бывшего «цэриста», передали нам найденные в его столе стихи с пометкой «Вл.Д.». Зная, что Чаусов писал хорошие стихи, они не сомневались в его авторстве, а пометку считали посвящением. Так это и вошло в сборник. Через два года он попал в руки друзей Чаусова, в первую очередь – сотрудницы Минтруда Ю.М. Яновской, благодаря которой мы узнали истинного автора этих стихов – Владимира Дыбовского («Вл.Д.»), тоже бывшего «цэриста». Редколлегия приносит свои искренние извинения близким Дмитрия Чаусова и, конечно, Владимиру Дыбовскому; ошибку исправляем. От имени редколлегии – составитель юбилейных сборников *Н.А. Тарасова*».

Цветов пугающе-осенних
Морганатические браки,
В чуть шелестящем буераке
Осины и отдельно – сень их.

* * *

Проснуться в ночь под Рождество,
С кровати слезть и, поначалу,
Всего боясь, прокрасться в залу,
Не потревожив никого.

А там – рождественская ель:
Она мерцает, серебрится,
На ней стеклянные Жар-птицы,
И мишура, и канитель.

Она вещает близость чуда,
Влечет и тянет, как магнит,
Порою бусами звенит,
И нету сил уйти оттуда.

Забыта теплая постель,
Мечты невинные так ярки!
Какие дивные подарки
Сулит рождественская ель!

Со всех сторон ее потрогать,
Босые ножки исколов,
Качнуть орех и гроздь шаров,
Погладить птицы желтой коготь.

Упившись воздухом лесным, –
Назад! Зарыться в одеяле...
И вновь проснуться на вокзале
Несчастливым, старым и больным.

* * *

Девичья фамилия – пачка фотографий,
Записная книжечка – список эпиграфий,
Памяти вместилище, павшая Бастилия,
Стертая, забытая, – девичья фамилия...

Беленькое платьице – запах нафталина,
Шепот строк отмеченных – томик Гельдерлина,
В нем цветок засушенный: пепельная лилия,
Ломкая, истлевшая – девичья фамилия...

Письма пожелтевшие бережно обвиты
Голубою ленточкой – тени пышной свиты,
Бывшей, в Лету канувшей – тщетные усилия:
Не вернет прошедшего девичья фамилия.

Кружева хранят еще след благоухания,
Зеркальце туманное – девичье дыхание;
Время – смерть, безвременье – вечная идилия,
Таинство забвения – девичья фамилия.

Песочные часы

Ведут отсчет отпущенных минут:
Вселенную и Время наизнанку
Перевернут – и снова в ту же склянку
И Время и Вселенную замкнут.

Мне дав не размышленье горсть песка –
Текучей лунной пыли, пепла, праха,
Хотели Вы, чтоб я смотрел без страха
На эту струйку тоньше волоска?

Вселенная галактик жерновами
Стирает зерна Времени в муку
Тончайшего помола, языку –
Неведом вкус, но струйка перед Вами
Течет подобно корму для цыплят,
А тех подстерегает коршун – Вечность...
Как сторож их, утратил я беспечность,
А Вас мои тревоги веселят!

Так ничего решить и не успел...
Порвался волосок, и опустела –
Прозрачна стала склянка, пустотела
И вновь на вид безжизненна, но цел
Заряд, в котором дремлет столп огня,
Змеей голодной скручена пружина,
В которой скрыта степень и причина
Возможных бедствий завтрашнего дня.

Иссяк запас мой скромный и сыпучий:
Терпенье, время, разум, вера в случай,
Табак и порох, чай и сахарин...
Зато в тот миг, забыв свои печали,
Я понял, что сипаи ощущали,
Привязанные к жерлам кулеврин!

Заклятье против чар

Покинув общество харит,
Дух красоты в душе несчастной
Справляет службу ежечасно,
А в сердце истина царит.

Убереги меня, мой Бог,
От обольстительных видений!
Я знаю: это только тени
На дне Платоновых берлог;

И с красотой – в отчужденье
Очарованья зыбкий свет,
Как мысли чуждо изреченье
И как вопросу чужд ответ.

Я в этом знанье чту упрямо,
Противоядие от чар:
Так защищали стены храма
От беспощадных янычар.

Я слушать не хочу протестов,
Мне никакого дела нет,
Что древний не забыт секрет
Убийственно красивых жестов.

С величьем истинно монаршим
Нутро вскрывая, самурай
Себе таким кровавым фаршем
Не вымостит дорогу в рай.

Туда не попадут и те,
Которым жизнь – очей услада,
Кто предпочел соблазны ада
Незримой райской красоте.

Пусть пелена с очей спадет,
И очарованное зелье
Расплещется! Тогда пройдет
Души тяжелое похмелье.

Свои установленья строже
Храни, Господь, молю тебя!
Ведь если ты глядишь, скорбя,
Что остается нам, о Боже? –

Кричать, валяясь на крыльце
Перед разбитыми дверями:
«Богоотступники во храме!
Цареубийцы во дворце!»

*Елена Егорова*²⁶

Духовная аллергия

или

Шучу всерьез

У меня на холод аллергия
Бессердечных очерстевших душ:
В них лишь с виду помыслы благие,
Чуть копнешь поглубже –
Льет студеной душ.
У меня на зависть аллергия
Бездуховных каменных сердец:
В них лишь с виду помыслы благие,
Чуть копнешь поглубже –
Полный зла ларец.
У меня на глупость аллергия
Гордых, много знающих умов:
В них лишь с виду помыслы благие,
Чуть копнешь поглубже –
Море праздных слов.
У меня на скупость аллергия
Богачей, жалеющих гроши:
В них лишь с виду помыслы благие,
Чуть копнешь поглубже – нищенство души...
Господи, спаси от аллергии
На скупцов, завистников, глупцов...
Помолюсь за них на литургии:
Образумь, наставь, прими под Отчий кров.

Полевые цветы

Веет ветер в поле чистом,
И со всех сторон
В разнотравии душистом
Раздается звон.
Здесь кузнечики стрекочут
И гудят жуки,
Пчелы дружные хлопочут,
Шепчут колоски.
Долго бабочка лесная
Пьет медовый сок,
В желтый венчик запуская
Тонкий хоботок.

²⁶ Е.Н. Егорова – к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ.

Розовеют в травах кашки,
Пляшут мотыльки,
Тянут белые ромашки
К солнцу лепестки.
Мне головкою кивает
Синий василек.
Ярко частичка пылает
Алый уголек.
Машет нежною метелкой
Донник луговой,
И щекочет мягкой челкой
Желтый зверобой.
Соберу букет неброский.
Скромный дар полей
Для меня милей заморских
Пышных орхидей.
С наслаждением вдыхаю
Аромат родной
И от шума отдыхаю
Толчеи людской.

Поздняя осень

Уже зима не за горами.
Все чаще дождик моросит,
Все реже ясными деньками
Нас осень поздняя дарит.
Но тем милее и дороже
Средь туч нам проблеск синевы,
Улыбка солнца в час погожий
И запах сохнувшей листвы.
Приятно в парке посветлевшем
Пройтись неспешно вдоль аллей,
Совсем недавно облетевших,
Услышать звонкий смех детей
И ощутить, что жизнь прекрасна
Среди невзгод и суеты.
Спасибо осени ненастной
За миг тепла и красоты!

Проводы зимы

Вновь оживление в природе:
Нас будит звонкая капель,
Синица днем выводит трель,
Зима-старушка на исходе.

Совсем недавно юной девой
Она резвилась на земле,
Узор писала на стекле,
Метели слушала напевы,
Стелила снежные постели,
Рядили в иней городок...
Недели быстро пролетели,
Ее господства вышел срок.
Март. Неохотно покидает
Зима родную сторону
И править балом оставляет
Царевну юную – весну.

Сад расцвел

Вчера и ежилась, и зябла
Едва раскрытая листва
На ветках вишен, груш и яблонь,
Скрывалась в тучах синева.
А нынче солнце заблестело,
Открыв окно, я обмлела:
Расцвел нежданно старый сад,
Накинул кружевной наряд.
Так и надежда расцветает
В душе от доброго словца,
Печаль недавнюю с лица
Волною теплою смывает
Улыбку вызывает вновь
И согревает в сердце кровь.

Источник вдохновенья

В полях гуляя летним днем,
С холма любясь видом дальним,
Я часто думаю о том,
Что мир красив необычайно,
Что кладезь мудрости есть в нем
И неразгаданная тайна.
Смотрю вокруг. Крутые склоны
Одеты бархатной травой,
Стремится в дали небосклона
Сосна зеленою главой –
Прообраз мачты и колонны
Для предков в древности седой.
Скрывают белизну ствола
Березы одинокой пряди,
Двоятся солнце, лес, скала
Внизу, в озерной тихой глади

Создали люди зеркала,
На эти отраженья глядя.

Вот стрекоза, застыв печально,
На камешке чего-то ждет,
Играет луч в крылах хрустальных,
Но миг нежданно настает –
Она взлетает вертикально,
Как самый быстрый вертолет.

Иду с холма к густым лесам,
Где даже в зной совсем не жарко,
Где слышны птичьи голоса,
И свет не проникает яркий.
Взглянув сквозь ветви в небеса,
Мудрец создал когда-то арку...

Так щедро многим поколениям
Небесный даровал Отец
Природу – своего творенья
Неувядаемый венец,
Источник чистый вдохновенья
И совершенства образец.

Ромашки

В городе по новой магистрали
С грохотом машины пролетали.
На обочине, от них в сторонке,
Настя – златовласая девчонка
В ярко разрисованной рубашке –
Собирала белые ромашки.
Не могла понять она, откуда
Появилось здесь такое чудо:
Разрослось цветов душистых море
На знакомой улице, не в поле.
Девочку ждала, скучая, мама,
А она глядела, как упрямо
Лезли две пятнистые букашки
К сердцевине сорванной ромашки
И, добравшись до желанной цели,
Друг за дружкой в небо улетели.
Провожала их девчонка взглядом,
И заметила, что мама рядом,
На асфальт с обочины шагнула,
Ей букет ромашек протянула.

В этот миг светились глазки Насти
Неподдельной радостью и счастьем.
Мать улыбкой доброй просияла,
С нежностью дитя к себе прижала.
Так они, обнявшись, и стояли
В двух шагах от шумной магистрали...

Последний лист

Последний лист дрожит на тонкой ветке,
Охваченный предзимним холодком,
И с дуновеньем северного ветра
Взлетает в небо легким мотыльком,
И в упоительном кружится вихре,
Изящно исполняя свой полет.
Но если ветер на минуту стихнет,
Последний лист на клумбу упадет.
Лежать он будет солнечным осколком
На снегом запорошенной земле
И, может быть, кому-то втихомолку
Напомнит о ласкающем тепле.

На Машуке

К вершине Машука
Неспешно восхожу.
В прозрачных облаках,
Подобно миражу,
Здесь открывается
Эльбрус двуглавый.
Переливаются
На солнце величаво
Снега живым узором.
В лазурном мареве
Истаивают горы,
Лучистым заревом
Ласкает свет дневной
Склон Машука
С раскидистой сосной.
Видны издалика
Селений крыши.
Отсюда суеты
Их шум не слышен,
Лишь на ветру цветы
Роняют лепестки.
Огромные зигзаги
Бештау так близки,
Как строчки на бумаге.

Кавказские хребты
Величием поражают.
Здесь царство красоты
Невольно порождает
Высокие мечтанья.
Повсюду проникает,
Бесплодные желанья
Оставить помогает
Здесь девственный покой.
Всю мудрость мирозданья
Вдруг чувствуешь душой
И познаешь Творца
В Его созданных.

Елена Каретникова, Николай Полукеев²⁷

Реальная виртуальность

Она: Я вся поддельная, я вся ненастоящая,
Я вся туман, обман и непонятность...
Звездой тебе кажусь я восходящею,
Но день придет – звезда теряет яркость...
Глаза зеленые, а кажется, что серые.
Глаза с загадкой, а кажется – понятные...
Ты думаешь, я очень просто сделана,
Во мне ж теснятся тайны необъятные.
Обманом оплету тебя, окутаю,
Возьму я в сети, словно паутинные,
И час тебе покажется минутою,
А день – неделей длинною-предлинною...
Я вся поддельная, я вся ненастоящая...
Он: И эхо, крадучись, повторит уходящее:
«Пусть ты поддельная. И пусть ненастоящая.
Пусть скрыты тайны в облике обманчивом
И пусть незримо глаз очарование.
Своя есть прелесть в образе заманчивом.
Ведь сразу не поймешь его призвания.
Хоть звезды из колодца днем нам видимы,
– Сверкают драгоценными камнями,
Но при тумане их уже не видим мы.
И ясности становятся сомненьями.

²⁷ Н.О. Полукеев – работал м.н.с. в ЦЭМИ в 1997–1998 гг.

Но яркость не обманчива – изменчива,
А тайна – цель для всякого искателя.
Пусть вымыслом твои слова увенчаны,
Я их лишь чту. Люблю же их создателя.

Осколки вечности покажутся минутными,
И ветра нас обнимет дуновение,
И станет тихо с мыслями попутными.
Лишь сердце метрономом бьет мгновения...

Она: Мой друг, с тобою никогда не встретимся,
И счастье наше только виртуальное,
Но, может, хорошо, что образ светится
Лишь в мыслях? И любовь не та, реальная,
Растрепанная, бахромою ставшая,
Со временем уже чуть-чуть отцветшая,
Как осенью листва, едва опавшая
Становится красивой, но несвежею...
Пусть тайны нераскрытыми останутся
И цель покажется недостижимой
С тобою и с мечтами не расстанемся,
Покуда мы мечтою одержимые.

Он: Мы никогда не встретимся?

Пусть сбудется.
И счастье – виртуальное?
Наверное...

Оно обычно нам лишь только чудится.
Явление, отчасти эфемерное.

Сжигается в кострах недобрым гением,
Затем, как птица Феникс, возрождается.
С ним жилы наполняются терпением.
С ним цели в жизни быстро достигаются,

Пусть о Любви я не обмолвлюсь преданно.
Горит, меня не грея, солнце жгучее.
Но приближаясь к нам огнем неведомым,
Пусть в будущем собою не замучает.

Свернув с дороги горького познания,
Мы тропки обойдем непроходимые.
Нам пики, не замеченные ранее,
Пусть не сияют изумрудным инеем.

В путей Господних знаньи не признаемся.
Покинем дом, исполненный фатальности.
С тобою и с мечтами не расстанемся,
Пока мечты сбываются в реальности.

Георгий Клейнер

К году 1992 при его наступлении

По великой по Руси
Мчимся в бешеном такси.
Счетчик злится, цифры скачут,
За спиною ветры плачут.
А на счетчике беда!
То ли цены, то ль года ...
Поле, луг, деревня, площадь.
На лугу мелькнула ЛОШАДЬ,
В центре города КОЗА
Что-то ест, прикрыв глаза.
За рулем с ухмылкой рваной
Жмет педали ОБЕЗЬЯНА,
И летит вперед такси,
Ох, спаси и пронеси!
ОБЕЗЬЯНА, ОБЕЗЬЯНА,
Ты вертлява как путана,
И вокруг земной оси
Кружит вкривь и вкось такси...

Нас кидает влево, вправо,
Рассыпается держава
(Может – кстати, но пока
Чешем битые бока).
Чтобы год прожить достойно,
Лучше все принять спокойно:
Нет дороги без изъяна,
Коль водитель – ОБЕЗЬЯНА.
Все ж успеху важных дел
Этот год задаст задел.
Мало будет фуража –
Наберемся куража!
Ну а коль захватит дух –
К жизни нас вернет ПЕТУХ!

Владимир Козырев

Открытое кафе в старой Риге
Два стакана: кофе и коньяк.
Дождь стучит по брошенной газете.
Строф источник к вечеру иссяк,
И меж столиков гуляет ветер.

Стул напротив – белый и пустой
Чуть приотдвинут в ожиданьи.
И разбит знакомых мыслей строй
Паузой доверчивых мечтаний.

Старый город сумерками смывает.
Дождь никак с рекой не кончит спора:
Гордый камень с небом говорит
Музыкою Домского собора.

Верю ль я в намеренья творца?
Да, сейчас мне кажется, что верю.
Словно путь проделал до конца
И стою у приоткрытой двери.

Июль 1981 г.

Владимиру Высоцкому

Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед ним.

В. Высоцкий

Владимир Семеныч, если б
Раскрыть содержанье песни,
С которой сравнимых нет, –
Пришлось бы забыть поэтов,
И все, что не Вами спето
За тыщи кровавых лет.

Имел бы я прав немного,
Сказал бы: не пойте Богу –
Не время ему до нас.
Спросил бы, чего же Вы ждали,
Певец огня и печали,
Ушедший не первый раз.

Ремесленники-поэты
По разовому билету
Отправятся точно в рай.
Но Вам-то чистейшим слогом
Молиться глухому Богу –
Не лучше ль в безмолвный край?

Пусть стрелки пойдут обратно,
Что, впрочем, невероятно, –
Хотели б Вы снова спеть?
Рифмуя огонь и серость,
Неужто бы Вам хотелось
Играть, а не это ль смерть.

Ведь знаю, что не смогли бы
Своей стремительной рифмой
И горькой болью Земли,
Сменив гитару на арфу
Играть в крапленые карты.
Уверен, что не смогли б.

Май 1981 г.

Обращение

С какой же грязью
Вы меня смешали.
В. Шекспир «Гамлет»

Пока погашены свечи,
Не нужно бесцельной речи –
На флейте сыграйте мне.
Не Гамлет я – уверяю,
А то, что сам не играю,
Так кто ж играет во сне.

Пожалуйста, не робейте,
Сумейте сыграть на флейте –
Я буду долго молчать.
Не бойтесь, берите ноты,
Здесь нет никакой работы –
Лишь стоит только начать.

Пусть Гамлет со всяким вздором
Не тронет вас. Чудным бором
Вы двинетесь налегке.
Пожалуйста, вот вам ноты,
И острые повороты
Рассеются вдалеке.

20 мая 1981 г.

Достоинство

Когда мне изменяет голова
Под игом изнуряющего лета,
В распятый мозг вонзаются слова
Великого Шекспирова сонета:

«Зову я смерть! Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянье...».
А если просит, так выходит что ж –
Оно не стоит этого названья?!

А тот, распятый, видно, неспроста
У входа в вечность попросил водицы?
Что помешало Слову слезть с креста
С тем, чтоб испить, а заодно и смыться?

Тот, кто способен мертвого вернуть
Одним лишь словом – этого довольно,
Уж в состоянии был бы гвозди сдуть
С пробитых, окровавленных ладоней!

Умолкнувшую совесть растревожь,
Смирненным словом всепрощенье бросив.
Достоинство попросит – ну так что ж:
Ведь от того достоинство, что просит!

20 мая 1981 г.

* * *

Читаю: «Ночью выпал снег»,
И кажется – беда.
Но город ночью был во сне
И снега не видал.

И как он падал – разбери:
Метелью иль шатром?
Мы ночью жили взаперти,
А утром грянул гром.

Не видел снега ни один
Читатель этих слов.
Ложился белый господин
За гранью крепких снов.

Я знаю, ночью выпал снег
Завесой белых масс.
А зыбкой зимней белизне
И дела нет до нас.

Февраль 1984 г.

Печальная история

Бог немного занемог,
На больничный вышел Бог.
Сразу стало все не так.
В управлении – бардак.
Дуют ангелы вино
И играют в домино.
Как же без правителя,
Высшего хранителя?
Гавриил перекурил,
И заметил Гавриил –
Чем не лидер, например,
Светоносный Люцифер?
У него идеи,
Нет его мудрее.

Пусть уж лучше хоть тюрьма,
Чем подохнуть от дерьма.
И архангел Гавриил
Сатану уговорил.
Новоявленный орел
Нахлобучил ореол,
Первым делом – проба сил,
И уволен Гавриил!
А за ним хранители,
Только их и видели.
И декретом в райский сад
Переименован ад.
И без всяческих затрат!
Умиляется страна –
Принимает марш-парад
И.о. бога – Сатана!

Март 1984 г.

Для детей

В полнокругие луны,
В окруженьи дам,
Приезжают колдуны
В гости к колдунам.

Сатана дает обед,
Собран высший свет.
Будут маршал и поэт
Вместе есть рулет.

Чернокнижные мужи
Быстро входят в раж.
А тем временем пажи
Сторожат гараж.

Чтобы порох Сатаны
Вспыхнул краской щек,
Попивают колдуны
Желтый коньячок.

И, глаза на луну,
В вихре сладких дум,
Вспоминает про войну
Боевой колдун.

Вспоминает лагеря
Полицай-колдун.
«Между нами говоря,
Маршал-то болтун.

Между нами говоря,
Год уже не тот,
И не нужен без царя
Этот идиот.»

В звездах мантию надев,
Весь во цвете лет,
Им читает нараспев
Колдовской поэт:

«Славься, славься наш обед,
Сласти естества,
Ничего прекрасней нет
Власти колдовства.»

Апрель 1984 г.

Майское

Рифмуйте стихи,
Не желайте наживы –
И в майской стихии
Останетесь живы.

Живите неточно,
Любите неброско,
И каждая строчка
Закончится просто.

Окажется гранью
С которой, любуясь
Свободою, грянем
В безудержность улиц,

Колдобин и крыш.
Ослепительно ярок
Московский Париж
Сквозь затейливость арок,

Дворов и аллей.
Дрожью жертвуют жилы.
Живите наглей
И останетесь живы.

Пыльцу тополей
Подметайте ногами.
Живите смелей
И любуйтесь стихами.

30 октября 1985 г.

Заповедь

Не бойтесь жить у моря бед
И быть слабее всех.
Не принимайте яркий свет
И принимайте грех.

Не убегайте от стыда,
Не утешайте плоть.
Не стройте храмы – никогда
Не строил их Господь.

Примите все таким, как есть,
Не бойтесь умереть.
Кто отжил век свой – не воскрес,
А прожил лишь на треть.

Давно вершится божий суд,
Смотрите на восток.
И не надейтесь, что спасут
Банкноты этих строк.

26 июня 1986 г.

* * *

Когда иссушит вены страсть,
Не красьте слога.
И чтоб купить, а не украсть –
Платите Богу.
И если трудно сделать вдох –
Бессильна йога.
Зажгите порох, а не мох –
Просите Бога.
Судьба нелепа и строга,
И, все ж, в истоках
Узнайте брата – не врага,
Любите Бога.
Узнайте о его тоске
Хотя б немного.
Не стройте храмы на песке –
И верьте Богу.

12 марта 1986 г.

* * *

Все-таки под небом
Много ширпотреба.
Где я только не был,
Кем я только не был!

Не был в Антарктиде, –
Что-нибудь поближе, –
Не был я в Мадриде,
Риме и Париже.
Не был неженатым,
Не был делегатом,
Ни в одном журнале
Не был напечатан.
Не ходил в ученых
И не жил на сцене.
Не был заключенным –
И не ставил цели.
Не был неболевшим,
Не был на том свете –
В два конца, конечно,
Не дадут билетик.
Не был Алладином,
не был гостем черта.
Не был гражданином,
Разве что почетным.
Не жил на Каретном
И не пел с кассеты.
Не был президентом
Голубой планеты
Миру не открыл я
Собственное имя,
Обжигая крылья
В Иерусалиме.
Фильм уже показан –
Повторять не стоит.
Жаль, что я ни разу
Не был сам собою.

14 марта 1986 г.

Молитва

Свет не явится сам
Защищенным глазам,
Не проникнет в темницу души.
Я не вижу пути.
Если хочешь – суди
То, что скрыто в порочной тиши.
Сколько сказано слов –
Небогатый улов
Для Того, кто к риторике глух.
Только жертва и боль
Признаются Тобой,
Ибо видишь не форму, а дух.

Вроде, кровь на пере,
Что в дающей руке –
Ты ведь знал, для чего Ты творил.
Я всего лишь тире
В предпоследней строке –
Зарифмуй меня с миром Твоим.

Июнь 1986 г.

* * *

Я покидаю сферу изысканий
С ее морями и материками,
С ее морозом, раем, преисподней,
Билет на завтра, проводы – сегодня.

Я выхожу из улиц раскаленных,
Из бора обернувшись насекомым,
Из плена муравьиного района
С его работой, плотью и законом.

Я не бегу, а просто уезжаю, –
Бегут по кругу, или за трамваем, –
Без шляпы, без плаща, без чемодана,
За мной – Некрополь, предо мной – Нирвана.

Я не устал, усталость будет позже.
Вот крону лета луч проткнул, как ножик,
И муравей царапнул след на коже –
Он тоже ищет, но найти не может.

25 июня 1986 г.

* * *

Мы затаились, словно на картине,
Укрывшись в серебристой паутине.
И ходят тени по коврам музея:
Искусствоведы, девы, ротозеи.

Они проходят вереницей мимо,
Не то цари, не то плохие мимы,
В их лицах отраженье интереса
К героям возрожденья и прогресса.

Я узнаю поклонницу у входа,
Она не заходила больше года.
Теперь на нас опять вернулась мода,
А может на сюжет такого рода.

Он создан в масле в середине века,
Хоть в ту эпоху с маслом было туго.
За серебром – четыре человека,
Четыре полюса земного круга.

Октябрь 1987 г.

Ад

Я просто прохожий, оваций не надо,
Иду по загаженным улицам Ада.
Багряные тени ложатся на плиты,
Я голоден, слаб и хочу помочиться,
Но нет туалетов в подземной столице.
Зато в ресторане накормят отравой,
Нам всем на отраву даровано право.
Вдоль улиц убогих разят магазины,
Там пахнет остатками тухлой свинины.
И грешники ропщут: «Теперь по указу
Дают лишь по два килограмма заразы».
Автобусы возят и вправо, и влево,
От бани до стройки, от склада до хлева,
И черт в портупее следит за порядком,
Чтоб в общем подъеме не пахло упадком.
Вас мучает жажда? – И нету вопросов –
Вам бес наливает стакан купороса.
А если поспать – то, пожалуйста, с ведьмой,
Такой милovidной, что лучше сгореть бы.
И я возроптал: о за что же, за что же,
Чем я согрешил, всепрощающий боже?
И он мне ответил, слезая с распятия:
Чего вы хотите, не в силах понять я?
Вы очень хотели всеобщего рая
И строили город, в экстазе сгорая –
Дворец – для себя и сортир – для собрата.
Нет, я не считаю себя виноватым.

Июнь 1988 г.

* * *

Ленивое лето, зеленые луны,
Я снова слежу за движеньем фортуны.
Дрожащее сердце, порочные мысли
Рисуют любовь в исключительном смысле.

Мне очень не просто заснуть в одиночку.
Так жизнь извлекают из нас по кусочку.
И по вечерам пред волшебным экраном
Мы можем до ночи зализывать раны.

Такая тоска и такая бравада.
Но лучше не краситься, право, не надо.
Нам жизнь указывает перстом многоцветным,
Когда мы любимы, когда безответно.

Мне очень смешно, но смеяться не надо.
Хрупка переборка меж раем и адом.
Чуть что, соскользнешь и окажешься в луже,
А то временами случалось и хуже.

Неясные мысли о море и змеях.
Реальные чувства, но трогать не смей их,
Подобны причудливым алым кораллам,
И я согреваю тебя покрывалом.

Ленивое лето, зеленые луны
Сегодня мне снились бескрайние дюны.
Дрожащее сердце и гость на пороге,
И каменный берег, сырой и отлогий.

26 августа 1988 г.

За стеклом

Этот сад, как аквариум, дышит покоем и ленью.
Канделябры кораллов и раковин алые глыбы.
Распуская хвосты удовольствия и удивленья
Надо мной проплывают большие и важные рыбы.

Говорят об акулах, о нересте и о погоде.
Сквозь зеленую мглу различаю изгибы улыбок.
Узнаю черепах, обучавшихся в годы безводья,
И снующих меж ними увертливых маленьких рыбок.

А над сферой воды разгорается желтое солнце
И свой жар посылает полипам, кораллам и крабам
Пузыри, раздуваясь, сплетаются в синие кольца
И плывут над кораллами, как над тропическим садом.

Беспредельный аквариум выставил свежие моды,
Здесь и жемчуг и слизь представляют богатство фортуны..
И над нами, как космос, тяжелые южные воды
Зажигают ночами зеленые легкие луны.

Апрель 1988 г.

* * *

Жизнь возвратилась в майских снах,
Как переплавленная повесть,
Где божий суд – дорожный знак,
А мир – проявленная совесть.

Где ветер трогает до слез,
Как пальцы – кисточку сирени,
И фейерверк весенних звезд
Судьбою хлещет на колени.

Где страх, как в детстве, недвижим
В углу покинутой прихожей,
Где косо смотрят этажи,
Как мокнет под дождем прохожий.

И заплетается сюжет,
Как-будто втайне выпил лишку.
И спящий, не дитя уже,
Сосет привычную пустышку.

5 августа 1989 г.

В оправдание

Ни веселых блондинок, ни Марса, ни войны, ни хлеба,
Только стаи ворон по суровому колеру неба.
Даже рифма ослепла от всех беззаконий и бедствий,
Что же, Боже, за мир ты своим оставляешь в наследство?

Тяжелеет страна как свинец на полоске бумаги.
Ни горящих свечей на столах, ни сиянья, ни влаги.
Разве можно зажечь фейерверки тоскою и злобой?
Мир скользит под иглой, и охрипли от боли мы оба.

Белый лист как снега в небесах рассыпаю я в имя,
Дай мне бог обрести от тебя утаенное время.
Я хотел обмануть, но прости меня, Боже Всевышний,
Были козыри в этой колоде, сверкнули и вышли.

И сейчас за стаканом вина и дрянной сигаретой
Я клянусь тебе с этой строки оставаться поэтом.
Только слово в руке, и еще остаются со мною
Стаи черных ворон над суровой и грешной землей.

12 января 1990 г.

Жене

Это самая горькая роль из возможных ролей,
Не кривите душой, вы ведь только об этом просили,
Мимо скаредных стен, сквозь дымы и огни патрулей
На последнем такси уезжает Христос из России.

Как ожог от любви на груди его черный подтек,
Бьется пульс, как ядро, отбивая весеннее сальдо.
Он лежал на ноже, и дрожала держава у ног,
И балладу стрекоз исполняли охрипшие альты.

Не судите его, он и сам собирался простить.
Ваше слово, как мел, дышит одурью и волокитой.
Режет кожу смычок, одуревшая звонкая нить,
Увертюрою вальса, в прозрении им позабытой.

Так в скрипящем такси по грязи одурченных лет,
Как изрезанный стих, затихает последний Мессия,
Словно съеденный ржою озябший, ребристый скелет,
Подневольным рабом навсегда покидая Россию.

16 июля 1990 г.

Мессия

Его приход был тих и неприметен.
Так осторожно разрушает сон
Касание луча. В таком-то лете,
Когда осталось до конца времен
Совсем нисколько, тронуло страницу
Легчайшее наитие пера.
Какая-то прозрачная на лица
Упала тень. Была еще вчера
Москва и весела и деловита,
Считала храмы, площади, дома,
И вдруг мерцанье: без коня, без свиты
Он вышел за порог, о том тома
Ненужных манускриптов умолчали.
Мерцанье смерти тронуло мосты.
Кругами расходящейся печали
Вороны устремились из Москвы
К концам земли, и было утро. Дале
Они уж ничего не сознавали.

Июль 1996 г.

* * *

Я не пишу банально и понятно,
Лишь оставляю теньевые пятна
В квадрате, разрисованном так ярко,
Как Вечный город под небесной аркой.

И что есть жизнь, а что творенье Бога,
С годами забываю понемногу.
Что происходит за границей мира,
Кому принадлежит моя квартира.

Вопросы прежде эти не на шутку
Меня терзали, было просто жутко
И жить и спать, особенно в квадрате
Пустой и неухоженной кровати,

Ходить в концерты, парки, рестораны,
Считать рубли в обтрепанных карманах
И пить коньяк на ледяных аллеях
И прочих сходках. Кажется, старею.

Завел привычку ничего не помнить.
На зов грозы не выходить из комнат.
Не обращать внимания на женщин.
И утруждать перо как можно меньше.

Конец всему и может даже смерти.
Забыл обратный адрес на конверте
Ее посланий и сакральных мыслей,
Ее стихов и проч. В таком же смысле.

Вода с лимоном, солнце, белый город,
Где непонятно, что такое голод
И где страна, в которой что-то стою.
Наверно, за полярною звездою.

* * *

Неведомый остров доселе, отсюда
С какой-нибудь башни ослепнешь, но чуда
С тобой не свершится, снега и бураны
На сотни и тысячи, тьма, рестораны,
Одетые в полохи желтого света.
И стоя над всем, погружаешься в это
Виденье, и черта лохматого даже
Оно ненасытней, пошлее и гаже.
Над островом звездным играют метели,
Одним наслажденье, другим надоели.
Все кружат и кружат, как буквы в тетради,
Чего неизвестно написаны ради.
Что слушать обрывки нездешних историй
С таких расстояний, которым и море
Покажется лужицей, сделанной кстати.
Случайным прохожим на снежную скатерть
Звезда не сорвется с небес, но куда
Она еще там, как неброское чудо,
Лучом голубым твой зрачок наполняя
Вкрапится в сетчатку молекулой рая
И в мозг, опьяневший от повести снежной.
Иного пространства пустая надежда.

* * *

Снег, сумерки за окном.
Может, мир посетит мой дом.
Очень трудно смотреть на свет,
Если Бога в том свете нет.

Сколько книг и всего на цент
В день базарный, но сколько цен
Мною отдано не за них,
А за тихий, безвестный стих.

Разольется в природе март.
Будут деньги, любовь и фарт.
Только стих по природе нем.
И не спит неизвестно с кем.

Я прочту его и умру –
Это лучше, чем выть муру.
Это значит, что лучше снег,
Чем убогий и пошлый век.

Завтра март и пора молчать,
На слова положить печать.
Жизнь свершилась, но чудо в том,
Что весна за моим окном.

Март 2001 г.

Людмила Крюкова²⁸

Божественная литургия

Божественная литургия –
Хлеб вечной жизни и Вино.
И льются нити золотые
Сквозь удлиненное окно.
И золото живого слова,
Сверкнув во тьме греховных туч,
Вдруг освятит души основы,
Как этот тонкий, яркий луч.
И в точку стянется вниманье,
Подступит к сердцу и глазам,
И засияет покаянье,
Как благодатная роса.
Исчезнет время, и святые
И ангелы заполнят храм.
Божественная литургия –
Путь к вечности, открытый нам.

После причастия

Я, как ребенок в колыбели,
От бурь утихнув, сладко сплю.
Без страсти думаю о деле,
Безгрешно верю и люблю.
Благоволеньем окрыляясь,
Душа как горлица, парит.

²⁸ Л.И. Крюкова – была к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ в 1975–2000 гг.

И только сердце, расширяясь,
От благодарности болит.
Любуясь лентой голубою,
Тебе, архангел мой, молюсь.
Я так наполнена тобою,
Что думать о тебе боюсь.
Ты целомудрием и светом
Опять меня преобразил.
И никого на свете нету,
Кто бы меня, как ты любил.

Прощеное воскресенье

Мы обе встали на колени
И, словно сестры, обнялись.
Соединились наши тени,
И помыслы переплелись.
«Прости!», – «И ты прости!» И светом
Счастливым вспыхнули глаза.
Прости меня за то, что это
Так трудно искренне сказать.
За то, что я люблю так мало.
За то, что раньше не могла,
И лишь теперь поцеловала
Тебя и сердцем приняла.
И твою радость ощущаю,
И взгляд светящийся ловлю.
«Господь простит. И я прощаю.
Он любит нас. И я люблю!»

Власть любви имеет право
И простить, и наказать.
С нею ангельская слава,
С нею Божья благодать.
Быть ее рабом послушным –
Это милость и почет.
И приказывать не нужно:
Душу к ней и так влечет.
Жажда истинного счастья –
«Вот я! Только позови!» –
Нет другой на свете власти,
Кроме пастырской любви.

* * *

Все алтари открыты,
И всюду, всюду Бог.
От ярко-красных риз
В глазах святое пламя.

Здесь, рядом, на земле,
Украшенный чертог.
Воистину Христос
Воскресший вместе с нами!

Собирающим милостыню у церковной ограды

Это ангелов Бог к нам послал,
Чтоб они с нас оброк собирали,
Чтобы мы, за ограду входя,
В храм небесный душой попадали.
Мы копеечку им подаем,
А она к нам сторицей вернется:
Умилением, весенним дождем,
Покаянием в сердце прольется.
Их молитвы услышит Господь:
Когда мы причастимся из Чаши,
Станет легче грехи побороть,
И покروются немощи наши.

Молитва нищенствующего

Душа, взыскуя горней пищи,
Презреть не может плоть свою.
С молитвою, больной и нищий,
Я перед церковью стою:
Помилуй, Господи, спешащих,
Не отвернись от молодых,
Помилуй старых и болящих,
Помилуй скаредных и злых,
Чтобы они смогли делиться
Тем, что даровано Тобой,
Чтобы в убогих, нищих лицах
Узнать сумели образ Твой.
Так благодарно помянули,
Как отпустил Ты им их грех.
И милостыню протянули
Тому, кто грешен больше всех.
Защитникам Дома Советов
В моем сердце пылают костры
Под ночным морозящим дождем.
Не слепой мимолетный порыв
Заставляет идти в Белый дом.
Не минутная детская страсть
Побуждает людей голодать
И стоять за законную власть,
И на Божий покров уповать,

И молиться, и ждать до поры,
Когда НАШИХ поддержит страна.
В моем сердце пылают костры,
Я надеюсь, что я не одна.

Станислав Панов²⁹

Золотые купола

Золотые в Церкви купола
Истомили Душу мне до дна.
Сияете, как Божии глаза,
И маните к себе на небеса!
Смиренные Церковны купола!
Пророчески звучат колокола,
Их звон по маковкам течет –
К Всевышнему на встречу призовет!
...Вдруг умолкли все колокола
Да кресты, сожженные дотла!
Проплакав с горя все глаза,
Покинул Бог людские небеса.
Пророчески звучат в Руси колокола...

Николай Васильевич, Аврора

Русь-двойка

Ох, Русь, неповторимая и разудалая, словно необгонимая Двойка несешься! Но знаешь хотя бы – куда мчишь? И все равно летишь, не разбирая дороги, неведомая и шальная! Кони твои давно превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху; да иначе и передвигаться-то невозможно: сплошные буераки, косогоры и колдобины.

И в каком заброшенном углу человечества ты могла только родиться? Не в назидание ли всему остальному Миру явилась ты, Русь, бесшабашная, чтобы больше никому не довелось катить по таким ухабам свою раздрызганную колымагу, подгоняемую вечно хмельным и плутовато-глупым ямщиком!

Гремит и становится ветром, разорванный в куски воздух, и никому недоступно это наводящее на весь Мир ужас движение! И все изумленные народы и страны постораниваются, отстают и остаются позади, да где же им еще и быть, коль Русь давно уже мчит в обратную от всех сторону! Скорость отставания все увеличивается, ведь и какой русский не любит быстрой езды в неизведанном направлении, когда все мелькает и расплывается в предвкушении такого близкого и такого беспросветного грядущего!

Дай ответ, Русь-двойка! Не дает ответа.

²⁹ С.А. Панов – д.т.н., проф., экс-цэмист.

Да и что Она может вымолвить, когда кучер давно вывалился с облучка, с веселым всхлипом ткнулся в придорожную грязь и засопел пьяно-восторженным храпом, который слышен окрест и от которого шарахаются все иные народы и государства!

Ах ты, Русь, недосыгаемая и необозримая!

Мчишься, никого не замечая, вся вдохновенная недосыгаемым Богом! Вихри, что ли, сидят в гривах твоих белоснежно-вороних коней, и летит мимо все, что ни есть на этой прекрасной и не приспособленной для российской жизни Земле!

Писано 19.06.2009 по Р.Х.

Подснежники и хокку

Новый Год!
Все – словно братья!
Но – всего одна ночь.

*

Ты создал Высокое Небо!
Неповторимые цветы!
Свободных птиц!
Но я неутешен: «А человека-то зачем!»

*

Последние великолепия любви!
Затем мы расходимся.
И каждый помнит собственный лишь путь!

*

Встал рано утром. Поправил прическу.
Задумался. Одел плащ. Вышел на улицу.
И все – жизнь закончилась!

*

Подлетая к этой Планете – Земля, видишь издалека
Эпитафию: «Всем, кто, пытаясь согреться от тепла
Окружающих, погиб, так и не поняв случившееся!»

*

Под одними звездами!
Птицы и те общие!
Так нет же: все вы врозь, люди...

*

Плач ребенка всюду услышу.
Даже если пошатнется мир –
Даже тогда!

*

Стая подснежников, не думая о последствиях,
Расселась близ трамвайной остановки.
Новая весна пришла!!

* * *

Время дрогнет и качнется,
Кто же хочет умирать?
Кто остался, тот очнется
И пойдет с тоски играть!
 На раздрызганных баянах,
 На немецких фортепьянах,
 Что остались от войны,
 И с толпою вечно пьяных,
 Затанцуем, затоскуем у заброшенной стены.
У стены, бессильно плача,
Прижимаемся спиной,
Вам последняя раздача,
Раздевайся, кто чужой!

*

Ровнехонько шеренги встанут,
И затворы застучат,
Тела раздетые не стынут,
Раны больше не болят!
 Зарастет стена травой,
 Отряд умчится лихо вдаль,
 Тот заплатит головою,
 Кто не крепкий, словно сталь!
В петлице красная гвоздика,
За счастливой, за звездой,
Штык примкну-ка
И помчуся
С революцией родной!
 Время дернется, качнется,
 Никто не хочет умирать,
 Кто поймет, тому зачтется:
 Он пойдет с тоски играть
 На баянах, фортепьянах,
 Скучно на Руси без пьяных!
У последней, у стены
Стынут кости,
Стонут кости,
Что остались с революций и войны...

* * *

В начале и на склоне дня,
Мой Ангел, сбереги меня!
 Судьбой неведомой приходится идти,
 Наставник, пусть нам будет по пути!
И в битве, если упаду с Коня,
Ты, знаю, защитишь меня!
 В великолепях нечаянных Любви,
 Мой Друг, меня благослови!

Не суждено по заповедям жить,
О, Искупитель, сможешь ли простить!?
Среди людей брожу, не постигая и любя,
Мудрец, ты вразуми меня!
На сходе жизненного дня,
Мой Ангел, схорони меня!

Виктор Полтерович³⁰

Из цикла «Досуг»

Баллада о Зге

В Малаховском лесу быстро стемнело.
Девятилетний Ося забеспокоился:
«Папа, не видно ни зги!»

Пошел я однажды в лесу погулять,
В лесу погулять, да и Згу повидать.
Так много, так много в лесу мелюзги,
Но только не видно, не видно ни Зги.
Вдруг слышу мычанье и топот копыт.
Наверное, Зга мне навстречу бежит.
Стою я, притихнув, и сам – ни гу-гу!
Ура, наконец-то, увижу я Згу!
Но вот налетела злопастная Зга
И мигом меня подняла на рога!
Лежу я в больнице, несчастный изгой,
А все оттого, что спознался со Згой.
Теперь ты и думать о Зге не моги!
Ах, как хорошо, что не видно ни Зги!

17 июня 1984 г.

* * *

На божественные ноги
С вожделением гляжу.
Лапки бывшей недотроги
Я ласкаю и лижу.

Сладострастный томный танец
В предвкушении утех,
Их загадочный румянец
Соблазнить сумеет всех.

Миг пройдет, и съем до крошки
Средоточье сих красот:
Сам купил я эти ножки
Аж за тыщу восемьсот.

19 августа 1993 г.

(в ожидании приготовления куриных «ножек Буша»,
купленных по счастливому случаю).

³⁰ В.М. Полтерович – академик РАН, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН.

Николай Полукеев

Robert Lewis Stevenson: The willows.

By the little river
Still and deep and brown
Grow the graceful willows
Gently deeping down.
Deeping down and brushing
Everything that flows:
Leaves and logs and fishes
And the passing boats.
Where they, Water Maidens
In the long ago
That were lean out sadly
Looking down below.
In the misty twilight
You can see their hair.
Weeping Water Maidens
That were once so fair.

Ивы

(перевод Н. Полукеева)

Рядом с тихой, мутной,
Маленькой рекой
Ивы грациозно
Повисли над водой.

Наклонясь, ласкают
Все, что проплыло:
Листики и рыбу,
Лодку и бревно...

Где они, те Девы
Речки, что давно,
Наклонясь в печали,
Видят только дно?

Их мерцают пряди
В зыбкой темноте
Тихо плачут Девы
О былой красе...

Руслан Рабиза

Из дембельского альбома

1. В январе

Не потому, что снег кругом,
На ветках иней
Себя я чувствую другим
И вас другими.
Не потому, что улеглось
Реки течение
Давно не чувствую я к вам
Былых влечений.
Но потому, что стороной
Прошли те ветры,
Что приносили мне порой
От вас конверты.
Давно остыла теплота
Тех прежних строчек,
Чью тень ненастье унесло
Январской ночью.

2. Апрельское

Будет утро сейчас,
Небо тронул рассвет,
Звезды гаснут
И птицы в движении.
Невзначай принесло
Запах прелой земли,
Набиравшей тепло,
Прошлогодней травы,
Разведенных костров –
Этот запах исконно апрельский.
Ветерок шевелит серебристые шарики вербы.

3. Апрельское – после приказа

Нежит солнце озябшую землю,
И ручьи, что бежали вчера,
Утонули в реке. И сегодня
Их следов не нашла детвора.
Говорят, на окраине где-то,
Лишь умолкла с карнизов капель
Появился Подснежник. И дерзко
Заявил всем, что месяц – апрель.

Заявил, что тоску ожиданий
Смоет прочь говорливой рекой.
Семь негаданных встреч предвещает герольд
Дней весенних рождений.

Владимир Русаков³¹

1.

Нет не сердце, а что-то другое
Заставляет оставить живое и уйти навсегда.
Может не смог научиться ты строим?
Может быть понял, чего же мы стоим,
Мы, как орда?
Да, наверно, не смог. Но, наверно, понял,
Что чудовищно, если орда,
Если вскормлены Идолом кони,
Если кони несут в никуда.
Если рядом свои, если больно живое,
Если это живое до боли свое
Если от «в никуда» как животное воешь,
И уйдешь, понимая бессилье свое

2.

Когда умирать придется
Не зажимайте губы,
Может быть нужно будет
Потомкам что-то сказать.
Когда под ногтями иглы
Не думайте о простуде
Может быть лучше в душу
Телом своим уйти.
Когда говорят «ты должен»
Люди совсем чужие
И ты увидеть не можешь
Выраженье их глаз...

3.

Как Маркса вылившись трудом
Определим вождей заботы
Как сделать счастье из работы
Как обещать все на потом.
Как над духовною гаротой

³¹ В.П. Русаков – д.э.н., работал в.н.с. в ЦЭМИ РАН.

Фекальной массой народной
Латать родной ему сарай
Внушать, что будет светлый рай
Что мы, когданибудь потом
Войдем в него одним гуртом.

4.

Родина – это дом под трубой,
Родина – это мы с тобой,
Родина – это поле,
Родина – это мое.

С Родиной не спорят,
С Родиной – вместе ... что?
Нет! Родина-это не дом под трубой
Родина – это не мы с тобой
Родина – это не поле
Родина – это не лес
С Родиной спорят,
Если Родина есть.

Сергей Смоляк

По Лоркиным местам

(из переписки в чате)

Не могу сказать «О, друг мой!»,
Не могу сказать «Любезный!»
Мы ведь вовсе не знакомы,
Так, болтали как-то раз.
Только вот, послушай, Дима!
Нам болтать необходимо,
Нам болтать необходимо,
Чтобы кто-то слушал нас.

Но тебе я благодарен.
Ты ведь был тогда в ударе
И стихи Гарсии Лорки
В переводе мне прислал.
Не понравился мне Лорка
(Как грызёшь сухую корку),
Но за точность перевода
Я тебя уважал.

Я сказал тебе, как помню,
Что люблю ходить спокойно
По дорогам незнакомым
И по новым городам.

Так давай мы дня дождемся
И вдвоем с тобой пройдемся
Тихой улицей испанской –
Лорка был, наверно, там.

Среди шумного Мадрида,
Среди шумного Мадрида
Есть хорошенькая пляса –
Это Пляса де Майор.
Пляса – это вам не пляски,
По-испански это площадь,
А по поводу Майора
Будет долгий разговор.

Оказалось – нет майора,
Даже генерал-майора,
Чтобы именем Майора
Площадь названа была.
Вот в далекой Аргентине
Город есть – Буэнос-Айрес
(А для нас – Хороший Воздух)
Там – совсем не те дела.

Авеню Либертадора,
Памятник Либертадору
И егоиная могила
Там на каждом на углу.
Потому что он, родимый,
Не стерпел насилья, Дима!
В бой он поднял Аргентину
И освободил страну.

От испанцев, мексиканцев,
От бразильских перуанцев,
От проклятых коммунистов
И от прочих тёмных сил.
И за то Либертадором
Называют его хором,
Даже имени не надо...
Впрочем, я его забыл.

Ну и как теперь, Родриги?
Как, чужие сбросив иги,
Показав испанцам фиги,
Вам теперь живется здесь?
Шлют в Россию оковалки,
Выгнав к дьяволу Кавальо,
От заболта до дефолта
В ритме танго каждый день.

Но вернемся мы на плясу,
Там, где центр местной власти,
Где сидит градоначальник,
А по-нашему – Лужков.
Где здоровые алькальды,
Испугавшись Аль-Кайеды,
Собирать должны на митинг
Горожан, в конце концов.

Только вот мала та пляса,
Не войдет народу масса,
Чтобы речь услышать мэра.
Это вам не Лужники!
Да и улицей Майора
Узкой улицей Майора
Подойти к майорской плясе
Тоже будет не с руки.

В парке Гауди побродим,
Всё изогнутое вроде,
Отдыхаешь на природе...
И углов там острых нет.
Ручеек сбегает сверху,
Обдувает легким ветром,
А вокруг – червеца негро³²
Или кава фрешенет³³.

Дом у Гауди просто чудо,
Рты разинув, смотрят люди.
Так овален, так причудлив,
Что впадаешь ты в экстаз.
Будь хоть гений – извини, но
Не поставишь пианино.
Правда, Гауди говорил нам –
Арфа влезет в самый раз!

А коррида – ах, коррида!
Что испанцы сотворили
И в спектакль превратили
Акт разделки бычьих туш!
Бык несется на тореро,
Тот обвел его мулетой,
Смотришь – бык уж на коленях,
А оркестр грянул туш!

Бык убит. И тут же пляса
Встала в очередь за мясом.
Занимают – по утрам.
Ветеранам – по сто грамм.

³² Черное пиво (исп.)

³³ Испанское шампанское.

Но зато какое диво –
Судьи судят справедливо!
На арене бык второй
Оказался вдруг герой.
Несмотря на бандерильи,
Гнал тореро до Севильи
И до всяческих Багам.
Судьи враз остановили
И немедля присудили
Дать тореро по рогам.

Под хвалебный рев народа
Бык отпущен на свободу,
Будет травку в огородах
Он до старости щипать,
И учить бычков примером
Хладнокровно на тореров,
Защищаясь, нападать.

Вот музей прекрасный – Прадо,
Для испанцев (это правда!)
Вход бесплатный, как награда,
Иностранцам – баксов пять.
Нам в Музее Русском надо
Завести такой порядок:
Только русских, смерив взглядом,
На халяву пропускать.

Хорошо перед обедом
Посмотреть прекрасным летом
Крыши острые Толедо,
Речка где-то далеко.
Полумрак в костеле. Вечность...
Бросишь евро и, конечно,
Электрические свечи
Вдруг зажгутся у икон.

Где бродил великий Гойя,
Мы подумаем о Боге,
Потому что у испанцев
Пенис только дюйма три.
Я, увы, у всех не мерил,
Это рассказала Мэри,
У неё побольше опыт
От общенья изнутри.

Впрочем, я тебя замучил,
Не знакомился б ты лучше...
А-ааа, да ты ж меня не слушал,
Вспоминая разных Лорк.

Ну пока, до новой встречи!
Вот опять настанет вечер,
И, узрев меня, конечно,
Ты надавишь на «игнор».

Исаак Сонин³⁴

**Краткая история жизни Исаака Михайловича С-нина
в восьми костюмах, двух пиджаках и четырех других предметах
верхней одежды, рассказанная им самим**

Что слава – яркая заплатка
На ветхом рубище певца.

А.С. Пушкин

Небольшое предуведомление читателям, почему автор написал свою историю так, а не иначе.

Набросать небольшие автобиографические зарисовки мне хотелось давно, но, во-первых, все недосуг, а, во-вторых, боялся соврать, что часто бывает, когда люди пишут о себе. А я с годами стал плохо переносить вранье, и в первую очередь собственное. При моей же форме изложения я буду опираться на такие факты биографии, большинство из которых до сих пор можно пощупать руками. Согласитесь, что это придает рассказу особую достоверность. И наконец, перечтите эпиграф. У гениев случайных метафор не бывает...

Отступление 1. Бушлат

Пришла пора идти в первый класс. А что надеть? В эпохе было какое-то шатание. С одной стороны, бедность послевоенная, одевать особенно нечего. Да и что собственно должны одевать советские школьники в школу? Это сейчас ответ сам на язык просится – форму, а тогда не просился. Ведь не фуражку же околышем, как какие-нибудь кадеты до революции. А с другой стороны, руль государственного корабля после воны немного повернулся. Слово «космополит» стало очень ругательным. (Заодно исчезло слово «коминтерн».) Как раз в это время выяснилось, и мы потом учили в школе, что в России поехал первый паровоз, полетел первый самолет, впервые заговорило радио, впервые выросли яблони с большими мичуринскими яблоками, и вообще трудно было сказать, что, собственно, открыли не у нас. Наш Вождь был самым мудрым, а ведь многие страны не смогли найти Вождей. Снижение цен было каждый год, и очень много людей (и не только военных) носило форму. И вот в воздухе появилось какое-то дуновение, что с нового учебного года школьники тоже будут носить форму, как в старой гимназии. Но постановления никакого не было, а лавное, ничего похожего и не продавалось. Родители думали, советовались между собой и шили и покупали, что могли. Мама купила мне нечто похожее на китель, только очень маленький и темно-синего цвета. Я сначала сказал, что носить не буду, так как это никто не носит, но родители ловко нашлись. Они сказали, что это

³⁴ И.М. Сонин – к.ф.-м.н., работал с.н.с. ЦЭМИ РАН.

бушлат, морской бушлат. Я сначала посомневался, потому что на матросах таких не видел, но надел. В школе тем временем состоялось родительское собрание. На нем сказали, что форму нужно сшить самим, черную, с гимнастеркой, а не с кителем (чтобы все-таки не походить на гимназистов). Мама так и сделала, а китель-бушлат верно прослужил мне все мое детство в нашем двор. Иногда ребята меня спрашивали, что на мне одето, и я спокойно и уверенно объяснял, что это бушлат, но не матросский, а боцманский.

...Каждый раз, показывая на Колхозную площадь, взрослые объясняли, видно, это им крепко запомнилось сегодня, что раньше, но тоже в советское время, стояла Сухаревская башня, которую потом снесли, потому что она мешала уличному движению. Кстати, сейчас ее собираются восстанавливать – по фотографиям начала века. Мне нравилась ширь асфальта на спуске от Колхозной к «Форуму» (мы всегда говорили Форум, а что такое форум и вообще не знали), но смутно я чувствовал, что когда здесь стояла башня, а вокруг была шумная толкучка, то было веселее, и было жаль, что я никогда этого не увижу. Впрочем, эта мысль относилась к тем туманным движениям детской души, которые настоящими мыслями даже и не стали, но которые потом, по прошествии многих лет, я признал за мысли и довольно неглупые. А главное, в отличие от взрослых мыслей, это были мои мысли, пришедшие из глубины моего детского существования.

Здесь же для примера я упомяну только о том странном списке генералиссимусов того времени, который я составил (к счастью, в уме) в результате бездумного чтения журнала «Крокодил». Кроме нашего Вождя, в него вошли Франко, Чан-Кай-Ши, Ли Сын Ман, Трухильо и кто-то еще, такой же. Даже на ребенка этот список навевал странные выводы.

...Как ни странно, но в свои студенческие годы хорошо одеваться я не умел, не любил и даже считал зазорным. Считал, что хорош и так. Глупо, конечно, глупо. Но вернемся к делу. После первого курса мы поехали на целину. Перед самым отъездом зашли с мамой в магазин и мама купила мне китайский ватник «Дружба» (позразумевалось, что с нами. А может быть это только мы подразумевали? Кстати, сейчас на таких ярлычках слово «дружба» написано по-английски). Китайский ватник совсем не похож на наши, российские, с толстыми прошитыми полосами. Этот – гладкий, темно-синий, с маленьким меховым воротником. Он хорошо послужил мне и на целине и потом во многих походах. Зимой после целины я стал носить его в МГУ как зимнее пальто. С гордостью я встретил и потом рассказывал своим друзьям два эпизода. Прихожу утром в университет с главного входа, а обычно с клубного, гардеробщица мне говорит: «Рабочие у нас внизу раздеваются». Второй – встречаю на дороге Таню К. (на студенческих каникулах я за ней в доме отдыха приударял). Она смотрит на меня и говорит: «У тебя что, субботник сегодня?» Ватник этот в боевом строю. Кто со мной осенью в совхоз поедет, может на него посмотреть.

Конечно, мой рассказ не претендует на полноту и непрерывность. Многое из моей жизни осталось за бортом моих костюмов. Я познакомился с Наташей в шерстяном свитере (любимом, домотканом, доставшемся мне от погибшего на фронте дедушки, и если бы его не засунули один раз в стиральную машину, его бы и сейчас было бы не стыдно надеть), ухаживал за ней, к ужасу ее бабушки, в каких-то ковбойках. Подав заявление в Загс и получив талончик в салон для новобрачных, о чем в паспорте была сделана малень-

кая, но вполне различимая завитушка, мы пошли покупать костюм... Он оказался ... вершиной моих костюмов.

Наверное, стоило носить его почаще, а не только по торжественным случаям. Он в хорошем состоянии и занимает почетное место в нашем платяном шкафу, но ширина и форма брюк сделали его в наши дни невозможными. Впрочем, пиджак от него можно увидеть на мне по торжественным дням и сейчас, особенно на похоронах.

Пиджак 1. Немецкий, серый

Почему-то я долго мечтал о том, чтобы купить отдельно пиджак. Но никак не удавалось. Пиджак ... неплохой, но это вовсе не исполнение моей мечты и даже не ее эрзац. Просто, чтобы костюмы ... меньше трепались, часть жизненных ударов этот пиджак принял на себя. Сейчас я ношу его только дома и все реже. Зато все чаще спит на нем наша собака Буня.

Пиджак 2. Вельветовый

Это щегольский пиджачок. Куплен в прошлом году в загрантурпоездке в Румынии. Цвет – темно-зеленый, болотный, материал – китайский вельвет. Даже воспоминание о встрече с нищим румынским крестьянином, который в запыленном вельветовом пиджаке вел коня с телегой, не способно испортить мне удовольствия от обладания пиджаком 2. Я охотно надеваю его в гости и принимая гостей, часто хожу в нем на работу. На встречах с одноклассниками после многих лет разлуки, каждый из них сразу видит, что хотя отличник С-нин и не достиг в жизни особых вершин, но в то же время, он не проявил и столь незаурядных качеств характера, такой честности и порядочность, которые привели бы его на дно жизни.

На этом мое краткое жизнеописание подходит к концу. Надеюсь, я не очень утомил своих читателей. Конечно, это не полная история моей жизни. О сколь многом я умолчал. Вот хотя бы рубашки. Как приятно охладили кожу холщевые, ночные, в которых мама укладывала меня спать, чтобы потом присесть рядом со мной с тетрадкой немецкого языка, который она тогда учила. А прекрасная четверка венгерских клетчатых рубашек, купленных в Гумме... Ведь в них прошли все мои студенческие годы. Они сносились до ничего и даже штопка и латанье моей любимой бабушки не могли спасти их. Плащи и куртки. О них, неблагодарный, я не сказал ни слова. А ведь они служили верой и правдой, им больше всего и досталось. Нижнее белье. Какой замечательный ряд получился бы из всех сношенных мною трусов, начиная от сатиновых пионерлагерных и кончая египетскими, стопроцентно хлопчатобумажными, истинно мужской конструкции. Кальсоны. О них можно писать сагу. Майки, носки. Боже, сколько можно рассказать о носках. Может быть, в них-то и заключена подлинная летопись каждой жизни. А детские панамки, школьные фуражки, кепки, зимние шапки и даже одинокая шляпа. Она, бедняга, не прижилась ко мне. До сих пор мне больно вспоминать белую мамину беретку, упавшую незаметно в воду и утонувшую когда я плыл на лодке по ИгнаLINE. Брюки. Это трудяги. О многих из них я мог бы рассказать, но немногие показать. И наконец, сколько счастливых минут своей жизни я провел голым. Начиная с

купанья в железной ванне, еще долгие годы хранившейся у нас на даче, и походов в баню с папой, и кончая взрослой семейной наготой.

Да, жизнь прожить – не поле перейти!

Май 1981 г., больница АН СССР, палата № 605.

Маша Тарасова³⁵

* * *

С научной точки зрения,
Плохое поведение
Есть тепловыделене
Как результат от трения
Различных точек зрения.

(14 лет)

Лягушка

Из газеты «Наш Техас» («Our Texas»,
www.ourtx.com. 2005. № 133. 13 мая).

От прозябанья сирого
Одна лягушка склизкая
Решила эмигрировать
Во что-нибудь парижское.
«Сыта уже до рвоты я, –
Она ворчливо буркала, –
Российскими болотами
И русскими придурками!»
Ах, раньше б разобраться ей
С обычаями древними –
Что делают во Франции
С лягушками-царевнами...
Здесь в нетерпенье девичьем
Не выскочишь на улицу –
Французские царевичи
С лягушкой не целуются!
Они не церемонятся:
Со всей натурой пылкою
Увидят – и погонятся,
Ножом её
И вилкою!
...Потягивая месиво
Ночами нетверёзыми,
Она в Париже грезила
Российскими берёзами.

³⁵ М.С. Тарасова (Блюмина) – работала м.н.с. в ЦЭМИ РАН.

Махнуть до Шереметьева,
Начать бы сказку заново...
Ах, только бы не встретила
Она в Москве Базарова!

Интернет

1.

Мы снова вместе, господа,
Мы снова вместе!
Без неуместного стыда,
Без ложной лести,
Без необдуманных оков,
Пока не в тягость,
Поговорим без дураков,
Без обязательств.
Порядочнее не берусь
Найти на свете:
У нас – и святость брачных уз,
И даже дети.
Мы не нарушим их покой
За разговором,
И мне не будет образ твой
Немым укором.
Случайно брошенный приват
Подобен чуду.
Никто не судит за слова.
И я не буду.

2.

Между вымыслом и явью
Грань зыбка.
Что такое расстоянье
Для звонка?
Виртуальное пространство
Не спеша
Заменяет нам понятие
«Душа».
Как бы жизнь не напрягала
Интеллект,
В сущности, мы знаем мало
Про коннект,
Где слова перетекают
В эту явь,
И к реальному взывают –
Не оставь!

3.

Мы присутствуем в гостях,
Даже не покинув дома.
И знакомимся, хотя
Остаёмся незнакомы.
Мы пришли в конце концов
К диктатуре фотокамер.
Наше плоское лицо
Обрабатывает сканер.

Нас невольно превратят
В килобайты информации.
Мы расстанемся, хотя
И не думали встречаться.

4.

Эти взрослые дети,
Ерунде вопреки,
Свою жизнь в Интернете
Зажимают в тиски
Из навязанной роли
И реальных основ,
Оставляя от боли
Сгустки
 спёкшихся
 слов.

* * *

Трудно представить себе стихи, рожденные на компьютере. Для поэта работать от руки заложено генетически. Ведь так писали тысячелетиями – этот процесс давным-давно отлажен.

В. Шендерович. Если честно, монитор парализует» (Клиент всегда прав. 1999. № 48. С. 5)

Стихи писали при свечах
Пером гусиным.
Впоследствии процесс зачах,
И очень сильно.

Нагадил здорово прогресс,
Делец паршивый,
Горой печатающих средств,
Причём машинных.

Прогресс подобен палачу.
Прогноз жестокий –
Я на компьютере строчу
Вот эти строки.

Поэтом, видно, мне не стать.
Вот суеверья!
Эх, где бы мне гуся достать,
Да выдрать перья...

Чат

Какая странная игра,
Где ники прикрывают лица,
Где словоблудья мишура
Снимает страхи ошибиться.

Здесь откровенья так легки,
А проза жизни – так приятна!
Она слагается в стихи –
И исчезает безвозвратно.
Интернетовские обломы

Ах, как волнующе приник
К моей груди твой нежный ник!
Когда же разглядела лик,
То просто отнялся язык...

Противо-за-ЧАТное

1.

Все вокруг давно уснули.
Не уйду из чата я.
Где бы мне достать пилюли
ПротивозаЧАТные?

2.

Пора прекратить извержение слов,
Решительным жестом нажавши Logoff!

* * *

Имел я с детства вредную привычку
Работать в Интернете по ночам.
Чтоб не уснуть, в глаза вставлял я спички,
И что-то мегабайтами качал.

И вот весной, когда шальной гурьбою
Гормоны бродят, вспенивая нас,
Столкнулся в Интернете я с тобою –
Да так, что искры брызнули из глаз!

В зрачке сначала огонёк зажёгся,
Потом уже всю пылал пожар,
Потом я весь горел, гудел и пёкся,
Но спички крепко веками держал.

Я полыхал, беспомощен и светел.
Когда ж модем издал последний писк,
Сказал пожарный, убирая пепел:
Мол, спички – не игрушка, программист!

Песенка по результатам теста на зависимость от Интернета

Четвертый час прощаемся с друзьями.
Не буду в этом волю обличать я –
Связь просто нерушима между нами,
Товарищ в чате, товарищ в чате!

Со всей планетой пообщаюсь скоро,
От Антарктиды до посёлка Тикси.
Встречаю я рассвет по монитору,
Товарищ пиксель, товарищ пиксель!

Скрипят мозги обоих полушарий,
Но в пальцах боли вроде бы не слышно –
Пусть ползает по коврику твой шарик,
Товарищ мышка, товарищ мышка!

Хоть голос мой пропал на три недели,
Но я молчать не буду, словно дура, –
Ведь у меня ещё есть, в самом деле,
Клавиатура, клавиатура!

Мне хакер ставит комп нарастопырку,
Но я с ним не хочу такую близость!
Молю тебя, закрой скорее дырки,
Товарищ Windows, товарищ Windows!

Бежит сигнал, от страсти пламенея.
Ах, не давай ему прерваться повод!
Прошу, прижмись к контакту поплотнее,
Товарищ провод, товарищ провод!

Пусть родственники нас ругать горазды
И теста удручают результаты –
Ещё не раз сольёмся мы в оргазме,
Товарищ в чате, товарищ в чате!

О встречах виртуальных

1.

Ты себя еле-еле разбудишь,
В Интернет не одетая выйдешь.
Ты мой ник никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.

Не мигая, слезятся от строчек
Безнадёжные карие вишни.
Ты бы к ним приложила платочек –
Я его всё равно не увижу!

Оградивши тебя от трояна,
Я подумаю: «Боже всевышний!
А ведь может, она – обезьяна!
А, плевать, всё равно не увижу.»

И вода бессознательно мышью,
Парафраз повторяю покуда:
«Я тебя никогда не увижу.
Я тебя никогда не забуду.»

2.

Называется, связаны узами:
«Добрый день» – «Я пошёл, не грусти».
Посмеёшься – а после, неузнанный,
Задушевно напишешь «прости».
Чем займёмся? Ну разве что чатами,
Где ж ещё находиться друзьям.
Даже письма – зачем распечатывать,
Если их запечатать нельзя.
Мы словами помашем – как веничком
Всех святою водой окропим.
Бесполезно в стихах откровенничать,
Прикрываясь стыдливо IP.

3. Пожелание ко дню рождения

Ну что сказать тебе, дружок,
Под эту дату?
Все жизнь у Господа в должок
Берут когда-то,
Стараясь выгодно вложить,
Ловя моменты,
Чтобы не просто так прожить,
А под проценты,
Которые всевышний суд
Учтёт в итоге,
Когда – ну что поделаться тут! –
Протянем ноги...

Пусть счёт твой долгие года
Растёт незримо,
Хоть будет счастье иногда
Неуловимо –
Но пусть невзгод небытие
(Весьма нечасто)
Подчёркивает лишь твоё
Большое счастье!

Виртуальные романы

* * *

Прекрасен выбор мужиков,
Представленный в сети.
И мимо них, без дураков,
Не так легко пройти!
Нам помогает Интернет –
Лишь за коннект плати! –
На сложный вкус и данный цвет
Товарищей найти,
Всех перекрёстно подружив,
Влюбивши втихаря,
В контакт-листе расположив
От буквы А до Я.

Но стоит сердце распахнуть
Серьёзно, без игры –
Как сразу же в обратный путь:
Игра. Обман. Разрыв.

* * *

Виртуальные романы,
Усмирённая стихия.
Полудетские обманы,
Несерьёзные такие.
И ни шороха, ни вздоха,
Не упасть в твои объятия.
Электронная эпоха,
Непорочное заЧАТЬе...

Любовь по Интернету

1. *Любовь по Интернету*

а)

Фортуна издевается
И дразнится кумирами.
Он мне не посылается.
Он страшно закодирован.
Я жду его послания.
Как дева, чуть не плачу я.
А он мне – ноль внимания.
А он мне – чушь собачию.
Преодолею робость я
И позвоню желанному.
Срывающимся голосом
Поведаю о главном я.

И, подавив рыдания,
Оправив скромно платице,
Скажу, что страшно занята.
Практически до пятницы.

б)

Ура! Я дождалась!
Он снова на коне!
Мой принц, в который раз,
Является ко мне.
Ну прям ни дать – ни взять,
При шпаге и с плащом,
Садится написать
Чего-нибудь ещё.
Железный конь гудит
И по Сети бежит.
И вот письмо летит,
И вот письмо лежит!
И я, полуживой
Компьютер оседлав,
Спешу пополнить строй
Эпистолярных глав.

в)

Он мне не позвонил.
Он мне не написал.
Как будто изменил.
Как будто звал не сам.
Что значит – подожди?
Что значит – ничего?
Вот вычислю АйПи
Я завтра же его,
Пошлю ему тогда
Троянского коня!
Запомнит навсегда
Он нежную меня!
Защита не спасёт,
Ведь женщине не внове –
И FireWall пройдёт,
И вирус остановит.
Такая уж судьба
На зависть дураку:
Горящая изба
И кони на скаку.

г)

Не на юге, не на севере –
Мой дружок живёт на сервере.
И к нему быстрее страуса
Доставляет меня браузер.

Но вчера дружок неверный мой
Подарил другой весь сервер свой,
Ну а мне теперь, как водится,
Ни странички не находится!

2. Неутолённый доступ

Удалённого доступа
Близкие связи...
Осторожно! На подступе
Аськины сглазы,
Электронного мыла
Словесная пена.
Виртуально забыла
Про реальность измены?
Ты к чему прикипела?
Ты кого знаешь лучше?
Виртуальное тело?
Реальную душу?
Что нас держит во власти?
Что подвластно влюблённым?
Удаленные страсти
Связи неутолённой...

3. Дурная связь

Моя виртуальность,
А также ментальность
Смотались
В забытую Богом банальность,
И там оставались,
Как чуждые некто,
И маялись,
Мялись
Без дозы коннекта.

Но были забиты
Все линии связи
Кошмаром, забытым
На Улице Вязов
Из милого детства,
Где всё нас пугало,
Где малого средства
На много хватало.

Судьба совращала
До хрипа, со стоном –
Я день посвящала
Пустому дозвону,
Решая проблему,

Как вновь разложиться
Посредством модема
На ноль-единицу.

4. Всю ночь у монитора

Всю ночь
У монитора и одна.
Вы не хотите половины царства.
Я Вами так изысканно больна,
Что просто жалко изводить лекарство.
Но слишком грубо – превратиться в труп,
Конец у сказки должен быть хорошим.
Пойду-ка и сварю отличный суп
Из бесполезно сохнувших горошин!

5. Мыльный роман-с

А мне осталась копия письма...
Я в нём Вас ни о чём не умоляла,
Как школьница, лишь время повторяла,
Прошедшее, условное весьма.

Я медлила с отправкой полчаса.
Какие я осиливала бездны!
Зачем Вы столь бессовестно-любезны,
Зачем Вы раздаёте адреса?

И не поворотить программу вспять.
Почтовый сервер, хоть и перегружен,
Пока Вы поглощаете свой ужин,
Неспешно будет письма посылать.

О, как Вам надоел мой жалкий писк!
Я брошена...

И вот, неважно где мы –
Бежит моя программа
сквозь модемы

И вскорости
сотрёт Вам жёсткий диск!

Не путайте!

Пускай там кто-то говорит,
Что вот – мой новый фаворит.

Я никому не расскажу,
Кем я в реале дорожу.

Мы увлекаемся порой,
И путаем реал с игрой,

Но я прошу вас лишь о малом –
Не путайте игру с реалом!

* * *

Этот суетный мир
полон странных идей.
Расстояния нет
для общенья людей.
В паутину попав
электронной сети,
Я не знаю,
как выход оттуда найти.
Бесконечный поток
единиц и нулей
Вдруг окажется болью,
твоей и моей.
И возникнув откуда-то
издалека,
Вдруг погладит по коже
родная рука...

Сентиментальный романс

Целые сутки модем нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Бурного форума фразы цветистые
Ночь напролёт нас сводили с ума.

Фразы рождались затейливо-длинными,
В их оборотах играла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы молоды были тогда!

Годы промчались, нас нудными делая.
Где чистота этих веток живых?
Только архив с выраженьями смелыми
Напоминает сегодня о них.

В час, когда трафик бушует неистово,
С новой силою чувствую я:
Старого форума фразы цветистые
Невозвратимы, как юность моя!

Старого форума фразы цветистые
Неповторимы, как юность моя...

Старинный Интернет

Ты был наивным и лихим,
Старинный Интернет.
Ах, виртуальные грехи
Эпохи юных лет!

Эпохи первозданных нас –
И уносил в Эдем
Вовсю хромающий Пегас
И плохонький модем.

Усилием простой строки,
Аккаунт подкормив,
Мы двигали материки
И возводили миф.

Мы обдирали души в кровь,
По постингам скользя,
Считали рифмою «любовь» –
Не зная, что нельзя.

Успехи линком закрепив,
Теряя интерес,
Мы вырастали из IP
И набирали вес.

Подкованный Пегас копыт
Не портит о слова.
И кровь не только не кипит –
А движется едва...

Дмитрий Чаусов³⁶

Мартовский Марат

Величествен снежинки нежный лик.
Да не досуг разглядывать, куда там!
Впряженный в ритм, от нежностей отвык:
Лопата. Снег. Лопата. Снег. Лопата.
В «сугробе»
Больше, чем от «гроба», –
От «УГРо».
Полутораметровой горой,
В которой слеплены пушистые тельца
(Лопата. Снег. Лопата. Снег. Лопата).
Торчит...
Снять рукавицу, –
Пот с лица...
Еще полтротуара...
Многовато...
А на Суматре
В марте
Снега нет и в помине.

³⁶ См. выше сноску к стихам В. Дыбовского.

И – сказки, наверное, – бают,
Что там вообще не бывает
Ни снега, ни льда, ни инея...
Но коли не врут,
Во, где жизнь – фонтан!
Не смотаться ль на Калимантан?
Не прервать ли зимнюю линию
Со снегами ее обильными?..
Снежинки – взбалмошные существа.
Летят, резвясь, а упавая – ропщут.
А впрочем,
Душа у двуногих черства.
Ничтоже сумняшись –
Растопчут.
И, стало быть,
Пушистые правы.
И не к добру, что ты уже привык.
Лопата лишь. Лопата. Снег. Лопата...
Вот и сугроб грозно поглядывает вокруг,
Как бы ища виноватых.
Это не ты, бородатый?..
(Дворник, как жук,
Кружит у снежного стога,
Взмахивая крылышком лопаты...
Еще немного...)
На обочине чистой дороги
Белеет заснеженный пик.
Но завьюжено сердце тревогой
У того, кто его воздвиг.
Слава Богу,
Ее не избыть:
Только,
Только бы не забыть
Снежинки легкой
Нежный лик...

* * *

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя. –
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя

А.С. Пушкин

Озверела вдруг природа,
Зарычали небеса,
Пасть ощерив, непогода
Разбрехалась хуже пса.
Не своими голосами
Взвыли ветров кобеля,

Вертит снежными хвостами
Вьюга, жалобно скуля.
Или, может, в детство впала
Охмелевшая метель? –
Хнычет, как ребенок малый,
Помочившийся в постель...
Жуть кругом, – поэт спокоен,
Знай себе: сидит, строчит,
Мглою слов бумагу кроя...
Карандаш, как вихрь, мчит.
И черкнет порой такое,
Образ лихо заплетая,
Что читатель волком взвояет
И заплачет, как дитя.

* * *

Иду по Крымскому мосту
И над Москвой-рекой расту,
Себе присваивая рост,
Которым обладает мост.
И вдаль течет Москва-река,
Туда, где ждет ее Ока –
Века, века, века, века.
А мост, воздушно-величав,
Меня, как гостя повстречав,
Мне преподносит город мой
С веселой парка кутерьмой,
Где с детства вертят колесо,
И виден целый мир с высот,
И так восторг стучит в висок...
А слева дремлет древний Кремль,
Цукаты звезд в нежнейший крем
Из белых взбитых облаков
Вонзив размашисто-легко;
И в те ж бесплотные слои
Золотоносные свои
Макушки обмакнув, стоит...
И с воспарившего моста
Постигну вдруг одну из тайн,
Что я разгадывать устал:
Цель бытия совсем проста –
Записывать, так запись та
Не заняла б и треть листа –
Все на Москву смотреть с моста...
На свете рек не перечеть,
И среди них такие есть,
Чья неоглядна ширина,

И, вставши на дыбы волна
Вполне, вполне под стать морской!
Я вырос над Москвой-рекой.
Другой не надо никакой.

* * *

Цветастый спрут московского метро
Впивался взглядом в едущих в вагоне,
В густеющий к дверным проемам тромб
Телами скрытых болей и агоний...
Я ехал с вечера, я весело шутил
С довольно милостивой незнакомкой;
Мне был наградой смех ее негромкий
За мой восторг и полупьяный пыл.
Почти всерьез я вздор забавный нес –
Что клад нашел в столицы древних недрах:
Рассыпанный блистательно и щедро
Каштановый шедевр ее волос.
И в ярко-карих с искоркой глазах
Сверкал разряд лукавого коварства:
«Сокровища... сдаются государству...
Так что едва ль уместен ваш азарт...»
Шампанское случайной встречи той
Не выпить залпом было просто глупо.
Но что мы жнем, посеявши поступок?
Вот именно-с! Привычку, сударь мой!
Уже не жаждем видеть милый облик
И слышать серебристо-нежный смех,
Нас окрыляет собственный успех
И мысль о счастье под уютной кровлей.
О, брака соблазнительная брага!
Слывешь ты сладостной, да только брак есть брак,
И блажь – его сомнительные блага.
И кабала – синоним этих благ.
Предвидя безутешный сей финал,
Поторопился я прервать беседу:
«Уже? А я, миледи, дальше еду...» –
И даже телефон ее не взял!!!
И бестолково так расставшись с ней,
Был в общем прав я – пустяки все это!
Но я уж знал, что будут сниться мне
Отныне сны каштанового цвета...
Она сошла. Все также грохотал
Наполовину опустевший поезд.
Он дело знал – выстукивал на совесть:
Оставь. Остынь. Пустое. Суета.

...И каменели лица москвичей:
На них смотрела с желтых стен вагона,
Взметнув свирепо щупальца лучей,
В упор
 метро цветастая Горгона.

Богиня юности

С пылающим взором по небу,
Звезды восходящей прелестней,
Летит тонкорукая Геба
С веселою, звонкою песней.
Всесильна богиня младая:
И возраста нашего горе
Порой забывать заставляет,
С великими Мойрами споря.
...Бывает, посмотрит девчонка,
Стоящая рядом в трамвае,
И взгляд ее долгий и тонкий
Зовет меня в дальние дали.
И вот, задыхаясь с разбегу
Я в юность опять окунаюсь,
И мнится мне – дивная Геба
Встречает меня, улыбаясь.
Я чувство, как в чудной поэме,
Читаю в девчонкином взгляде...
И вдруг – точно обухом в темя:
«Простите, Вы сходите, дядя?»
Довольно, я больше не сунусь
Туда, где, быть может, и не был!
Я стар, что мне глупая юность!
«Ты юн еще,» – шепчет мне Геба...

Очищающая пощечина

Бестактность – как не в ногу шаг:
Страдает стройность ряда.
А тут – душа болит, душа
Того, кто с вами рядом.
Беда, когда обижен друг.
Но ладно бы ошибкой.
Так нет же: вы сужали круг
Сознательно, с улыбкой.
Вам все казалось: «Пустяки,
Позлю его немного.
Остроты, видите, плоски, –
Ишь, тоже, недотрога!»

...Долго, пошлости слыша, крепился, терпел,
Но когда уже стало невмочь ему,
Друг вам дал («Слава богу!» – вздохнете теперь)
Столь запомнившуюся пощечину.
Гром ударил. Пословица не соврала:
Донельзя захотелось креститься.
Исступленно, взახлеб, – так, чтоб лоб пополам,
Чтоб скончаться и чистым родиться.
Со щеки начиналась. Но в сердце дала
Корни мощные, вечные, прочные.
И живет в вас критерием блага и зла
Нанесенная вам пощечина.
Без нее вам себя не представить сейчас,
Другу вы навсегда благодарны
За поступок, подсказанный верою в вас:
Верил в вас, потому и ударил.
...Чтоб вернуть на дорогу с обочины,
Временами довольно пощечины...

Осенняя шутка

Деревья негодуют: «Что ж мы – рыжие?
Вы лжете, зеркала лукавых луж!
Повыживали из ума, бесстыжие!
Мы – рыжие! Какая все же чушь!»
Но вкрадчиво, движениями лисьими
С них ветерок – листочек за листком:
«Что рыжие! Вот станете вы лысыми!..
А то нашли, печалиться о чем!»

* * *

У царя был двор, на дворе был кол,

Когда не нравятся стихи
Тому, кому их адресуешь,
Как-то особенно тоскуешь
О том, что дар твой слишком хил.
И хочется вскричать в сердцах,
И навсегда покончить с этим:
Уж коль поэта нет в поэте,
Не выйдет из него певца!
А что же есть страшней, чем роль
Оригинала-дилетанта,
В ком сквозь иллюзию таланта
Зияет безнадежный ноль?!
Парнас, дружище, не про нас...
Позволь... неплохо прозвучало...
Зловещей сказкой про мочало
Замкнется круг и в этот раз...

* * *

Который день уже подряд
Я сам собою не доволен.
Я грустью одолен, я болен.
Я жизни более не рад.
Что же случилось? Отчего
Ни до чего мне нету дела?
Тоска по детству овладела,
По безмятежности его...
По тем прекрасным временам,
Когда я с мамой топал в садик
И слушал сказку о Синдбаде,
И в мыслях был Синдбадом сам...
Я знаю, как и вы, давно,
Что инфантильность не в почете,
Да и забыться лишь в работе
Нам, как известно, суждено.
Но если валится из рук,
Что б ни пытался взять я в руки?
Крушит надежды виадуки
Меня снедающий недуг.
О скуки пагубный паук!
В твоих сетях я бьюсь, как муха.
Пора б уже – да все нет духу –
Срубить судьбы постылый сук...
И мимо месяцы скользят
Замысловатым карамболом.
Самим собой я не доволен
Уже который год подряд.

Увлечение горными лыжами

...И вдруг вернется загорелой
С далеких, нереальных гор
В наш застоявшийся, замшелый
Опустошающий сыр-бор.
За месяц память – как отшибло
Забыт нервозности резон,
Забыт московский воздух гиблый,
Забыт рабочий телефон...
Мы ждем – величие Кавказа
Сейчас нас снова потрясет...
Но суть всех красочных рассказов
Лишь в том, что: «Горы – это все!..»

* * *

Неба ветхий зонтик только троньте,
Брызнут звезды и зальют полмира.
Плащ листвы на тополе-виконте
Голой сук топорщит, как рапира.
И выстреливая трелями, стрекочет,
Синь пронзает релями кузнечик.
Августейшей августовской ночью
Захлебнулась блещущая вечность.

Юрий Хмелевский³⁷

Футбол на Северном полюсе (из очерка «Мой Северный полюс»³⁸)

Вот уже лет двадцать я хожу с Димой Шпаро в походы. Когда мы учились на мехмате МГУ, там был очень популярен туризм. Заниматься туризмом было нормой. И однажды, уже будучи аспирантом, я пошел в поход с Димой, про которого знал лишь, что он со второго курса и уже «вгрызается» в теорию вероятностей.

До того момента, когда была сформулирована идея похода к Северному полюсу, я относился к туризму как к забаве – хотя и в высшей степени приятной, но позволительной лишь раз в год, отнимающей минимум времени.

Лет в пятнадцать–шестнадцать я играл в футбол в «Торпедо», ходил бороться в зал «Спартак» на улице Чернышевского (рос-то я на Таганке). А потом из-за зрения врачи запретили мне заниматься спортом. Что ж, нет спорта и нет – подумаешь. Это не главное. А ходить в походы, в которых можно было по-настоящему выложиться, зрение позволяло.

Пройдет еще не один год, прежде чем с острова Генриетты мы стартуем к полюсу. Я лично все эти годы буду раздваиваться и даже расстраиваться между работой, семьей и бесконечной, как казалось уже, подготовкой к полюсу.

Ни один прежний поход мне не дался так трудно, как этот. Физические лишения, связанные с серьезным делом, – это не вопрос. Это я считаю нормой. Главное – это в каждый момент делать то, что требуется. Вот где основной расход человека. Дима тут всегда был на высоте, про себя же так не скажу. Уже на старте искупались сразу двое: Шишкарев и я. Я не могу простить себе третьего купания (второй раз, как говорил Давыдов, я искупался честно – это было купание разведчика). Но третье купание было бездарным. Это было в последний день, когда мы здорово спешили. И вот остановились перед полыньей, покрытой тонким льдом. Дима и Володя Леденев, шедшие первыми, стали совещаться, как поступить. А мне вдруг показалось, что мы зря теряем время. Попробовал лед лыжной палкой – вроде бы прочный. И подумал: а вдруг выдержит, и тогда я проложу ребятам до-

³⁷ Из сб. «Под листом Мебиуса». Ю. Хмелевский – к.ф.-м.н., работал в ЦЭМИ РАН.

³⁸ Опубликовано в журнале «Юность» (1979. № 9).

рогу. Я видел перед собой мутную ледяную поверхность, попробовал ее еще раз палкой, и какая-то сила заставила меня сделать шаг – ступил на лед, на секунду замер, словно чувствуя, что что-то должно произойти, и... пошел вниз. Вадим и Василий успели меня подхватить, и я благополучно выбрался. Мной владело чувство ужасающего стыда, огромной вины. Наверное, на меня было жалко смотреть в этот момент. Но я не услышал ни слова упрека. Понимая мое состояние, ребята всячески старались подбодрить меня – все, дескать, нормально.

Прошлым летом я сильно травмировал ногу. Буквально за несколько недель до старта начал азартно тренироваться и тут же, играя в футбол, снова выбил себе это колено... Я всю ночь не спал, пытаюсь решить, вправе ли я идти к полюсу. Дима ждал моего решения. Он не считал возможным, как я понимаю, распорядиться моей судьбой – ведь речь шла о нашем с ним полюсе! Жена говорила мне: «Ты должен идти. Иди, и все. Со своей ногой, все равно иди. Ты дойдешь!»

Накануне старта советовался с Давыдовым. Он сказал сначала, что, окажись на моем месте, не пошел бы. Потом посмотрел на меня, помолчал и сказал: «Но раз ты решил идти, то иди. Все будет нормально. По утрам будем бинтовать ногу эластичным бинтом». И действительно, каждое утро он стягивал мне колено эластичным бинтом, а на Северном полюсе, когда самолет привез наших базовых участников и мы разбились на две шестерки и стали играть в футбол, как это и было задумано, я то говорил себе: «Черт с ней теперь, с ногой!» – то начинал осторожничать. Первый раз в жизни я осторожничал, играя в футбол, но уж очень мне не хотелось, признаюсь, прилететь в Москву хромым покорителем полюса... А играли мы, как всегда: «старики» на «молодых». Летчики торопили нас, и мы хоть и сыграли два тайма, но каждый лишь по пятнадцать минут. Скинули пуховки, и рубка была настоящая. Сыграли 0:0, чему потом были рады, хотя мы – «старики» едва не выиграли. Леня Лабутин сильным ударом сбил мячом штангу (штангой была лыжная палка), но мы поспорили-поспорили и решили, что гола не было. Новенький мяч, которым мы играли, Федя Склокин специально купил в Москве для полюса. Потом все расписались на этом мяче, и я был безумно счастлив, когда ребята вручили мне, как главному экспедиционному футболисту, этот мяч.

Стихи о нас

Марат Картмазов

* * *

Т.Н.³⁹

Разве муза – не женщина? Что ж не ревнуешь?
Даже сводишь, изменам моим потая.
Сколько раз обжигалась! На пальцы подуешь
И опять прикоснешься: смотри, мол, какая!

Обрати, мол, вниманье – какая красotka:
Обаянье, походка, все стати богини...
Не твоими ль руками и сеть эта соткана,
Чтоб удерживать музу в бесплодной пустыне?

* * *

Т.Н.

Дай бог счастья тебе и мне, дай бог счастья
Грустным и грубым, нервным и нежным – всем, всем!
Дай бог из этой схватки с вечностью выйти с честью –
Чистым и честным, добрым и мудрым... И вместе с тем
Дай бог горя, хоть каплю горя, чтоб не утратить
Дар соучастья, сочувствия боли чужой и любви.
Да прозвучит наша музыка, не опустеют тетради,
Не оскудеют сердца наши, господи благослови!
Дай бог счастья тебе и мне и капельку горя.
Дай бог жажды и жадности, дай бог гореть, а не тлеть.
Дай бог любить и хмелеть без помощи алкоголя.
Дай бог исполниться нашим желаниям хотя бы на треть...

Евгений Ремез

Ни слезинки, ни вздоха речистого,
А бывало – хоть волком вой...
Всё стерпела ты⁴⁰, девочка, выстояла
С гордо поднятой головой.

³⁹ Эти стихи из сборника Марата Картмазова «Полярный снег» посвящены сотруднице ЦЭМИ Татьяне Ноткиной, по трагической случайности погибшей в марте 1991 г. На организованном к.э.н. Т.А. Ноткиной семинаре «Экономика и общество» выступали (видимо, благодаря ее участию в «Московской трибуне») такие разные и интересные гости ЦЭМИ, как Ю. Афанасьев, Л. Баткин, Ю. Буртин, Н. Коржавин, А. Мигранян, А. Нуйкин, Л. Пияшева, Г. Померанц, Г. Попов, Г. Ракитская, Б. Сарнов, В. Селюнин, Г. Старовойтова, Н. Шмелев, В. Шейнис и др.

⁴⁰ Посвящено цэmistке, пожелавшей остаться неизвестной и подарить эти стихи всем, увидевшим себя в этих строчках.

Только платья все стали широкими.
Говорила ты – ну и пусть!
А в глазах – не слезинки с упрёками,
А лишь близким заметная грусть.

Всё пройдёт теперь, поздно иль рано,
Примет всё как-то прежний свой вид.
Ну а сердце? Как всякая рана,
На погоду
немного болит.

И оно заживёт непременно –
Лучше времени доктора нет.
Я хочу, чтобы ты непременно
Вникла в мой немудрёный совет:

Себялюбцев
всю жизнь презираю,
Не терплю я
зазнаек любых,
Но нельзя же, нельзя, дорогая,
Вечно думать – я хуже других...

Нет страшней самоедства без меры!
И я правду тебе говорю:
Я бы отдал все чары Венеры
За одну лишь улыбку твою.

Владимир Ромм⁴¹

В конце концов говорить о том, что любишь,
лучше всего с некоторой легкостью.

А. Камю

Акrostих

Н.С.

Ничем невозможно измерить
И хилым умом не понять
Надежду, что душу мне греет,
Огнем запылавшую страсть.

Чего же ты хочешь, красотка,
Куда тебя флирт заведёт?
Азартна, воздушна походка –
На берег, где вёслами лодка
Игриво нам машет, нас ждёт.

⁴¹ Автор никогда в ЦЭМИ не работал, но его Муза – н.с. ЦЭМИ РАН Н.Н. Сухова.

Калина пылает багряно,
Ольха, подбоченясь, стоит,
Лениво и чуточку пьяно
Адажио светлых ракии.

Еловые лапы, кивая,
Весёлый пророчат успех,
Нам мягкие мхи устилают
Арену любовных утех.

Бессонница

(акростих)

Ночью долгой
Иногда
Нина спит,
А я мечтаю,
Синей птицей
Улетаю.
Хорошо мне. И тогда
О любви я напеваю,
В полусон весёлый влит –
А она так сладко спит...

Нине

Вы маленький шедевр из племени приматов,
Венец творения, всего, что создал Бог.
Вы сами – божество. О, если бы я мог
За Вами снарядить лихих пиратов,
Вас, выкрав, увезти в рубиновый чертог,
И там, в краю земли, любя, смеясь и плача,
Вас долго-долго пить, как тёплый, терпкий грог,
И, пьяным от любви, уснуть у Ваших ног
Ленивым Цербером Удачи.

Увы, возможность эта сожжена,
И вы, увы,
уже давно –
моя жена.

Юлия Яновская⁴²

Наталья – золотая рыбка!

Акростиhi скрещу с сонетом.
Теперь, чтоб не было ошибки
(А если есть – забудь об этом!),
Шутя – ведь юмор нас спасает,
А ведь спасенье, как известно,
Тот сам творит, кто утопает,
А от спасённых в мире тесно,
Руками плюхая, ногами,
А всё же не топя соседей,
С тобой мы выплываем сами.
Однажды Дед Мороз приедет,
Верь: наградит за все усилья...
А как иначе жить в России?

В этом многоголосии недостает одного голоса – детского... Слушайте!

Валерия Прокопова⁴³

О моей внучке Анечке

- Встречный мужчина представляет Ане, которой всего 1 год 3 месяца, свою собаку: «Вика». Аня – в ответ, указывая на гуляющего с ней дедушку: «Гена».
- Бабушка: «Я очень люблю Анечку». Аня: «И я очень люблю Анечку».
- – Я муху наказала. – А как? – Я сказала: «Уйди, муха, уйди».
- Ане 2,5 года. Аня: «Кто-кто в теремочке живет?» Я: «Я – мышка-норушка. А ты кто?» Аня: «А я – Анечка, пусти меня». Я: «А что ты умеешь?» Аня (после заминки): «Кушать».
- Ане около 3 лет. Получив пакет с конфетами: «Ой, какой букет конфет!». Аня – бабушке: «Ты меня обидела. Ты грозно сказала!». Нюхая розу: «Я уколочилась». Восторженно: «Меня шмель трогнул!»
- Я живу очень весело, но плохо, потому что уехали папа и мама.
- Щелка такая маленькая, как микроб.
- О запотевшем парнике: «Ой, стенки плачут!»
- Сейчас я буду стесняться, а потом разговорюсь.
- Воспитательница в детском саду: «Аня, как ты сидишь? Ты бы еще Васе на голову ноги положила». Аня: «А я не достану».

⁴² Сонет-акростиh Юлии Яновской, бывшей сотрудницы Минтруда («чиновницы»), деловое общение с которой превратилось в увлекательные беседы на много лет. Она же нашла невольную и неявную, но – ошибку в авторстве ряда стихотворений в сб «Под листом Мёбиуса»: В.Дыбовский вместо Д.Чаусова – и принесла подборку стихов Д.Чаусова для «Многоголосия».

⁴³ В. Прокопова – была к.э.н., работала в ЦЭМИ РАН.

- Папа: «Возьмем удочку напрокат и поймаем карася». Аня: «Давай лучше карася напрокат возьмем».
- Аня одевает ботинки: «Как мне большой палец мешает». – Анечка, неужели ботинки малы? – Да нет, это мне палец на руке мешает.
- Я хочу жить дружно и смирно.
- Бывает детский сад, а бывает просто сад. Сад намного лучше. Там мало детей, цветы, а воспитательницы – нет.
- «Все, Аня, играть не будем, нос разбили...». Аня ощупывает себя: «Да нет, вот он, остался».
- Аня, на этом аттракционе даже взрослые боятся. – И я взрослая. Я тоже хочу бояться!
- Аня, хватит есть шоколад. – А тогда праздник где?
- Аня, не бегай раздетая. – А я и не бегаю. Я прыгаю.
- – Аня, как по-английски собаки? – Dogs.
– А кошки? – Cats.
– А руки? – Рукс.
- – Мама, хорошо я сказала?
– Я не очень поняла, что ты сказала.
– Я тоже не очень.
- – Мамочка, можно взять гномика?
– Это ты у бабушки спроси.
– А у бабушки не надо спрашивать.
– Почему?
– А она не разрешит.
- – Аня, больно? – Нет, я плохо обожглась.
- – Я так долго говорила, что даже нога заболела.
- – А я видела, как курочка яичко несет.
– А как?
– А она его на спинку положила и несет.
- – Славик гриппом заболел. Я его потрогала и обожглась.
- – Я видела мультфильм во сне. Волк кричал: «Ну погоди». А зайчик: «Не погожу».
- Ане около 5 лет:
– Бемби теперь стал большим взрослым оленем. Он прочно стоял на копытах.
– У нас есть многосерийная книжка Джека Лондона.
– Эти туфли мне малы. Мне так жалко одну ногу, а заодно – и другую.
- – Отойдите! Разве вы не видите, что я тут мчусь!
- – Если лошадь за уши держать, она сбросит.
– Это тебе объяснили?
– Нет, я пробовала.
- Убирает книги в шкаф: «Сейчас будет трудный момент. Я до этого момента не достаю. Поможешь?»
- Показывали ей МГУ, где учились и поженились дедушка и бабушка: факультеты, науки и т.д. Она говорит мечтательно: «Я тоже поступлю в университет, чтобы там пожениться».

IV. ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

Наталья Слатина⁴⁴

Вместо предисловия

С немалым усилием вползя на Парнас,
Унявши коленок дрожанье,
Приветствует вас
Мой усталый Пегас
Своим поэтическим ржаньем.

Из аннотации к единственному не коллективному сборнику стихов автора «Неустойчивая земля» (1993)⁴⁵: «По терминологии «Клуба ДС» в «ЛГ», автор относится к «любви», хотя и оценивается рецензентами как «профи». Шутливость этих терминов не соответствовала бы серьезному настрою основной части книги, если бы не склонность автора к юмору и иронии, в том числе и по отношению к себе».

Шутки разные бывают... Ответственный редактор всего нашего юбилейного «ненаучного» сборника д.э.н. В.Г. Гребенников заявил прямо, что оставит здесь только те стихи, которые будут посвящены лично ему!.. Естественно, автор предусмотрительно посвящает В.Г. всю «Прямую линию» оптом.

И – одно заявление всерьез:

Поэтам

Вам – образов и звуков изобилие.
Мне, математику, закон привычен свой:
Где может скупой лечь прямая линия,
Там ни к чему излишества кривой.

А. Из периодики

* * *

А где моя трава?
Моя трава в начале.
Начальные слова,
Лишенные печали;
И в жажде красоты
(И сторож не заметил)
Украдкой рву цветы

⁴⁴ Н.А. Тарасова.

⁴⁵ Печаталась также в коллективных сборниках «День поэзии 1977», 1977; «Лицо души», 1980; «Держится мир на любви», 1992; «Утренний час», 2001 и в периодике («Новый мир», 1979; «Московский вестник», 1993; «Литературная газета» 1990; «Уральская новь», 1992; «Работница» и т.д.).

В послевоенном лете;
И солнца легкий звон
Над перепутьем мая,
И я бегу на зов,
Судьбы не понимая.

Года... года... года...
И сеяла, и жала,
А все иду туда,
Куда не добежала.

* * *

Ее взгромоздить на плечи свои
Атлантам было б невмочь.
Три точки опоры у грешной Земли:
Бабушка,
Мать,
Дочь.
Приходят отцы.
Уходят отцы.
Торопятся сыновья
По белу свету во все концы.
Покачивается Земля.
Ладони свои протянув вперед,
Баюкая шар земной,
Слышим, как правнучек хоровод
Шепчется за спиной.
Над ношей своей склоняя лицо
В бессонном мерцанье глаз,
Землю удержим в конце концов.
Небо тревожит нас.

Зеленые деревья

Зеленые деревья,
В аллеях – белый цвет.
Быть может, врут поверья
Что век наш – сорок лет?
Быть может, врут поверья,
А может, и не врут...
Упрямые деревья
Отчаянно цветут!

Крылья

Белым свадебным крылом
В синеве взмахнуть хотелось!
И взмахнула.
А потом –
Отлюбилось,
Оттерпелось.
Не исчерпана до дна,
Где-то сила хоронилась...
Это ж божеская милость,
Что осталась я одна!
Принимаю благодать –
Осени меня, свобода!
Дважды
Нравилось летать:
После свадьбы
И развода.

* * *

Восхитительно пели лягушки,
И взлетала тончайшая пыль –
По бокам голубой легковушки
Серебристый струился ковыль.
О стремительном транспортном средстве
Захотелось негромко запеть,
Словно в детстве, задумчивом детстве,
Где осталась ковыльная степь.
Небо так надо мной голубело,
Луг такой предо мной зеленел,
Что из многих возможных уделов
Я бы выбрала этот удел,
Где на стыке проселков и улиц
Молодой милицейский наряд
Мне сказал, деловито нахмурясь:
– Осторожно! Цыгане шалят!
Старшина, что мне в этом соседстве!
Не заманит чужой балаган.
Только в детстве, чувствительном детстве
Я с восторгом боялась цыган.
Повторяла в надежде упрямо:
– Украдут! Унесут за моря!
Отвечала насмешливо мама:
– Да, до первого фонаря.

Старшина, что твердить об охране!
Не за мною седлают коней.
Ах, зачем я поверила маме,
Так надолго поверила ей!

Победителю

Да здравствует свитер, протертый до дыр,
И ворот рубашки усталой!
Ты мне никогда бы того не открыл,
Что эта деталь подсказала.
Мой женский, хотя и рассеянный, взгляд
Усек, оценил и отметил:
Тому, у кого ненаряден наряд,
Не слишком уютно на свете.
Не бабья ли жалость меня подвела
И мильми сделала речи?
И я, ощутив трепыханье крыла,
Вздохнула
И вышла навстречу.
Ах, как ты смотрелся на белом коне!
(Хоть это, возможно, кобыла).
И снова умолкла Кассандра во мне,
И женщина заговорила.

У порога

Белый снег – это зимний покой.
Синий снег – это грустное лето.
Над куда-то текущей рекой
Я плыву без рубля и билета.
Неизвестны ни цель, ни порог,
Тот, который возникнет в итоге,
Потому что из многих дорог
Проплыву лишь по этой дороге...
А быть может, в иной стороне,
На ином временном интервале
Тени листьев на теплой стене
Душу грешную очаровали.
Там калиткой прервется стена,
И порог за калиткою где-то...
Подойду потихоньку одна
Без рубля, без ключа, без билета.

* * *

И ближнего не сотри во прах,
И дальнего не дави.
Мир держится не на трех китах
Может быть, на любви.

Но чей-то локоть дырявит бок,
Выгалкивает толпа,
И ты неловок и одинок,
И вера твоя слепа...

Когда и любить не хватает сил,
И мудрость уже слаба,
Дарует то, что и не просил,
Надежда, а не судьба.

Эхо

У онкологов – усталые глаза,
Словно долго собирается гроза,
Словно молнии безжалостная плеть
Снова ближнего заставит умереть.

Ах, онкологи, ученые мужи!
Вы на голые идете рубежи.
Вам бы полные окопы откопать –
И не видеть, и не слышать, и не знать...

То ли гром гремит над миром, то ль пальба.
Пот снимается тампонами со лба.
Эхо взрыва растекается в ночи –
И устало поднимаются врачи.

г. Москва, утро 7 декабря 1989 г.

(перед сообщением об армянском землетрясении)

У Кремля

Из Еленинской башни
Трупы, как бревна, сплавляли.
И боялись Еленинской
Пуще меча и огня.
И уж коли туда
Ненароком слепцы забредали –
Торопились убраться,
Вполголоса злыдней кляня.
И стояла она непростенной,
Забвения чая.
Дочерна окровавили нежное имя ее.
Достояла до нас...
Экскурсанты, почти что скучая,
Молча слушая гида,
Покорно глядят на нее.

А она
Не глядит.
Каменеют сухие глазницы.

Навсегда предана
Неизбежной и страшной судьбе:
Не рассыпаться в прах,
Не исчезнуть в веках,
Не укрыться –
Ей стоять и стоять,
Горько слушая быль о себе.

* * *

Очень плохо жить на свете,
Если видеть все не так.

А. Барто

Мой поезд мчит с размеренным стараньем.
Стучат колеса, к забытью маня.
Впервые ощущаю расстоянье,
Открытое задолго до меня.

Все поезда уверенно грохочут,
Перепоясав крепко шар земной.
А вдруг мой взгляд увидит что-то зорче,
А слух уловит ритм совсем иной?

Пытаясь дать угаданному имя,
Пророчествуя быту вопреки,
Тревожат мир виденьями своими
То добрые, то злые чудаки.

* * *

На дом детей твоих
Наслатъ тоску и боль –
Не для меня совсем такая роль.
С меня своих полусирот хватает.
И наш удел неслышно изменя,
Моя печаль
Тебя оберегает
От счастья?... от несчастья?... от меня.

Отчуждение

Что-то нет мне покоя.

На полке не спится никак.

Эти блики в окне

так нахально и дерзко мелькают!

Хоть бы влез в мою душу

какой-нибудь милый пустяк,

Но они, пустяки,

когда надобно – не возникают.

В полосе отчуждения
едет нормально вагон.
У него, у вагона,
своя колея за плечами.
Хоть бы вдруг отыскался
какой-нибудь пошлый резон,
Чтобы мне отдохнуть
от не менее пошлой печали!

Одиночества сласть
я изведать решила всерьез.
Отчуждения власть
признаю над собою охотно.
Но настойчиво-резок
всезнающий говор колес,
И тревожные блики
врываются в темные окна.

Воспоминание

А речки были
Зеленоглазы.
А горы были
Неуследимы –
То приникали
К хребтам Кавказа,
То незаметно
С небес
сходили.

Сияли желто березы-свечки,
Струились ниже,
до кромки бурой,
Где стадо елей
спускалось к речке,
Зеленоглазой и белокурой.

Моя добрая, добрая бабушка

Говорят, была она строгой,
Моя добрая, добрая бабушка.
А наверное, и была,
Да не с нами, глупыми внуками,
Не с нами –
Может, с мамами нашими,
Может, с отцами.

Говорят, была она сильной
Моя добрая, добрая бабушка.
А наверное, и была,

Если дюжину родила,
Одного схоронила,
Остальных бы уберегла,
Да война за войною шла –
Четверых убило.

Я не помню глаз ее строгими,
Я не помню рук ее сильными,
Но улыбка-усмешка помнится,
Проницательная
И тайная...

Детский вопрос

Много дней продолжается
Странный допрос.
Каждый день повторяется
Детский вопрос:
– Мама, кто ты?
Я не знаю ответа, а стыдно молчать,
Этих глаз вопрошающих не замечать:
– Мама, кто ты?
И боясь ненароком погрязнуть во лжи,
Отвечаю:
– Не знаю.
Сама подскажи,
Кто я?
Отвечает смеясь,
Но совсем не шутя,
Удивляется даже наивно дитя:
– Мама!

* * *

Анатолию Владимировичу Жигулину

Где звуки слишком гулки –
Простора вовсе нет –
В Безбожном переулке
Живет больной поэт.

Наивен! – критик режет.
Другой вещает – тих...
Но мужественно-нежен
Его прозрачный стих.

Не оскудели строки,
Не замутилась даль,
Не позабыты сроки,
Не продана печаль.

Чисты его поступки,
Душа его тверда
В Безбожном переулке
До Божьего суда.

Вологодский разговор

Вологодская земля
Плавно окает.
А глаза ее грозят
Поволокою.
А запела-заплела –
Душу вынула,
Вологодски кружева
Пораскинула

Запевает разговор
Баба крепкая,
Да глядит через забор
За соседкою.
Тут без хитрости ни шаг
Не ступается,
Все-то так – да и не так
Выпеваётся.

Вьётся музыки ручей –
Станет речкою.
Теплота ее речей
Стает свечкою.
Зачерпнуть ковшом нельзя –
Малой горсткою...
Ой, проста ли ты, земля
Вологодская?

Святая Софья

Я, атеистка, ныне протестую,
Что нет святых на небе и в раю.
Хочу канонизировать простую
Святую Софью, бабушку мою.

Изверившись и в пастырях, и в Боге,
Детей губившем с первой мировой,
Она всегда встречала на пороге
Потомков, возвращавшихся домой.

Бывало ослушанье беспричинно.
Бывали покаянья нележки.
За старые грехи придешь с повинной -
И новые отпустятся грехи.

Непрочный нимб из суетного злата -
Он никогда не высился над ней.
Сияли нежно, чуть голубовато
Седые косы бабушки моей.

Самоцветы

Должно быть, люд был неплохой
На той уральской
Земле старинной, трудовой
И не бахвальской.
Он жил всерьез, не напоказ,
Хоть не без шуток,
Чуть только выдастся
Свободный промежуток.
Перетерпел и злобу дня,
И ночь глухую,
Храня родимые края,
Не паникуя.

А все, что чуяла душа,
Рыдала ль, пела
(Что пусть не стоит ни гроша,
В грошах ли дело!), –
Спрессовано самой судьбой
Или веками,
Врастало в каменный забой
Под облаками.
Вбирала горная гряда
Те самоцветы,
Что замирали на года
Внутри планеты.

Глядит потомок, тих и нем,
На чудный камень,
Найдя его на глубине,
Согрев руками.
А стоит камень не гроши –
Цена взлетела.
Ты приценяться не спеши,
В цене ли дело...

Добрый вечер, мои соседи!

Добрый вечер, мои соседи!..
Вновь, поставив скамейки в ряд,
Отдавая досуг беседе,
У подъезда они сидят.

Я улыбкой их взгляды встречу,
Не усмешкой – ни боже мой!
Не для нас прозвучал отбой –
Им на плечи спустился вечер.

И на бабушек не в обиде
За прицел любопытных глаз:
Мы не видим, мы их
Не видим –
Хоть они поглядят на нас!

Все докладывая друг дружке
(Им заборчик-то – что плетень),
Знай, судачат всю старушки,
Провожая погожий день.

* * *

Ты, плевавший в колодец,
К тому же колодцу приник.
Ты, бросавший каменья,
Томим бесконечною жаждой.
Но не молвил «прости!»
Твой шершавый язык
Ни тогда,
Ни сейчас,
Ни хотя бы однажды.

Ты, предавший свой дом,
Не касайся обугленных стен.
Нервно вздрогнет стена
От небрежного прикосновенья.
И уходит вода
Неизвестно куда,
Лишь почует колодец
Твое приближенье.

Музыка

Ах, как поют на Вологодчине!
Беседы плавные ведут –
Такое выведут узорочье,
Такое кружево сплетут!

Что неудачное замужество!
Былое море – что ручей.
А голова все так же кружится
Под музыку таких речей.

Давно забыто нехорошее,
Иное помнится – как тут
Свекровь с соседкою непрошенной
Дуэтом новости поют.

Да издали, многоголосые,
Аккомпанируют мостки,
И музыка звучит над соснами,
Над гладью медленной реки.

Река, белесым паром застлана,
Что с ночи стаять не успел,
Спросонья рыбиной глазастою
Глядит на утренний распев.

* * *

Ведь есть же на свете счастливые мамы!
Их дочки растут – не шумны, не упрямые,
Покорны, спокойны, и робки, и тихи,
Ну разве что чуточку, может, франтихи.
Не рвутся они непременно в солдаты,
Не могут они разбирать автоматы,
Растут – не разбойники, не атаманы...
Бывают на свете счастливые мамы!

Папа и зонтик

А у зонтика выросли ножки,
И топчут они по дорожке.
И смеется, и ежится папа –
Дождик льется на папину шляпу.

Очень нравится зонтик прохожим.
Мокрый папа им нравится тоже.

Б. Из сборника «Неустойчивая земля», 1993

* * *

Как долго, как долго, как долго
Под выкрики модных словес
Поборник сурового долга
Несет свой обугленный крест.

Христы, Саваофы, Аллахи
Сулят ему рай или ад.
В прорехи последней рубахи
Худые лопатки торчат.

Он крест деревянный волочит –
Не бронза, не мрамор, не медь...
Поднять его кверху не хочет,
Чтоб рядом кого не задеть.

А кто-то несет без натуги,
А кто-то на ближних свалил,
И легкие праздные руки
Взлетают подобием крыл.

Меняются люди и вещи.
Движенью не видно конца.
Все четче, все глубже, все резче
Усталая твердость лица.

* * *

Что толку побивать
Каменьями пророка,
Не ведая, где правда, а где ложь...
Ты будущее сам
Слагаешь однобоко,
Когда его, отверженного, бьешь...
И вырастет гора
Из брошенных камней.
Ее неся на собственных плечах,
Ты вспомнишь, может быть,
Неловкие мгновенья,
Когда пророк измученный зачах.

*Осень 1989 г.
перед смертью А.Д. Сахарова*

Неустойчивая земля

И шатает меня, шатает,
И несчастьями оглушает,
Неудачами душу зля,
Неустойчивая земля.

Только небо, моя опора,
Принимает меня без спора.
Подзаимусь, пока дремлет мир,
Штопкой новых озонных дыр.

Чтоб ленивых ангелов стая
Не глазела бы, пролетая,
И не лез бы шкодливый бес
На твердыню моих небес!

Просто гадость невзначай
Говорят.
И бредет куда-то в горы
Стезя...
Что бы жизнь бы приласкала!
Нельзя?

* * *

Между мной и вечностью –
Ни шиша.
На пороге Млечности
Спит душа.
Ей, проснувшись затемно,
В стынь да рань,
Обложить бы матерно
Божью длань!

Но иной привычнее
Лексикон,
А сказать приличнее –
Не резон.
Слишком он порожистый,
Божий мир,
Белый свет со множеством
Черных дыр!

Я стою у вечности
На краю.
Я со всей сердечностью
Говорю:
Пусть Творец объявится,
Даст ответ –
Что ж, как горький пьяница,
Пропил свет?

За нектар божественный
Тех словес,
Что молчат торжественно
Нам с небес,
Прокутил со звонами
До зари
Семь рубах озоновых
У Земли!

Но молчит заброшенно
Старый Бог,
Что давно под ношею
Изнемог.

Ни нектара млечного,
Ни гроша –
Не осталось вечного
Ни шиша...

Я его, конечно же,
Не корю,
Я ему, сердечному,
Говорю:
Не терзайся попусту,
Не тужи,
Мы уж сами, попросту –
За гужи!

Успенское

Положите меня в больницу,
Где свободные есть места.
Слишком совесть моя боится,
Что копилка ее пуста.
Эта скряга – ей вечно мало,
Что ни сделаю – все не так.
Сколько раз с головы снимала
Ею сшитый смешной колпак,
Сколько лет я себя терзала –
Все во имя ее одной!
Эта скряга – ей вечно мало.
Что ей надобно от больной?
Я больна недержаньем речи
Хоть узлы из нее вяжи!
За мои некрутые плечи
Слишком круто берется жизнь.
Я устала от этой хватки,
От бренчанья пустых монет.
Положите же на лопатки –
Все равно вариантов нет...
Ой ты, загородная больница –
И убежище, и приют!
Дай мне, страждущей, облениться
В райском свете твоих минут,
Солнца иглами уколиться,
И – блаженная, и – одна...
У небесного колодца
Есть начало и нету дна.
И бездонно река струится
В бликах солнечного огня,
И манит, и зовет забыться,
Но пока еще – не меня.

Ненадолго, на две недели –
Но никто бы меня
 не тронь!
Только б листья ко мне летели
И ласкала трава ладонь.
До чего же сыта Москвою
(Хоть от сытости не умру)!
Над рекою, травой, листвою –
Церковь белая на юру.
И вдали, за лесной опушкой,
Невесомо в стреле луча
Все парит над святой макушкой⁴⁶
В небе
 радостная свеча.

Воскресение

Не пишутся стихи,
А до чего хотелось...
Не пишутся стихи,
Не слышатся слова.
Струится и блестит
Асфальт, скрывая серость.
Кружится и манит
Высокая трава
Из надоевших стен
Беспомощных укрытий –
В оставшуюся глушь
Распахнутых полей,
Где, шею изогнув
Изящней Нефертити,
Дотянется коза
До лакомых ветвей.

И ветви хороши,
И дерево прекрасно,
Хотя не разглядишь
Начал или концов.
В безбрежии листвы
Я утонуть согласна...
А жаль, что у коров
Нет нынче бубенцов.
И жаль, что белых коз
Не слышен страстный голос.
И жаль, что близок шум
Моторов и колес.

⁴⁶ Купол церкви в Уборах (за рекой – больница в Успенском).

Но щеки и глаза
Вовсю щекочет волос,
И ветер прячет пух
Среди моих волос.

Не насладившись властью
Свободой и природой,
Не догадавшись пасть
В манящую траву,
Я возвращусь назад,
В обилие народа,
И напишу стихи,
В которых оживу,
Услышав невзначай
И травы, и деревья,
Увидев у плеча
Летящий белый пух...
Ах ты, моя Москва –
Забытая деревня,
Где утром
Под окном
Нахально пел петух!

Се́мидеся́тые

1.

Берегите мужчин! – говорят.
Бережем.
Да и бабушек тоже!
И бабушек – тоже.
Если ты тонкокожий,
Не лезь на рожон,
Береги свою нежную, нервную кожу!
Берегите детей
От лихих сквозняков!
Берегите друзей,
Терпеливее будьте!...
Это все достижимо.
Хотя нелегко.
Уберечь бы
Слова
От угоды минуте!
Унижаем слова,
Убиваем слова,
И бесплотные тени сливаются в строчки.
Берегите слова...
Берегите
Слова!

А не то мы дойдем в самом деле до точки.
Точка выстрелит
Точно,
Как пулей в висок,
Захлебнутся слова,
Обескровлены ложью.
Им бы неба кусок,
Им бы правды глоток –
И дорогу они
Обретут в бездорожье!

2.

Для начала – для начала
Дерзко песня прозвучала.
Развивалось продолжение –
Выяснялось чье-то мнение.
Выяснялось до конца,
До гибели певца.

3.

Будем в сказочке распрекрасной!
Вместо были?
Славно мчаться дорогой ясной!
В туче пыли?
Славно крылья раскинуть в небо!
Из болота?
Словно был ты –
А ты и не был.
Да чего там...

4.

Будет серо и сыро,
Будет дождик с утра,
Словно осень застыла
Посредине двора.
И не дождь, и не буря,
Не гроза и не гром...
Мы с прохожим понуро
Друг за другом бредем.
И не хочется плакать,
И не хочется петь.
Слишком нудная слякоть,
Чтоб чего-то хотеть.

5.

Да сколько можно – «застой», «застой»...
Ведь есть он все же, секрет простой:
Когда упорно ловчат и лгут,
Опора сердцу – упорный труд.

Не всем сестрам
Дадут по серьгам.
Не быть карьере,
Не быть деньгам.
Но быть – работе,
И с ней – душе.
Пусть не в полете,
Не в кураже,
Пусть неумело,
В дали,
В глуши –
Ты делай дело
Своей души!

б.

Дурака работа любит,
Дурака! –
Повторяют чьи-то губы
Сквозь века.
Не надсаживаться сдуру
Никогда! –
Чей-то глаз глядит с прищуром
Сквозь года.
Но идут по белу свету
Дураки
И совету, и навету
Вопреки.
Вот и пашут чьи-то грядки
И свои
Не в порядке разрядки –
По любви.
Вот и мне бы
Не пахать бы
Дотемна...
Неумна.
Какое счастье –
Неумна!

* * *

Девочкам можно спрашивать.
Девочкам все дано:
Время вольготней нашего,
Нами сотворено;
Книг золотые россыпи,
Выжившие в бою;
И несвятые взрослые,
Севшие на скамью,

Павшие от усталости,
Словно бы от вины...
Спрашивают без жалости,
Словно обречены,
Строго глядят на павшего
Юные палачи...
Девочка, хватит спрашивать.
Глупая... помолчи.

* * *

Может быть, все-таки
За себя
Мы отвечаем сами?
Что мы киваем
То на среду,
То на отцов?
Эта среда создавалась
Нашими же отцами.
Они кивнут на своих,
Те дальше –
В конце концов
Виноватой во всем окажется
Бедная обезьяна –
Образумилась слишком поздно.
А, может быть, слишком рано.

У пражских костелов

Костел суров. Пронзая облака,
Он строго возвышается века.
Но стройности суровость не помеха.
Его химер открытые уста
Беспомощно орут на человека,
Чья сущность недостаточно чиста
Открытие прекрасных витражей
На уровне гигантских этажей
Недостижимо, если ты снаружи.
Ступаешь внутрь – и замерла душа,
И жизнь твоя чиста и хороша,
И ор химер для святости
Не нужен.

* * *

Перед тем, как упасть,
Он беседовал с Богом.
На неверие более не было сил.

И немало пройдя по житейским дорогам,
В той молитве недолгой

о малом просил:

– Не прошу я того, что даруется свыше,
Только сердце живое отдать разреши!
Ходят люди вокруг –
Вроде видят и слышат,
А живу я, живой, замурован в тиши...

Бог сулил ему жизнь, все на свете даруя,
И советовал брать, не теряться и сметь.
– А сердца у живых, – отвечал – не беру я,
Пусть уж с этим добром разбирается
смерть!

И отбросив молитвы бессильному Богу,
Он ушел

и с собою не взял ничего.

И разбил свое сердце,
швырнув на дорогу!
... А хирург аккуратно заштопал его.

Перед одиночеством

Вечернее кафе, чей облик бестолков,
Холодное без юности и «рока».
Пустынное кафе, где кормят стариков,
Которым, очевидно, одиноко.

Они идут к тебе, вечернее кафе,
Где все равно и чужды, и не званы,
Чтоб медленно нести
Пред аутодафе
Горячим чаем полные стаканы.

А может быть и так –
Случайно повезет,
И собеседник явится под боком.
Не то чтобы спасет,
Не то чтобы поймет,
Но душу обогреет ненароком.

Не первые века – последние века,
Когда скупа на радости планета,
И тянут, тянут чай
Два тощих старика,
Пока весома медная монета.

Весна – 1989

В магазине затихли скандалы –
Кто стоял, и когда, и за кем.
Обсуждаются чьи-то опалы
И клубок политических тем.

В парикмахерской
Мастер и дама
Позабыли о цвете волос,
Потому как решают упрямо
Нерешенный на Съезде вопрос.

У подъезда старушки бунтуют:
Кто на Бога, а кто – на ЦК
Катят бочку довольно большую,
Позабывши о ближних пока.

Дилетанты мои дорогие!
В толкотне, в суете, в маяте –
Вы какие-то нынче другие.
Мы какие-то нынче
не те.

Январское видение

По темной аллее неслышно бредет
Ушедший в отставку, измученный Год.
Колени дрожат, и слабеет рука,
И холодно очень руке старика,
Свершившей так много на долгом пути,
Что ей бы покой, наконец, обрести.
Бредет он и ищет желанный покой,
Стуча по аллее нескладной клюкой.

* * *

Парят над землею творения рук –
Кресты, купола, химеры...
Не слишком ли много религий вокруг
При дефиците
Веры,
Когда мусульманин хватает кинжал,
А православный – нож,
Когда в католичнейшей из держав
Жизни
Не сбережешь!
Довольно, хватит.
Хватит могил

На мрачные эти «когда».
И если Бог
Когда-нибудь был –
Кончился от стыда.

«Симфоническая поэма» Листа

Как хищно он взлетел за пульт,
Весь в беспросветно-черном фраке!
Чтоб тотчас зал исчез во мраке,
Руками тонкими взмахнул –
И упоенно колдовал,
Как будто вволю куролесил
Злой дух; и был он интересен
Тем злом, что к жизни вызывал.
Мгновенно облик изменил,
Сжимался, изгибался, таял,
Как будто нам ловушки ставил,
Коварной палочкой манил ...

Умолк. Застыл. Склонился. Сник.
Но неуверенно и тонко,
Как плач затравленный ребенка,
Мотив раскаянья возник.
Он руки протянул во тьму,
Дрожащие от напряженья,
Чтоб честно вымолить прощенье –
И скрипки помогли ему.

И звуки трубные взмело,
Взнесло на самые вершины,
И спину распрямил мужчина,
Свое преодолевший зло!
И грянул позабытый свет
В его зрачки и в наши души,
Когда стоял он – безоружен,
И утомлен, и стар, и сед.

Вечерний концерт

Профессору В.К. Мержанову

Прошу Вас, профессор,
Играйте Шопена,
Пока не погаснет свеча.
Вдали исчезает
В мерцании
 сцена
За властным изгибом плеча.
И музыка, не позабыв печали,

Но покорясь любви,
Звучит бесконечно
В призрачном зале,
Покинув пределы свои.

Легка и всевластна,
Нежна и надменна,
Сдержанна и горяча...
Прошу Вас, профессор,
Играйте Шопена!
Мерцает и тает свеча...

Звезды и город

Вечером город не видит людей,
Не замечает машин.
Он, утомленный мельканием дней
До онеменья души,
Он, приютивший с охотой и без
Множество судеб и лиц,
Воспринимает лишь книгу небес
В шелесте звездных страниц.

Снова читает – строка за строкой –
Древних созвездий слова.
Снова под вечною Млечной рекой
Кружится

голова.

И закрываются, гаснут в ночи
Очи усталых домов.
Но бесконечно струятся лучи
Из недочитанных слов.

Сумерки

Если ты не веришь в сны,
То поверь хотя бы яви.
Эти сумерки честны
И рассвета не объявят.
Но, накликав свой закат,
Горечь мрака напорочив,
Даже сумерки хотят
Возродиться после ночи.
Даже сумерки, грустны,
Затаенно ждут рассвета...
Если ты не веришь в сны,
То поверь хотя бы в это.

Пробуждение

Как черный снег весною прошлогодней,
Ночь медленно сползает со двора.
Прощай, мое нескладное вчера...
Входи, мое просторное сегодня!

Натянет день
Тугое полотно,
Соединяя радужные блики.
Ненастье не становится великим,
Каким бы властным ни было оно.

Тесня лучами тягостную муть,
Светлеет мир, очнувшийся от мрака.
Встает
Вчера уснувшая собака,
Чтоб новый день
Понюхать и лизнуть.

* * *

Пройти спокойно по Вселенной
Среди берез, домов и звезд...
Пегас на небе неизменно
Жует блистающий овес.

В прохладном воздухе повисла
Ветвей затейливая вязь.
Щебечут будущие листья,
Навстречу жизни торопясь.

А я молчу. Мой день отмерен.
А ночь безмерно хороша!
Как будто, в разуме уверен,
Мир отдыхает, не спеша

Бессонница

А ночью наступила тишина,
Как самое большое откровенье.
И стала невесомаю стена,
И бесконечным – каждое мгновенье.
Запел оркестр далеких гулких труб
(Мотив давно известен, хоть невнятен),
И слово зазвучало возле губ,
И не осталось в мире белых пятен.
А белый свет

обрел ночной покой...

Браня дневные мелкие обманы,
Бессонница бесплотною рукой
Душевные пальпировала раны.

Где же твоя ладонь?

Мир оставался где-то вдали.
За грани мирского зла
Лодочкой теплой ладони свои
Милая
мне

несла.

Кто там виновен – друзья ли, враги –
Если я мертвым лег...
Милая, душу мою сбереги,
Я же
не уберег.

Вынеси душу на белый свет,
Тело оставь, не тронь.
Милая, сил моих больше нет.
Где же твоя ладонь?
Рождение
Вот этак сочно
Написать кусок,
Чтоб он дымился паром теплой крови,
Зеленый лук вытягивал носок
И брызгал хрусткий, рыжий сок моркови,
Картошка нежно таяла в тепле,
И возлежала царственно капуста,
И на столе, некрашеном столе
Дышала плоть
Торжественно и густо!

* * *

Эх, рассыпаться по белым по снегам,
Рассмеяться так, чтоб эхо по горам,
Закружиться, разметаться по степи,
Чтобы ветру не домчаться, не найти!
Я тоску свою развею на простор,
Созову судьбой обиженных сестер,
Разгуляемся, чтоб всем врагам назло,
Чтоб завьюжило, завьбло, унесло!
Разлетимся по оврагам, по лесам,
Даже эхо не ответит голосам.
Бога нету, черта нету –
Наша власть!
Кому надобно молиться,
Кого клясть?

Ворожея

Век двадцатый к заклинаниям суров.
Все понятно – больше дела, меньше слов!
Медицина, если надо, – на рожон,
Чтоб спасти нас и уколом, и ножом.

Ну а я пока с лекарством
Погожу.

Руку на сердце тебе я
Положу.

Я не режу твое тело,
Не колю.

Вроде делаю не дело –
Говорю...

Ты лежишь – я тихо-тихо
Ворожу,

Злые силы, злые думы
Отвожу.

Пусть я мучаюсь,

Горюю

И горю,

А тебя заговорю,
Заговорю!

* * *

Но я была сотворена

Из твоего ребра!

А у тебя своя жена,

Не с нашего двора.

А у тебя полно забот,

И все они – не те.

И что ребра недостает,

Не чуешь в суете.

* * *

Почему-то не пишет дочка.

Я уже сочиняю драму.

Не моя ли скупая строчка

Так же мучила прежде маму?

Ах мы дочери, злые дочери!

Сотворенное – повторяется.

Не возмездие – просто очередь,

Просто очередь подвигается.

* * *

Если сорок – это срок,
Если отчество привычно,
Если выучен урок,
Как вести себя прилично,
Если вас по пустякам
Не гнетут ни боль, ни жалость –
Что же вам (а скоро – нам)
Наобещанным осталось?
Входит трезвость в кровь и плоть.
Не даруй ты мне прощенья –
Накажи меня, Господь,
Даром самообольщенья!

Дело принцессы

Да, дело принцессы – томиться и ждать,
Такое спокойное дело.
А рыцаря – голову в кровь разбивать,
За даму сражаясь умело.
И если придется, в пылу умирать,
Но все ж продолжая сражаться.
А дело принцессы – естественно, ждать.
И может быть,
Даже дожждаться.

* * *

Благодарю вас
За стихи,
Написанные мною,
Счастливые, как петухи,
Осипшие весною.
Благодарю за ясный свет
На долгую дорогу,
Сияющий так много лет,
А может, и немного.
За вашу сдержанную лесть
В хмельном круженье буден.
Благодарю за то, что есть.
Прощаю то, что будет.

* * *

Если б я ненароком поверила в Бога,
Попросила, пожалуй, не так уж и много:
– Не даруй мне богатство,
Не шли мне удачу,

Отними лишь надежды,
По которым заплачу,
Одарив только теми,
Что сбудутся где-то,
Пусть на самом на дальнем
На краешке света,
Не сегодня,
Не завтра,
А все же –
Когда-то.
Я таким ожиданием буду богата.

Спокойная зима

Спокойная зима,
Усталая стихия.
И не звоню сама,
И не пишу стихи я.
А если и пишу
Нечаянные стансы,
То легче не дышу –
Печальней, может статься.
А если и звоню,
То так официально,
Как будто изменю,
А это нереально.

Гадание

И день пройдет,
И другой пройдет,
И ночи уйдут вослед,
И день будет короток от забот,
А ночи длинны от бед.
Но станет небо светлей вдали,
Развеются облака,
И на высоком краю земли
К траве припадет рука –
И загорланит с тобою в лад
Очнувшийся род людской,
И будет милый
Ребенку рад,
И ты обретешь покой.

История женщины (триптих)

1.

Влюбился – словно бы молился,
Но не бесплотному Христу,
С любовью радостной клонился
К живому, теплomu кресту.
Его, язычника по нраву,
Она манила в небеса.
По самому святому праву
Ему дарила чудеса.
Но в жаркой тишине, убогий,
Не веря в чудо из чудес,
Смеялся скептик козлоногий,
Его душой возвращенный бес.
Он знал – осмеянное сгинет
Во множестве мирских утех...
Была бы женщина богиней,
Когда б не этот резкий смех.

2.

Что говорить! Любовница,
Та, что людей сторонится,
Грешная, как раскольница,
Сбросившая платок.
Не модами, не курортами –
Занятая абортами,
За радостями короткими –
Длинненький шепоток.
А жизнь у него женатая,
Вечным стыдом объятая,
С еле живыми датами,
Выросшими детьми –
Тянется, тянется, тянется,
Словно с отравой пьяница
Рад бы – да не расстанется...
Весело, черт возьми!
Встреча уходит в прошлое.
Над вазой – цветы усохшие.
Будущее качается,
На тонкой цепочке слов.
Будущее качается,
Да все никак не случается,
Хотя он опять встречается,
Так же любить готов.

3.

А была она нежна,
А была она вольна,
Что вода весною талая.
Но была она одна,
Но была она грустна,
Но была она усталая...
Отболело.
И жила –
Сквозь сомнения прошла
И самой себе доверилась.
А былое –
Не сбылось,
К миру точно не пришлось,
Не по этой мерке мерилось.

* * *

Что нужно для счастья?
Не так уж и много.
Ты слышишь – желанный стоит у порога.
И дети здоровы. И мысли в порядке.
И ты расцветаешь цветочком на грядке.

Что нужно для жизни?
Не так уж и мало.
А впрочем, немногого тоже хватало.
Творила житейскую скромную повесть,
Быть может, надежда.
А может быть – совесть.

Что нужно для песни?
Ни то и ни это.
Оставим последний вопрос без ответа.

Дни рассвета

Бывают дни, просторны и легки,
Когда тобой слагаются стихи,
Когда тобой любуются и тот,
Кто, может быть, совсем другую ждет.
Ах, эти дни! Как солнечный рассвет,
Когда заката и в помине нет.
А сколько их?
Да разве в этом суть...
Один – сейчас.
Другой... когда-нибудь.

Июльское утро

Когда ступала босиком
По солнечной траве,
Роса веселым холодком
Притронулась ко мне.
И в серой дымке небосвод
Маячил голубой.
И ясно было наперед,
Что я уйду домой,
Не дописав свои стихи,
Не омочив колен...
Слова, прозрачны и легки,
Уже сдавались в плен.
Но так хорош был новый день
И так мягка трава,
Что мне, ей-богу, было лень
Выслушивать слова.
Остался только влажный луг
И берег той реки,
Где в разнотравье таял звук
Несказанной строки.

* * *

Люблю летать на помеле,
Как женщины или поэты,
И повторять свои куплеты,
Забыв бумагу на столе;
В тиши (да здравствует покой!)
Ловить нечаянные строки –
Они пока что одиноки,
Не разделенные толпой;
В толпе (да здравствует толпа!)
Так элегантно быть свободной
И, в сущности, богоугодной
Не хуже лучшего попа.

Поэту

Вы меня на ходу уничтожили словом,
До конца равнодушным,
А значит, суровым.
На ходу, на лету, где-то возле буфета,
И осталась я тут пережевывать это,
Всухомятку жуя – иппокрены иссякли...
Мой внезапный судья,
Вы бесстрастны – не так ли?

То есть –
Вы объективны.
И значит, за дело
Ваш Пегас мне копытом заехал умело.
И теперь я смиренно склоняюсь пред вами:
Вы извели жизнь,
Вы знакомы с боями,
И Пегас ваш –
Летун, безусловно, хороший,
Хоть лягается, словно обычная лошадь.

* * *

В пространстве жеста замерло движенье,
Сменившись суетой усталых рук.
В пространстве звука ждет стихотворенье,
Да мне его услышать недосуг.

В пространстве света зажигают свечи
Для поисков душевного огня.
В пространстве жизни утро, день и вечер,
Быть может, ночью выпустят меня.

И вновь под утро зашумит дорога,
А я еще вернуться не хочу.
В пространстве ночи задержусь немного,
Задумчиво уставясь на свечу.

День памяти Высоцкого

1.

Это счастье – я не знаменита.
Не вздымают сплетни до небес,
Не суют везде свои копыта
Юркие любители словес.
Коль умру, скромна и небогата,
Станет имя вроде бы ничье,
Но меня зато запанибрата
Не окликнет это дурачье!

Слишком тяжела иная участь –
Вечно быть у бога под рукой.
И при жизни досыта намучась,
И потом не обрести покой.
И глядеть бессильно ниоткуда,
Как вопит открытым жадно ртом
Бездарь, обслонявившая чудо,
Именем прикрывшись, как щитом.

2.

Едва поэт надежно в землю спрятан,
Как верные приятели его,
Чей вид интеллигентен и опрятен,
Кидаются гуртом на одного.

Послушаешь – как будто бы и правы.
Судить поэтов модно на Руси.
Народ, народ... Даруешь тяжесть славы –
Так от воспоминаний упаси!

От великого до смешного

1.

Что могут поэты?
Немного.
Не пашут,
Не сеют.
Что могут
Поэты?
Как боги:
Что смеют.

2. Приговор

Не отпугнет
Судебные гоненья
Ни пыль веков,
Ни факта строгий вид.
И только приговор стихотворенья
Обжалованию
Не подлежит.

3.

Настоящий поэт – он пишет о всех.
Истинный – о себе.
Настоящий идет без дорог и вех.
Истинный – в борозде.
Настоящий – он плачет, поет и пляшет,
И все-то ему к лицу.
Истинный – только руками машет
В такт себе, гордецу.
Настоящий – он всеми ветрами дышит,
И пишет он – как живет.
Истинный – он ничего не слышит.
Он бороздой идет.

4.

Стесняясь мир обременять
И предрекать его кончины,
Старался молча рифмовать,
Как молча плакали мужчины...
Полузабытые стихи
Найдутся ненароком где-то,
Так неназойливо легки,
Как шутка грустного поэта.

5. Читая антологию

Небесное блаженство длилось долго –
Изнемогла от жадного восторга,
Перебирая слитки чистых слов.
Но невзначай
Сошла на землю снова,
Прочтя стихи не множества глупцов,
Лишь одного.
Какого!

* * *

Конечно,
Слово
Не было в начале,
Иначе дети б нас не огорчали –
Внимая материнскому наказу,
Все делали бы словно по заказу.
Увы, увы...
В начале
Было дело.
Его увидев,
Мать оторопела
И столько слов потом наговорила –
Самой немило!

Веселая работа

Раздается громкий стук –
Щетки строятся вокруг.
Синий, серый, белый крем –
Чищу обувь дома всем!
Туфли старые
За-пла-ка-ны –
Дам побольше черни
Ла-ко-вой.
Заблестят, вставая рядом,
То-то мама будет рада!

У моей сестренки Машки
Есть ботинки-замарашки.
Маша спит себе в постели,
А ботинки – заблестели!

Все готово,
Все готово,
Щетки выстроились снова.
По коробочкам стучу,
Звонко-весело кричу:

Стук-звон,
Стук-звон,
Красота со всех сторон!
Под
Стук,
Под
Звон –
Кто ленивый.
Выйди вон!

Неряха

Вот и руки
Праздные,
И тарелки
Грязные,
Стаканы
Неумытые
И тараканы
Сытые...

Аллергия

Отвернулся Дед Мороз,
Недовольно морщит нос –
Аллергия у Мороза
От весеннего прогноза.
Это что за беспорядки –
Зачесались даже пятки!

Про киску

Киска вылизала миску.
Миска весело блестит.
Ходит киска возле миски,
Киску мучит
Аппетит.
Ярче
Мискино

Сиянье –
Громче
Кискино
Страданье...

Умная Собака

Кошка встретила Собаку.
Та сказала ей:
«Пардон!
Прежде чем затеять драку,
Попрошу Вас выйти вон!»
Не скрывая удивленья
От такого обхожденья,
Удалилась Кошка в сад.
Ходит,
Ждет
И размышляет:
– Да,
Собака верно лает,
Дом для драки маловат...
Если драка –
Так уж драка!...
Очень умная Собака!

Бедный гном!

К домовому
В новый дом
Погостить явился гном.
Только старый домовый
Затаился за трубой.
Он с утра сидит на крыше,
До сих пор устало дышит.
В доме
 четверо
 ребят
Очень радостно вопят:
Загоняли домового –
И уже готовы снова...
А к чему готов народ,
Бедный гном
 сейчас поймет!

Помощница

1. Доктор

Кошка греет мой живот.
Он болит немножко.
И мурлычет, и поет,
И похныкать не дает
Рыженькая кошка.
Лечит, ласково урча,
Лучше нашего врача!

2. Помощница

Ой, сбежало молоко,
Убежало далеко:
На плите на белой
Сразу загорело,
А на кухонном полу
Встало озером в углу.
Мама любит чистоту.
Вытираю я плиту.
А пол, залитый молоком,
Кошка моет
языком.

3. Добытчица

Нет, все-таки на свете
Бывают чудеса!
Гуляла наша кошка
Всего лишь полчаса.
По нашему балкону,
Соседскому балкону
Гуляла так недолго,
Глядела в небеса...
Откуда ж эта вобла
И эта колбаса?

Кто скорее?

Дождик

капал,

капал,

капал.

Кто-то плакал, плакал, плакал...

Интересно:

Кто устанет

И скорее перестанет?

Сонная песенка

Баю-баюшки-баю,
Тихо песенку пою.
А слова у песенки –
Что ступеньки лесенки.
А ведут они
Ко сну.
Я сама сейчас усну.
Баю-баюшки-баю,
Песенку
Не допою...

Где иголки?

Жили ежики в лесу.
Пили ежики росу.
Жили-поживали
И грибы жевали.

А на лесной опушке
Всю ночь росли волнушки.
Сияли цветом розовым
За пеньком березовым.
До заветного пенька
Шли ежи издалека,
По лесной дороге
Натрудили ноги.

Догадался
Младший ежик,
Как идти
Совсем без ножек –
Покатились до пенька
Три колючих коlobка!

Глазки,
Носики
И ушки,
А за ушками – волнушки,
Чуть травинками шурша,
Едут в норку,
Не спеша.
Удивленно смотрят елки –
Где ежиные иголки?

Внучата-погодки

У Дуняши щеки в каше.
Каша нравится Дуняше,
Да большая ложка
Велика немножко!

У Акимушки – беда:
Очень мокрая вода.
Так и брызжет,
Так и льет,
Умываться не дает!

А Лука-Лукошка,
Мягкие ладошки,
Трудится, не плачет –
Ножку в ротик прячет

В. Из юбилейных «ненаучных» сборников ЦЭМИ РАН и прочее

История

1. Усы на Олимпе

На листьях – капельки росы.
А может быть, дождя.
И вдруг припомнились усы
Усопшего вождя
И капли... нет, потоки слез
Тогда, когда усоп
И над Москвой своей вознес
Свой всемогущий гроб.
По женским школам – караул
Из лучших учениц,
Рыданий наших смутный гул,
И капли падают на стул
С некрашенных ресниц.
И я стою в когорте той.
Иконою – портрет
С такою траурной каймой,
Которой горше нет...

Отверив истово тогда,
Изверилась потом.
И не заманят в те года
Ни палкой, ни кнутом.
Перестрадав синдром вождя
И все же поумнев,
Молюсь лишь капелькам дождя,

К зеленой ветке подойдя
Под шелковый напев.
Шумит по листьям теплый дождь.
Природа хороша...

Прорвется снизу новый вождь,
Запаленно дыша.
Его противник запоет
Горчайшие псалмы.
Помянет прошлое народ,
Дошедший до сумы.
Пусть на Олимпе шум и гам
До сей поры не стих,
Но, снисходительна к врагам,
Не верю более
Богам
И плачу
Не о них.

2. Октябрь – 1993

Не отыщется правый
Среди вызвавших бой –
За клочок ли державы
(Хоть избитый, да свой),
За свободу ли веры
(Но – и только – своей),
Или прочим манером
Возвестивших – убей!
Эх, дубинушка, ухнем
И в Бога, и в мать!
С голодухи не пухнем –
Что ж не поубивать?
То ли солнце активно,
То ли власти дележ...
Громыхает дубина
Среди яростных рож.

3. Тихий час в октябре

В отделении – тихий час.
Бедный ангел взмахнул крылами,
Пролетая не мимо нас –
Рядом с нами или над нами.
Что-то дышит он тяжело.
Сердце бьется – пока что бьется.
Невесомейшее крыло
От усталости книзу гнется.

Словно поле свое пахал,
Целиною ходил за плугом.
А всего-то – крылом махал
И над недругом, и над другом.

Там,
На улицах –
Нет, не глас –
Гвалт озлобленный,
Оголтелый...
В отделении – тихий час.
Ангел должен заняться делом.

4. Почти монолог

– И никогда не понимала,
И очевидно, не пойму:
Дарить спокойствием страну –
Неужто это так уж мало?
Неужто так уж невтерпеж –
Все больше власти, шума, гама?
Ведь каждого
Рождала мама,
И был младенчески хорош,
И губки бантиком держа,
Тянулся к самой главной пище...
Что ж оставляет пепелище,
Не от раскаянья дрожа –
От жуткой жажды жадной власти...
Да как от этакой напасти
Не удалишься, бос и наг,
Брезгливо двери затворя
В свою отворившую душу!
– Боишься жизни?
– Даже трушу,
Другим о том не говоря.
Но эта трусость –
Миг один.
Так, пена волн иль рябь на волнах.
Могучих и почти безмолвных,
Невозмутим покой глубин.
– Но мерзость факта?
Жуть примера?..
– Не ворошите эту муть.
Неистребима жизни суть.
Неугасима эта вера.

5. Витки спирали

И там, где два месяца назад я ставил
многоточие, сама история, похоже, по-
ставила окончательную точку.

Владислав Кулаков.

Лирика – это то, что требуется
(«Поэзия как факт». НЛО. 1999)

История не ставит точек.
А над поставившим – хохочет.
Возьмет – и снова обесточит
Накал, возникший между строчек.
Измучив ищущие души
До апатичного нуля,
Все сущее как бы разрушит...
Но – дальше вертится земля,
И новые витки спирали
Аж раскаляются!
История сидит, как краля, –
И улыбается.

* * *

Не факт, что я умру,
Когда же будет факт –
То лучше б не инсульт
И даже не инфаркт,
А что-то невзначай
(Нечаянно и вдруг),
Чтоб друг не замечал,
Что стал поуже круг,
Чтоб недруг не успел
Порадоваться всласть...
Заманчивый удел –
Бесхлопотно пропасть.
Из вереницы дней,
Скрепленных суетой,
И лечь, как в мавзолей
К покою на постой.
Хотя – сплошной покой?
О Боже, бред какой!

* * *

При уровне холестерина выше ...

Из медицинской «страшилки»

Не торопите похороны зря –
Я не спешу к заветному престолу,
Где, может, и не холодно, да голо,
И непривычно, мягко говоря.

Нет, я еще останусь на земле
Такой прекрасной и такой знакомой,
Где мы хоть и ненадолго, да дома,
А не в роскошной райской кабале.

А если до гордыни я горда –
Сей смертный грех вовеки не прощаем –
Ну что ж, в аду, наверно, поскучаем,
Ведь было не до скуки все года.

А что до этих самых адских мук –
Да Боже мой, какие там страдания?
Ну покричу от вил и прижиганья –
Не тот накал, не тот, простите, звук.

Когда же побреду я, не спеша,
И тот престол покажется в тумане,
Не мне о том суде гадать заранее,
И тут судима грешная душа.

Правка памяти

Записная книжка – это мортиролог
Позабывших планов и надежд.
Срок ее короткий, верно, слишком долгод
Для бумажных тоненьких одежд.
Потерялись цели. Испарились сроки.
И пустых фамилий – пруд-пруди.
Словно кем-то были заданы уроки,
Да остались где-то позади...

Что ж, перепишу я (оставляя строчки
Для грядущих радужных словес),
Ставя двоеточия и туже точки,
Где не потерялся интерес,
Где живут, как жили, имена и даты
И мобильный слышится трезвон,
Где уводит душу в прошлое куда-то
Лишь стационарный телефон.

* * *

Кто придумал этот чертовый закат?
Нет в нем смысла – только скопище тревог.
Не пойдут уже дела мои на лад,
Не пройти уже по лучшей из дорог.
Полосатая на небе кутерьма –
Ну и вкусы у небесных кутюрье!
Словно небо – лишь всевышняя тюрьма,
Всё в полосочку, как водится в тюрьме.

* * *

Когда, бессонницу любя,
Обманываешь сам себя,
Что будто маешься до света,
И, с тайной радостью в душе,
Лежишь в измятом неглиже
И ждешь блаженного рассвета –

Царит мерцающий покой,
Какой-то щедрою рукой
Рассыпанный в подлунном мире.
И мир хорош,
И ты хорош,
И никого уже не ждешь
В угомонившейся квартире,
Избавлен от забот и бед,
И тех, что есть,
И тех, что нет
(Но дню свои готовят пути),
Ночной свободой дыша
И не желая ни шиша
От вечности и от минуты.

История воды

Не замечая множества границ,
Без классов, наций, вер и прочих рубрик,
Вода смывает сношенные судьбы
И оживляет цвет усталых лиц.
В глуши артезианского колодца
Могучая, она беззвучно льется,
Не создавая мощный водопад.
Что б ни происходило в толще водной,
Она свободной будет и холодной,
Как десять или сотню лет назад.
Зато на пресловутой Ниагаре,
В ударе, в исступлении, в угаре
Шумит-гремит на весь наличный свет.
Вершина водопадного искусства,
Она ошеломляет наши чувства,
Что знает самый истый домосед.
Я говорю – да здравствует вода! –
Не ездя ни туда и ни сюда,
Ни вверх, ни вглубь не изгибая шеи.
Да здравствует усталая вода,
На дне почти невидимой траншеи
Укрывшая военные года;

Да здравствует веселая вода
Весенней неоформившейся лужи,
Которой не мешало б стать поуже –
Переступить могли б ее всегда
(Но темный снег уже не в силах сжать
Той лужи разметавшуюся прядь)!

Да здравствует – беззвучно повторю,
Когда с тобой во сне заговорю
На берегу прекрасной водной шири.
Она не гладь – Земля не ровный стол.
В какую глубь нас этот сон завел,
Продлившийся в очнувшейся квартире...
Струится терпеливая вода,
Пока моя привычная беда
Смывается ладонью понемногу,
Омытою спокойною водой.
Беда – она останется бедой.
Но – оживаю. Вот и слава Богу.

* * *

Я полюбила тишину
Почти заброшенного дома,
Впустившего меня одну,
Поскольку с ним давно знакома,
И не корю за скромный лад,
И не стыжусь его заплат.

И в хрупкой этой цитадели
Укроюсь временно от зол.
А время бродит еле-еле –
И тут же мчится как козел,
Бодливо выставив рога
На своего и на врага.
И друг, и враг, и свой, и чуждый
Перемешались там и тут.
Молчат беспомощные нужды,
Зато потребности орут,
Уставя в нас, но мимо нас,
Пустою пуговицей глаз.

О чем я? Это все снаружи.
Здесь тишина лелеет слух.
Эпохой вроде не контужен,
Почти блаженствует мой дух,
Разгадывая у окна
Ветвей зеленых письма.
Деревья майские стоят –
Их мудрый дух, должно быть, вечен,

А ослепительный наряд
Так мимолетен и беспечен,
И солнцем окропленный лист,
Как солнце, весел и лучист.

Контрасты – 2011

(память о «ледяном дожде»)

Шуршит опавшая листва.
Ее сгребать кому-то надо.
В жару предвестьем листопада
Шуршит по августу листва.
В зеленом кружеве ветвей
Нарядны стройные деревья.
Полны наивного доверья
В зеленом кружеве ветвей,
Что ветер сдует старый лист,
Открыв дорогу новой кроне,
И ветви распахнут ладони,
Чуть ветер сдует старый лист...
Хоть красота спасает мир –
Незабываем звон хрустальный,
Когда звучал он погребально
И красота

губила мир...

А розы все равно цветут!
Над ними духота не властна.
И что прекрасно – то прекрасно.
Три розы радостно цветут.

* * *

Ну что же, граждане, похоже, что пора,
Раз некому лечить больную душу.
Те, кто ей мил, исчезли не вчера,
И я покой их явно не нарушу.
Те, кто ей мил, остались кое-где,
Но мне до этих душ не докричаться.
И ни к чему – раз так-то – огорчаться,
А просто лишь, покорствуя судьбе,
Понять, что в этом мире я одна.
И мир один – тот мир, что всюду рядом.
Так встретимся же с ним открытым взглядом,
Как будто чарки выпили до дна!
Отменим сатирический прищур.
Пригасим иронические блики.
Был прищур

от наивности

великим,

Без диктатуры связей и культур.
Мне б
 в очи мира
 глянуть без затей
С доверием непуганных детей...

Интеллектуальная тень

Бесконечная тень истины.

*Из «Застольных поэм»
Джованни Пасколи*

У истины – бесконечная тень.
Так говорил Пасколи.
И весь тот длинный-предлинный день
Мы чепуху мололи.

И Вы мололи,
И я, умна,
Пыталась сказать такое,
Чтоб истина, познанная до дна,
Застыла навек в покое.

Она же, вильнув беспечно хвостом
Иль бесконечной тенью,
Смеялась крепко сомкнутым ртом,
Не склонная к удивленью.

А я старалась найти словцо –
Как пригвоздить печатью.
Не открывалось ее лицо.
Без страсти не быть зачатью.

День утомлен
И спор утолен
Словесной дребеденью.
Не состоится сегодня он,
Истины день рожденья.

* * *

Мы брели по ночному Таллину.
Кроны лип в полудреме таяли.
Голоса звучали раскованно.
Говорить казалось рискованно.

Древний город дремал таинственно,
Затененный густыми листьями,
Заговоренный, заколдованный,
Будто сном вековым окованный.

Растворялись ворота гулкие,
Лились улицы закоулками,
Быстротечными, бесконечными.

Осветило каштаны свечками.
Опоило сиренью улицы.
Ночь никак не могла нахмуриться.

В белом сумраке, в белом мареве
Назревало рассвета зарево
И расстаться с тобой заставило,
Таллин, Таллин, мой рыцарь каменный,
Заговоренный, заколдованный,
Словно сном вековым окованный...

1976 г.

Дорожная

Лес – направо,
Лес – налево,
Еду, словно королева,
В переполненном авто,
Что болтает и грохочет,
Чем-то голову морочит,
Но – зато, зато, зато!
Но зато ландшафт прекрасен,
Небосвод широк и ясен,
Воздух легок и лучист.
И зеленый, или рыжий,
Красный, желтый – ниже, ближе
Опадает с веток лист.

Да по этакой дороге
Поразмять бы наши ноги,
Никуда бы не спеша!
Только гонит, гонит, гонит
По машинам, как по коням,
Торопливая душа.
И летим по автостраде
(Кажется, чего бы ради?)
По бензиновой реке.
Мимо, мимо – сосны, ели,
И березы еле-еле,
Еле светят вдалеке.

90-е годы

1.

Жизнь – не сахар и не мед,
Жизнь скорей окрошка.
Вот судьба кваску нальет,
Кислого немножко,
Намешает черти-что

Щедрую рукою –
Было б только горячо
Варево такое!
Не ирландское рагу,
Но – того же плана.
Вынимаешь на бегу
Плату из кармана,
Получаешь свой черпак
(Часто с недоливом)
И глотаешь кое-как,
Став почти счастливым.

2.

Хотели как лучше, а вышло как всегда
В.М. Черномырдин

Всем известен этот старый анекдот,
Будто Боженька на небе там живет,
Все заботится и думает о нас,
Озабоченных с людей не сводит глаз...
Пусть была Его задумка хороша,
Да не вышло из задумки ни шиша.
Если созданы по образу Его –
Может, образ был немного не того?

Боже правый! Если даже идеал
С воплощением не больно угадал –
Что же требовать от нас, людей Земли,
Если шороху такого навели?
Нет, проекты и прожекты хороши
И задуманы с плеча и от души,
Только, граждане, и нынче,
как всегда,
С воплощеньем приключается беда!

Д.э.н. А.Е. Варшавскому, игравшему Шопена

Сыграйте, пожалуйста, что-нибудь нежное.
Нежности просит душа.
Время ль настало такое мятежное,
Жизнь ли
нехороша...

Так навалилось незваное многое –
Плечи от груза болят.
Подзадержусь невзначай у порога я,
Но не подамся назад.

Нет, я не сдамся на милость депрессии,
И не в депрессии суть.

Словно студентка, не сдавшая сессии,
Очень хочу
отдохнуть.

Время –
Кромешное,
Жадное,
Грешное,
Не разберешь ни черта!
Сыграйте
– Пожалуйста! –
Что-нибудь
Нежное.
Слишком
Устала
Душа.

О миллениуме

Бойся круглой даты
Взбулгаченный народ,
Несет нас всех куда-то –
Сам черт не разберет!

Но умный наш потомок,
Историей пленен,
Изысканен и тонок,
Взглянув сквозь даль времен,
Свой приговор итожа,
Вздыхнет еще не раз:
– Как все же непохожи
Прапрадеды на нас!
Как были все логичны
И в мыслях, и в делах!
Как было все прилично
В поступках и словах!
Народ был очень стоек,
Имел предобрый нрав...

И будущий историк,
Наверно, будет прав.

Другой, такой же умный,
Но менее эстет,
Заявит очень шумно:
– Ну, предки – спасу нет!
Такого натворили –
Лопатою грести!
Едва и нас не сбили
С нормального пути.

Из нынешней нирваны
Глядеть на них – тоска!
И правы, как ни странно,
Два этих чудака.

В полосе отчуждения

Ну и пусть не ведаем покоя:
То в окошко пялится фонарь,
То в купе вдвигается такое –
Хоть по роже плюнь или ударь...
Ну и пусть покой нам только снится
(Ведь не зря поэт свое изрек)
И контроль нелепый на границе
Вызовет не бешеный восторг...
Но в душе – и невесом, и светел –
Воцарился
И царит
Покой.
Словно ангел душу мне отметил,
Пролетая, теплою рукой.
Словно демон, видя эту встречу,
Отлетел, рассерженный и злой...
Полосой свободы мчится вечер,
Отчужденья дивной полосой.

Сентябрь на Балтике

Тяжелое море, Балтийское море...
Как будто с земным притяжением спора,
Оно посылает, шумя исступленно,
Увенчанных пеною волн легионы.
Они, обреченные биться о камни,
Чей вес ледниками забыт и отставлен, –
Они набегают
 рядами,
 рядами,
А может быть,
 стаями
 или стадами.
Ликуют туристы – отличное фото!
А морю на них и глядеть неохота –
Воюет, бессмертную выстудив душу,
И все наступает на теплую сушу.

Спор

Да что Вы! Это небо – просто прелесть!

... Ах, Вам слова приятные приелись?

Но по-иному я не назову.

Где нет ни грана страсти и постели –

Изысканной платоникой постели

Седьмое небо грезит наяву.

... Ах, «платонично» – глупо и не в моде?

Ну что ж, и я привержена свободе

И солнцу, что растопит снег и лед.

Но Вы на небо все-таки взгляните

И потянитесь, словно Нефертити,

Немного – вверх

И чуточку – вперед.

Позиция

Смирить

Воинственную прыть.

Просить

Лишь о немногом.

Но говорить –

Так говорить

Уже на равных с Богом.

Создавший мир

Таким, как мог, –

Он не кумир,

Он просто Бог.

Мир нехорош?

Возможно...

Что ж,

Когда бы создавал иной –

Как бы не стало хуже.

И ты, дружок, не спорь со мной,

Мне спор уже не нужен:

Все, что могла,

Я родила.

Никто ведь не просил.

И как могла – так создала,

Всё – на пределе сил.

Что не смогла –

То не могла.

Такие, милый мой, дела.

* * *

Я не люблю тебя, цифирь!
Тяжеловесна и громоздка,
Как на неструганных подмостках,
Ты нагло покоряешь мир.
Ты отменяешь легкий взлет
Алгебраических созвучий
Шопеновских – на каждый случай
Ты налагаешь свой черед.
Диктатом ложно-круглых цифр
Обманывая достоверность,
Свою лелеешь самоценность,
Утаивая чистый смысл.

Но дисгармонии твоей
Я не боюсь, стихия рока,
Зашедшая весьма далеко
Среди реалий наших дней!
И в какофонию числа
Вплетя мелодию простую,
Власть над тобою обрету я,
Что незаметна и светла.

Наедине

Наедине с пространством бытия
Бывали многие.
И среди многих – я.
По воле судеб, как по воле волн,
Плывет ладья.
Точнее – утлый челн.
Не доверяю глупому челну.
И трушу.
Но упорно не тону.
Упорство ли, упрямство ли виной –
Пока
Судьбе не справиться со мной.
Веселой злости пенистый бокал
Мой вредный дух
В тяжелый час алкал.
И как алкаш, спасенный от беды,
Он презирал бессилие воды –
Отхлынувши от утлого челна,
Смирялась
Утомленная волна.

* * *

Я с таким аппетитом
Омыла бы душу слезами,
Ну не душу – так сердце,
Не сердце – так что-то еще.
Только набран петитом
Сдаваемый ныне экзамен,
И в закрывшейся двери
Замка деловитый щелчок.

Свой засохший цветок
Обронил не спеша филлокактус.
Осторожно полью –
Даже узким листом не качнет.
Он сполна заплатил
Как там это...
По факсу, по факту,
Или как там теперь называется полный расчет.

Отправляюсь вперед,
К своему подходя повороту.
И подальше задвинув рыданий желанную муть,
Собирается мозг на привычную, в общем, работу,
И сбегаются мысли, давая душе отдохнуть.

А голос звучал...

Д.э.н. В.Г. Гребенникову

А голос звучал,
обнимая не тело, а душу.
А голос звучал.
И не стало вокруг никого.
Я молчу и молчу.
И молчанье свое не нарушу,
Лишь бы слышать его.
Лишь бы слушать его одного.

А когда отзвучал,
И открылись пустоты Вселенной –
Нет, скорей
Пустота,
Та, которая вечно вокруг...
И заплакала я,
Беззащитная, так откровенно,
Словно руку убрал
Безнадежно потерянный друг...

Я прошу Вас
не петь,
Растворяя души оболочки.
Я прошу Вас – не пойте! –

Хорал Баха «Украсть душу светлую»
(на концерте «Орган + симфонический оркестр»)

Звучит орган и мягко, и светло.
И перед ним, покорствуя звучанью,
Пока что обреченное молчанью,
Виолончелей стадо залегло.

Владеет залом дудка крысолова
В обличии органа неземного,
Освобождая просветленный звук
Движеньем ног и мановеньем рук.

Пропали бесконечные детали,
Что нашу жизнь из мелочи склепали.
И на душе просторно, и окрест,
Пока молчит всезнающий оркестр.

* * *

Когда на Земле не останется Бога,
Ни черта, ни твари какой завалящей, –
Воздушные замки, поднятые строго,
Начнут воздвигаться
все чаще и чаще.

Созвучие линий в созвездии башен,
Какое в прекраснейшем сне не приснится...
И день им не долог, и век им не страшен,
Когда наступает пора
проявиться.

Старому другу

Не шевелятся крыла
За плечами.
Не сердись, мой старый друг,
За молчанье.
Не завидуй тем, кого
Воспевала.
Было – пела.
Да не меньше – страдала.
Ты ж виною предо мной
Не помечен.
Просто крылья опустились
На плечи...

Над землею не взлетаю
С тобою.
Но уж если повстречаюсь

С бедою,
Но уж если колея
Заплутала,
Если ям на той дороге
Немало, –
Ты появишься,
Придешь,
Встанешь рядом.
И с тобой не упадешь.
Так и надо.

Слушая Розенбаума

Розенбаум не рыдает,
Тихо песню напевает,
Ну а я верчусь, как белка в колесе.
Прав певец – не надо плакать,
Хоть устала, как собака,
Надоело всё (спасибо, что не все!).

Стержень грустного напева –
Как его спасала Дева.
Повезло, он был мужчиною рожден.
Нас-то, женщин, не спасает –
Рвет, бодает и терзает
Лев ли, Рак ли, Козерог ли, Скорпион.

Нищетою замордован,
Весь ободран бедный Овен,
А упитанный Телец – наглец и хам.
А Стрельцы гробят друг друга.
Улетел Амур с испуга –
Бьют коллеги, и все больше по мордам.

Кто еще там в Зодиаках
Не погряз в деньгах и драках?
Александр Данилыч, спели бы еще!
Понимает Бог, однако,
Что любовь – важней, чем драка,
Потому им Розенбаум и прощен.

Дети выросли

Ничего я нового не скажу
И перстом не больно-то погрожу.
Усмехнутся глупые свысока –
Что им эта вянущая рука?
Отвернут безжалостное лицо,
На кулон любуясь ли, на кольцо...
Им зимовку рака не покажу,
Лишь вослед им с жалостью погляжу.

Первая обувка

Младшей внучке

Как по вкусу Диночке
Новые ботиночки!
На-де-ва-ем,
О-бу-ва-ем,
Еле-еле успеваем –
Состязание идет:
Мы – на ножку,
Динка – в рот!

Еле-еле,
Еле-еле
Мама с бабушкой успели,
На двойные узелочки
Завязали все шнурочки!
Отдохнули, посидели,
Посидели, поглядели –
А у внучки,
А у дочки
Все развязаны шнурочки!

Мама с бабушкой устало
Начинают все сначала.
Завязали снова.
Глядь –
Ползунки пора менять...

* * *

Расцвел прабабушкин цветок.
И он же – мамин.
И внучке просто невдомек:
Чуть-чуть руками
Я прикасаюсь не к цветам,
Прекрасно-белым,
А мамы теплым волосам
Чуть поседелым...

* * *

Это правда, граждане, а не ложь...
«Бабушка! Зачем ты живешь?» –
Смотрит семилетнее (не шутя!)
Очень любознательное дитя.

Как ответить (умно бы!) на вопрос?
Задан вроде походя, да всерьез
Этаким философом юных лет,
Что от бедной бабушки ждет ответ.

И не скажешь: «Голову не морочь!» –
Не уйдет, покорствуя, чадо прочь.
С мудростью житейскою – ох, напряг!
Отвечаю все-таки кое-как.

На вопросы детские – ох не ох, –
Издавая жалобно тяжкий вздох,
Отвечают бабушки день за днем...
Да когда ж мы, граждане, отдохнем?!

Дети раньше мучили – в свой черед
Внуки любопытные смотрят в рот.
Правнуки появятся – будет срок
Отвечать прабабушкам свой урок...

Люди на дорогах

Отпускаю, вздохнув облегчённо.
И прощу. И рукой помашу.
Словно праздничного перезвона,
И себе отпущенья прошу.

Но на том ли, на этом ли свете,
На скрещении дальних дорог,
Тех, кто боль причинял моим детям,
Кто на них спекулировать мог –

Не прощу,
И, увы, не забуду
Искорёженных жадностью лиц,
Хоть не буду глядеть на Иуду
Сквозь ограду брезгливых ресниц.

Непрощённым – им нету покоя.
Крестик есть – только нету креста.
Им охота придумать такое,
Чтобы выдать себя за Христа.

Звенигородские мотивы

Над сизой дорогой стояла дуга –
То радуга счастье сулила.
Вдали подмосковная наша тайга
Неспешно

в поля уходила...

Желтеет сияющий край облаков,
Светлеют далекие тучи...
Творец, несомненно, был очень толков,
Не мог он придумать
лучше!

Что южных щедрот горделивая власть,
На пышных красоток похожих?!
И ты на колени готова упасть –
Да жаль
изумленных прохожих.

В королевстве моем

Не развилка дорог,
А развилка аллея:
Пешеходная – справа
И лыжная – слева.
Среди тёмных стволов и зелёных ветвей
Прохожу величавая, как королева.

И светло, и тепло
В королевстве моём.
Снег украсил дороги
Ковром белоснежным.
Даже дятел, с утра разбудив окоем,
Отзывается стуком негромким и нежным.

И надёжна ограда
Деревьев моих.
И спокойна душа
(Хоть недолго, но всё же...)
Даже ветер чуть-чуть прошумел – и утих,
Деликатно коснувшись овечьей кожи.

Пусть вокруг многовато
Таких королев –
Всем хватает
Простора, покоя и света.
Снег немислимо бел.
И поставлен предел
Злу, которое копится где-то...

Да, цветы хороши.
А деревья – мудры,
Хоть понять их язык
Неразгаданно сложно.
Прохожу между ними,
Коснувшись коры,
Словно тот ветерок –
Осторожно...

Выплыл парусник.
А за ним –
Не фатой подвенечною,
Не дымком из трубы
(Пароходам на небо нет ходу) –
Лишь чуть-чуть голубым
По всему небосводу
Так слегка подмалевана даль,
Словно кто-то рискует:
Утоляя свою печаль,
Небеса рисует.

Леший⁴⁹

Там,
В лесу,
Болтался леший –
Не видали?
Кувыркался меж валежин –
Не слышали?

Да еще,
Кидая снегом,
И за мной
Ударил бегом!

Ну, догнать меня
Сумел бы он
Едва ли.

Насмешил зато до колик
Этот старый алкоголик!

Вы напрасно
в том лесу
не побывали...

Прогулка

Мимо солнца,
Мимо снега,
Мимо леса,
Без какого-то конкретно интереса
Я иду – точнее, бреду – неспешным шагом
По дорогам,
По тропинкам,
По оврагам.

⁴⁹ В галерее «Сосны» (см. сноску к «Успенское – 1997») позже появилась картина художника Цветкова «Странник» (или «Расстрига»?) – словно писанная с этого лешего.

Рифмы, может, простоваты – ну и что же?
Я сама на обитателей похожа
Этих мест, где не чураются нарядов,
Но попроще одеваются – как надо.

Вот вздымаются высокие деревья,
А за ними приближается деревня,
Дальше поле, лес и поле, лес и поле...
А куда иду – моя не знает воля.

Вот ворона на задумчивой вершине,
Как вершитель судеб присно и отныне,
Смотрит пристально –
А может, воровато?
Только я-то блеском счастья не богата.

Эй, ворона, отправляйся дале, дале,
Где бы мы с тобой ни разу не бывали,
Ухвати кусок разинутую пастью,
Раздели со мной ворованное счастье...

Нет, подружка, не старайся – неприлично.
Я к ворованному, знаешь, непривычна.
Да и ты, подружка, ленишься летать,
А ленивым не дается благодать.

Снежинки

То справа налево, то слева направо,
То сверху пикируя в лес,
Прозрачных снежинок... не скажешь «орава»,
Но множество – мчится с небес.
И, не заслоня прекрасные виды,
Где ветви сомкнулись в кольцо,
Отдельные... как бы сказать... индивиды
Чуть-чуть освежают лицо.
И так деликатно, безропотно тают
На ими омытом носу,
Что лучше косметики той сберегают
Мою неземную красу.
Ее не убавили годы-невзгоды
(Она и была не того-с),
Но гордо несусь сквозь любую погоду
Мой явно увесистый нос.
И возраст – он может, пардон, удавиться
Под натиском бедствий моих!
Пунктиром прозрачным закрыта граница,
И я недоступна для них.

Конец зиме!

Сугробы отступили за краешки дорожки.

Ворона крепким клювом

долбит усталый лёд.

Вальяжная походка у здешней сытой кошки –

Гоняться за пернатыми лентяйка не пойдёт.

А я иду, влекомая гипнозом щебетания,

Летания влюблённого весенних быстрых птах.

И отступают глупые настырные страдания,

Душа витает в небе, в заоблачных мечтах...

Иду, вконец разнежена от птичьего количества,

И качество их пения вгоняет душу в транс...

Зима с Весною встретились. Их вечные Величества

Вступили в распрекраснейший, но всё же – мезальянс.

Почти что из сугробов

возникли одуванчики –

Те, первоначально чистые, что солнечно ярки.

Насторожилась кошечка

до коготков на пальчиках –

Уж очень расшуршались ожившие жуки.

А на берёзах светятся их белые наряды.

И ели устремляются упрямо в небеса.

И вторят птицам древние,

но нежные дриады,

По веткам распуская прелестные власа.

К солнцу

1.

Скучая, Вы ждали людей, Ваша Светлость?

Ну вот мы и вышли – привет!

С утра озаряет лесную окрестность

Ваш ярко блистающий свет.

Нет, зря говорила вреднючая дочка:

«Прогноз Института таков:

Хоть нету осадков, но пасмурно очень,

И холод апрельский суров».

А Вы рассиялись у нас в поднебесье,

Своё наднебесье пройдя.

Желаете, видимо, покуролесить,

Пока не случилось дождя?

Взошла земляничка по Вашей указке

И выросла, как на дрожжах;

Того и гляди, расцветёт, словно в сказке,

Под наш изумлённый «Ах!».

Сверкая, как солнышко, юная лужа,
Влекущая юный народ,
Останки ледышки в себе обнаружа,
Играет, как с мышкою кот.

Пусть мокнут упрямые рядом сугробы
Под Вашим весомым лучом,
Оледенелые пряча утробы,
Как будто весна нипочем –

Но Вы доберётесь до этих упрямец,
И каждый заплачет: «Плыву!»,
И лужи закружатся в сказочном танце,
Как Золушки на балу.

2.

Привет, светило!
Так, запанибрата,
Потолковать с тобою разреши.
Не то чтобы нахальством я богата,
Но тянет поквитаться от души.

Ведь ты, светило, греешь несерьёзно,
Халтуришь потихонечку, дружок:
На улице не то чтобы морозно,
Но – вон лежит назойливый снежок,
Вон там сугроб нахально громоздится
И на тебя – представь себе! – плюёт...
И хоть поёт обрадовано птица
(Поскольку о весне своей поёт),
Но хорошо ей на высокой ели,
Обласканной сиянием луча, –
А на земле опять заледенели
Доверчивые лужи.

Сгоряча
Уж так они сверкали и резвились,
Уверены в могуществе тепла!
И не в каток бедняжки превратились –
А в тусклые осколочки стекла...

Как ты, светило, несерьёзно греешь!
Само, того гляди, оледенеешь...

Закат

1.

А небо остается небесами,
Какими бы усталыми глазами
Ты ни глядел на этот небосвод.

Не может успокоиться никак –
Просматривая множество дорог,
Солидных троп и худеньких тропинок,
Смывает напрочь оттиски ботинок,
Отметки туфель и следы сапог.

А ноги нежит теплая кровать,
И голова избавлена от боли,
Не зря врачи иголками кололи...
В Успенском ночь. А ночью надо спать.
27 сентября 1993 г.

Предчувствие зимы

Тут деревья толпятся в лесу
И несут облака на весу.
А в прогалины ярких небес
Жадно смотрит октябрьский лес.
Отойдя от жары-кутерьмы,
В предстоянии долгой зимы
Сберегает последний наряд,
Чтоб укутать озябших дриад.

Шумный ветер смахнет сгоряча
У деревьев одежды с плеча.
Желто-красно-зеленый покров
Отцвести и увянуть готов! –
Поздней живописи краса
Покидает покорно леса.

И тогда проступают с высот,
Как старинный неясный офорт,
Тонких веток слова-письмена,
Суть которых до срока темна.

Заплетается тайная вязь,
Мудреней и мудрей становясь.
И спокойствию этому рад,
Лес баюкает спящих дриад,
Нежно кутая плечи снежком,
Чтоб мечтали о чем-то таком...

Мотивы года

Краски зимы

1. Церковь в Успенском

Вечерняя церковь нежна и легка,
И может быть, невесома –
Лишь кистью намеченная слегка
Художника полудрема.

Снежинки неслышно приносят такой
Царящий в небе покой,
Что слава, удача, успех и почет –
Нисколько уже не в счет.

2. Сумерки

Зеленоватая река
И розовые облака
Голубоватыми снегами
Себя окутали слегка.
И золотистая сосна
Еще по-девичьи стройна.
Но зелень игл – чадра густая
Темнеет, годики считая...

Рапсодия весны

1.

Сегодня объявился март.
И голубее стало небо,
И аппетитней – корка хлеба,
И громче – воробьиный гвалт.
И снег, забыв про свой уход –
Что ж помнить, если неизбежен, –
Сегодня чист, пушист и нежен.
А должен бы наоборот.

2.

Звенит воробьиный бездонный восторг
Над легкой весеннею лужей,
И снег по обочинам скромно залег,
Своей темнотою сконфужен.
А воздух веселым теплом обогрет,
И полон неясных намеков,
И шепчет на ушко какой-то секрет,
Обиды смахнув ненароком.

3. Апрельский вальс

Снег и сирень перепутал апрель,
Снег и сирень,
Снег и сирень.
Тает на улице синяя тень,
Синяя-синяя тень.

Дождик нечаянно в небе повис –
И полетел
Весело вниз.
Солнце, играя, спускается с ним
К старым сугробам седым.

Белых, и серых, и черных земель,
Разных земель,
Праздных земель
Радостный лик обнажает апрель,
Этот нахальный апрель.

Над половодьем земли и воды,
Где-то вдали,
В синей дали
Пахнут сиренью глаза стюардесс
На перепутьях небес.

Снег и сирень перепутал апрель,
Снег и сирень,
Снег и сирень.
Тает на улице синяя тень,
Синяя-синяя тень.

4. Апрельский снег

Апрельский снег – а был и майский снег...
Казалось бы, нелепая затея:
Лететь на землю, по пути старея,
Рискуя раздражить невольно всех:
Одних – недостижимостью тепла,
Других – необходимостью уборки.
Век снега позднего, и без того короткий,
Укоротят лопата и метла.
Но надобно когда-нибудь решиться...
И словно смерть и вправду не при чем,
Последняя прекрасная снежинка
Доверчиво ложится на плечо.

5.

Спели песни капели,
И ручьи отзвенели,
Только дождь
даст в апреле напиток
И земле, и траве.
И в пушистой листве
Любопытные выступают рыльца.
Расцветают сережки
И московские ножки,
И москвички бегут на работу,
Торопясь (но чуть-чуть),
Пробегая свой путь,
Словно ждет их веселое что-то.

6.

Неуверенное тепло
За моими летит плечами.
Вот и облако побрело
За мелькающими лучами.
Тают светлые этажи.
Тротуарам легко и мокро.
Словно вымытые, свежи
Растворенные в небо окна.

7.

Сметают мусор со двора.
Становится светло и чисто.
Стоит веселая пора
Предчувствия зеленых листьев.
Прозрачный воздух
Первозданно пуст.
И кажутся творением Кварнеги
Подтянутый зеленоватый куст
И парковые стройные шеренги.

8. На волю!

Дерзкий листик
Острым наконечником
Панцирь зимний рушит.
И вздыхают дети над учебником,
И смеются лужи.

Рапсодия лета

1. Пастораль

Это лето колдует умело:
От зеленых растрепанных крон
То ли небо поголубело,
То ли сердце помолодело
До наивности прежних времен...

Облака возникают и тают.
Над июнем – покой и уют.
И летят голубиные стаи,
Или пух тополиный витает,
Или ангелы в небе снуют.

2. Июньская гроза

Июньская гроза,
Пугая и грозя,
Гремела канонадой
За сумрачной оградой
Из набежавших туч.

Но, вопреки преградам,
Блеснул со мною рядом
Шальной, веселый луч.

А небо наступало,
А небо грохотало
Как будто бы всерьез...

А луч сиял и множился,
И вовсе не тревожился
От грохота и гроз.

3. И хорошо...

Ну и ладно, и хорошо!
Дождик вырвался – и пошел
Вдоль тропинок и вдоль дорог
Разрешением всех тревог.

Ожидания не стерпев,
Заструился его напев –
Обещанье великих гроз,
Не воспринятое всерьез.

4. Ливень

Какой роскошный ливень лил,
Заполонив детали лета!
И лето набиралось сил,
Омытой зеленью одето.

Дышалось гулко и легко,
И вился ветер, не мешая,
И лился ливень далеко,
Картину мира завершая,

Как то, заветное «чуть-чуть»,
Что не хватает до таланта,
Когда стихи

нам давят грудь,
Как давит глыба
на Атланта.

Рассодия осени

1. Бабье лето

Бабье лето... Ветвей паутина,
Замечтавшихся листьев полет,
И прилежно краснеет рябина,
И пренежно глядит небосвод.

В легком пламени, лиственном, ясном,
Бродит белая лошадь вокруг.
Угощается яблоком красным
Из горячих и ласковых рук.

Эти руки... Ах, глупая лошадь!
Мне б такой немудреный удел,
Чтобы милый, далекий, хороший
Подошел, поглядел...

2. Ноябрьский свет

Тихо. Лают собаки. Горят фонари.
Выступает вальяжно луна.
И стоят в карауле до новой зари
И береза, и ель, и сосна.

Под ногою – хрустящий непрочный ледок.
За спиною – пространство двора.
Мой привычный мирок
Бесконечно далек,
Хоть оставлен едва ли вчера.

Суетливо напичканный судьбами век
И большой взбудораженный мир
Затерялись за множеством далей и вех
В неуюте московских квартир.

А вокруг – небеса, и стволы, и трава.
Тонкой вязью на белом снегу
Проступают мудрейшие в мире слова,
Да прочесть их никак не могу.

Только лают собаки, горят фонари,
Проплывает спокойно луна
И глядит, как стоит в ожиданьи зари
Убеленная снегом сосна.

3.

Предзимье. Солнце. Ели.
Прозрачные снега.
Ступает еле-еле
По скользкому нога.

Не мрачные дубравы,
Не гущи лозняка –
Стоят прямые травы,
Озябшие слегка.

Ни осени тоскливой,
Ни долгих зимних бурь.
Сияет над Россией
Небесная лазурь.

Мемориал

1. Уральское детство

Идут трактора.
Бьется гусениц грохот,
Заполнив пространство родного двора.
И словно назад отступает эпоха –
Так «тридцатьчетверки»⁵⁰ ползли до утра.
Завыли ветра над теплом колыбели,
Тревожные сны прикоснулись ко мне...
Ночами уральскими
Танки гремели,
И стекла часами дрожали в окне.
Танкисты ушли,
Но станки не стояли –
Мальчишки «РЭУ» выручали завод.
Не зря их девчонки порою боялись –
Такой разудалый собрался народ!
Мужал он, взрослея по нормам военным.
На норме голодной
Не очень-то рос.
Носили спецовки тогда без замены –
Годились на маленький рост.
Грозилась ремесленным –
Самым отпетым.
Спасали в ремесленном
Самых лихих.
И нас умиленно засняв для газеты,
С каким уваженьем писали о них!

2. Моим родителям

Нет, Урал для меня – не уют колыбели,
Хоть уральское детство назначилось мне.
У моей колыбели
Ночью танки гремели,
Рядом танки гремели, приближаясь к войне.
Возвращались они, лишь вконец обессилив,
И казалось – ранениям нету числа!
Но не танки войну на плечах выносили –
Сила наших родителей
Эту тяжесть несла.

⁵⁰ Знаменитые танки «Т-34» в войну делали в Челябинске на ЧТЗ.

3. Поэт и бабы
(памяти наших мам)

В Челябинске, в сорок четвертом,
Я танк непонятный видал...
Без пушки уже и без башни...
Ни дети, ни бабы, ни барышни
Вослед не глядели ему...
Капусту по улице пыльной
Он лихо и весело вез.

М. Львов

Танк без пушки и башни – не танк.
Это – лайба,
Та, которой и впрямь не глядели вослед.
Почему? Да любая вам баба дала бы
Не лихой, не веселый, но точный ответ:
Как зимой собирались подружки в подмогу –
Наменять по селеньям картошки на всех –
И на лайбе усталой пустились в дорогу,
Чтобы свой накормить голодающий цех.
И грузили картошку
На старую лайбу,
Что последнюю силу теряла в пути –
Но зато не сдавались
Усталые бабы,
Чтобы долгий тот путь
Как-нибудь,
Да пройти.

Вновь и вновь повторялось нелегкое дело:
Нагружать,
И сгружать,
И чинить – без конца...
На мосту колесо прямо в прорубь слетело,
И застыла слеза на морщинах лица.
Стужа губы свела,
Стужа пальцы скрутила,
И сдавался мотор,
Застывала броня –
Все осилила бабья упрямая сила!
Разделили на всех, каждый клубень ценя.

Что им, бабам, глядеть
Вслед увечному танку!
Нагляделись на них на заводе и так.
Это танк молодой
Лихо мчится в атаку.
Возвращается к бабам
Израненный танк.

4. Варенье

Пенка стала густою и розовой.
Я опять потихоньку ликую,
Что из ягоды, вроде бы бросовой,
Приготовила прелесть такую.
Я из детства, из послевоенного,
Забывая года за плечами,
Эту радость кипения пенного
Все голодными вижу очами.

5. Песни⁵¹

Как звучали песни печалью
И манили в милую даль...
Как рычали танки отчаянно –
И не заглушали печаль...

Был украинской теплой мовою
Обогрет уральский мороз.
Скарб оставили в дни суровые,
Песни вывезти удалось.

Первым голосом,
Первым голосом
Как поется рядом с вторым!
И над маминым
Темным волосом –
Песен тающих теплый дым.

Пусть столы не густо уставлены
И не бьет в глаза дефицит,
Но сидят родители парами,
Маме вторя, папа басит.

В детстве глупом чуть ли не плакала –
Что ж мой папа, что за чудак?
Ну не может петь одинаково,
Так не пел бы вовсе никак!

... Первым голосом,
Первым голосом
Так поется рядом с вторым!
Над моим седеющим волосом
Песен тающих

теплый дым...

⁵¹ «То, что наши родители, как и многие вокруг, были отличными и «одержимыми» специалистами, было понятно давно. Годы нелегкой жизни заставили понять и другое, не оцененное в детстве, казавшееся обычным, присущим всем и всегда: душевная честность и чистота их (оттого и людям умели доверять), благородство отношений к чужим и глубокое, стойкое чувство к близким – не такая уж повседневность, хотя именно это и делает жизнь человеческой... (все ли современные деловые люди со мной согласятся?)... Двух месяцев не дожили мои родители до золотой свадьбы в августе 1985 года. Уже и стихи были написаны для них, только читать их пришлось не на свадьбе, и они их так и не услышали.» (Наталья Слатина. Девочка из сорок пятого // Вечерний Челябинск. 1986. №№ 47–50.).

Стихия слова

Срок

Ну вот опять подходит срок
Уйти от всех туда,
Где не теснит свободный слог
Своя ж белиберда.
Не рвется гордость на дыбы.
Но, может быть, взамен
Уловишь ты кивок судьбы,
Поднявшись с колен.

Весома будет та строка,
А, может быть, легка.
Её запишет не рука,
А перья-облака.
Какие звуки встанут в ряд,
Звеня порой вразброд,
К чему меня приговорят,
Не знаю наперед.

Но вот опять подходит срок
Ловить судьбы кивок,
Смягчив улыбкой сухость губ
Под гул далеких труб.
А ночь, просторна и легка,
Готовит перья-облака.

Спор о литературной премии

– Да, рифма не та...
И ритм не новён...
Звучание слишком гладко...
И в общем, со всех, простите, сторон –
Одна, простите, накладка.

– Но я на Парнасы не лезу к вам,
Толкаться-то неохота.
И мой, простите, пустой карман –
Моя, простите, забота.
И пусть моя премия не щедра
(Хоть все же – литературна),
Пусть прахом моим не будет горда
Моя грядущая урна,
Но я сказала свое словцо
(И ненароком – слово),
И смотрит с усмешкой мое лицо
На то, что оно не ново.

* * *

Мне говорили – искра Божия!
А я не то, чтобы не верила,
Но и не очень-то тревожилась,
Что не дойду до нужной двери я
Или пойду не той дорогою
И стану старой и уставшею...

Живу – не ставшая убогою,
Но и на Бога не восставшею.
Не серединка золотая,
Но не люблю упёртость края.

* * *

Взять глыбу мрамора и отсечь от
нее все лишнее.

Роден

Косноязычием жива,
Я не люблю слова.
Обречена на их всевластье,
В них облекая смысл и суть,
Наговорю вам не чуть-чуть,
А много лишнего, к несчастью.
И тонок, словно волосок,
Отбитый мрамора кусок,
Когда заставят отбиваться
От непонятиц и длиннот...

А может, всё наоборот?
И снизошедшая строка –
Она воистину легка,
И нам дарована свобода
Покорно ждать ее прихода.

Чужие стихи

Над строкой не трепещу я,
От глагола не дрожу,
И другого не ищу я,
И себя не нахожу.
Над раскрытою страницей
Дрожь по телу не промчится,
Не забьется сердце вскачь.
Где ж стихи – восторг и мука,
Не искусство, не наука,
А спаситель и палач?

То ли двери позакрыты,
То ли окна позабиты,
То ли звуки не слышны,

Но стою я
На пороге,
Утомленная с дороги,
Не найдя чужой страны.
Та страна – не где-то,
Рядом,
Но гляжу незрячим взглядом
На немые крики губ,
И беззвучен голос труб...

О художественности

Очевидно, что...
Ну, это тривиально.
Замена доказательств на мехмате

Он, как известно, гениален.
А я, прочтя его дотла,
Вдруг поняла, что он – нормален,
Иль ничего не поняла.
Да, широка его палитра
И беспределен лексикон...
О дайте, дайте мне поллитра –
Замучил этот щедрый звон!
Поэт, которому не стыдно,
Переплетая словеса,
Твердить о том, что
Очевидно
И тривиально –
Два часа!
Немало менторство Толстого,
Да вот припомнилось опять:
Уж так художественно слово,
Что – не пора ли помолчать?

О стихотворной вольности

Поэзия в неволе не живет.
Б. Заходер

Поэзия живет
В неволе!
И даже боле:
Да без нее она умрет,
Поскольку истинно живет
Поэзии кусочек –
Средь строчек, слов и точек,
Сплошь формообразующих
И воли не взыскующих.

Бедa незваная

А может, все наоборот?
Не оттого беда приходит,
Что длится дней круговорот
И все-то смысла не находит;
И руки горько опустив
(Хоть что-то делая руками),
Нелепых дней пустой извив
Ты чуешь битыми боками;
И не слагаются никак
Ни строчки, ни слова, ни звуки,
И ходишь, как большой дурак,
Зачем-то взятый на поруки...

Да, все, наверное, не так.
Коль не слагаются никак
Ни строчки, ни слова, ни звуки
И ходишь, как большой дурак,
Зачем-то взятый на поруки –
То, руки праздно опустив
(Хоть что-то делая руками),
Нелепых дней пустой извив
Своими чувствуешь боками.
И длится дней круговорот,
Но что-то смысла не находит...
В бездарный час, и день, и год
Бедa наглеет – и приходит.

Эпоха и поэт

Эпоха потребна другая –
Не та, где доводится жить.
Но что-то об этом слагая,
Не стоит по-волчьему выть,
Не стоит орать спозаранку,
Как будто с похмельного зла,
Не стоит вползать в перебранку,
Мотая рогами козла.
Не стоит, мой стоик и воин,
Мой стойко-воинственный брат!
Ты многого очень достоин,
И даже нездешних наград.
Но так ли потребна другая
Эпоха – иная, не та,
Где истина бродит нагая,
Пока не видать ни черта?

ISBN 978-5-8211-0641-4

9 785821 106414

Заказ №

Объем 15,3 п.л.

Тираж 200 экз.

ЦЭМИ РАН